

№ 10 (74)
2020

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

- 34** *Воскобитова Л. А.*
Использование функционального подхода
для цифровизации уголовного судопроизводства

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 52** *Масленникова Л. Н.*
Концептуальный подход к построению
уголовного судопроизводства, обеспечивающего
доступ к правосудию в условиях развития
цифровых технологий
- 66** *Пржиленский В. И., Пржиленская И. Б.*
Идеалы и интересы участников цифровизации
уголовного судопроизводства
- 82** *Мальшева О. А.*
Особенности доказывания, осуществляемого
следователем, в условиях цифровизации
уголовного судопроизводства
- 108** *Володина Л. М.*
Некоторые вопросы обеспечения прав в уголовном
судопроизводстве в условиях эпидемии COVID-19

№ 10 (74)
2020

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

Грачева Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТОКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — начальник Управления содействия международному развитию и взаимодействию с международными организациями Федерального агентства по делам СНГ, соотечественникам, проживающим за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 15.12.2020 Объем 30,13 усл. печ. л. (19,17 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
<i>При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.</i>	
Редактор	Л. А. Мункуева
Корректор	А. Б. Рыбакова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 10 (74)
2020

Edition
CRIMINAL PROCEDURE LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Law of Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Duflot & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Head of the Department of International Cooperation of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2020

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial

University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Head of the Department of International Development Assistance and Interaction with International Organizations of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, Dr. Sci. (Politic.), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

VOSKOBITOVA Lydia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	15.12.2020 Volume: 30, 13 conventional printer's sheets (19, 17 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor	<i>L. A. Munkueva</i>
Proof-reader	<i>A. B. Rybakova</i>
Computer layout	<i>D. A. Belyakov</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	7
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	9
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства	34
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Цифровизация в уголовном судопроизводстве	
Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий	52
Пржиленский В. И., Пржиленская И. Б. Идеалы и интересы участников цифровизации уголовного судопроизводства	66
Воронин М. И. О правовой природе электронных (цифровых) доказательств	74
Мальшева О. А. Особенности доказывания, осуществляемого следователем, в условиях цифровизации уголовного судопроизводства	82
Таболкина К. А. Прокурор на начальном этапе уголовного судопроизводства: поиск путей оптимизации деятельности в свете цифровых технологий	89
Шереметьев И. И. Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме	97
Особенности уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19	
Володина Л. М. Некоторые вопросы обеспечения прав в уголовном судопроизводстве в условиях эпидемии COVID-19	108
Международные аспекты уголовного судопроизводства	
Осипов А. Л. Имплементация правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российском уголовном судопроизводстве	116
Матвеев С. В., Колотова С. М. Институт экстрадиции в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации	126

Зарубежный опыт

Антонович Е. К.

Электронное правосудие по уголовным делам
в Нидерландах: современное состояние и перспективы 136

Даниленко И. А., Васильев Н. В.

Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность
частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки,
почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре
мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) 150

Собенин А. А.

Комплексные информационные системы уголовной юстиции США ... 158

Современные проблемы развития
уголовно-процессуального права

Вилкова Т. Ю.

Организация досудебного производства по уголовным делам
в России и за рубежом как фактор обеспечения
доступа к правосудию 167

Михайличенко Н. А.

К вопросу о возможности использования
результатов оперативно-розыскной
деятельности в уголовном судопроизводстве 180

Насонов С. А.

Проблемы практики роспуска коллегии присяжных
заседателей ввиду тенденциозности состава:
эффект законодательной ошибки
или недостатки правоприменения? 186

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Безверхов А. Г., Кривокапич Б.

Противодействие легализации (отмыванию)
криминальных доходов: комплексно-правовой подход 194

Забралова О. С.

Понятие и назначение расходных обязательств 205

Трибуна молодого ученого

Казимов З. И.

Уголовно-правовые санкции за преступления,
совершаемые отдельными категориями лиц 212

Мурылева-Казак В. В.

Возмещение имущественного вреда, причиненного лицам,
не являющимся участниками уголовного судопроизводства,
в порядке реабилитации 221

Обидин К. В. О роли электронной информации в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации	231
Перова Е. А. Непринятие судом мер по возвращению дела в порядке ст. 237 УПК РФ как безусловное основание к отмене приговора	237
КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ	245
ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ Памятники права Обвинительное заключение по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра	253
ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Люблинский П. И. Процессуальные права заключенного и средства осуществления их	263
ПОСТСКРИПТУМ Романович-Славатинский А. В. Голос старого профессора по поводу университетских вопросов	281

Слово к читателю

Кафедра уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) представляет читателю новый выпуск журнала, подготовленный в основном преподавателями и аспирантами кафедры.

Последние два года на кафедре выполняется научно-исследовательская работа по двум грантам РФФИ, связанным с вопросами цифровизации уголовного судопроизводства, в которых принимают участие 11 членов кафедры. Одно из направлений НИР связано с фундаментальными вопросами трансформации основ уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий, а другое — с разработкой концепции построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий.

Участники этих грантов представляют здесь некоторые результаты своих исследований и предложения о возможных путях цифровизации. Публикации, подготовленные по другим тематическим исследованиям, связаны с работой авторов над кандидатскими или докторскими диссертациями.

Кафедра не только обеспечивает преподавание более 20 дисциплин, но и старается не терять связи с практикой. Участие членов кафедры в адвокатской практике, сотрудничество с аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, работа в научно-консульта-

тивных советах при Верховном Суде РФ, Генеральной прокуратуре РФ, Федеральной палате адвокатов РФ позволяет выявлять и выносить на теоретическое обсуждение наиболее острые и проблемные вопросы практики уголовного судопроизводства, предлагая их возможные решения.

Кроме того, мы готовим научные заключения по наиболее сложным или спорным вопросам уголовного судопроизводства, возникающим при производстве по отдельным делам. Систематически ведем занятия в системе повышения квалификации мировых судей Московской области, а также адвокатов не только в Москве, но и в регионах. Предметом наших публикаций, вынесенных на суд читателей в этом номере журнала, стали наиболее острые вопросы теории и практики уголовного судопроизводства.

Желаем вам приятного и полезного чтения, а также интересных научных дискуссий!

Л. А. Воскобитова,
*заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ МЕСЯЦА

В МГЮА прошло первое заседание рабочей группы по совершенствованию законодательства Москвы в связи с изменениями Конституции РФ

21 октября 2020 г. в зале Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось первое заседание рабочей группы по совершенствованию законодательства города Москвы в связи с изменениями Конституции Российской Федерации, одобренными в ходе общероссийского голосования.

Ректор Университета Виктор Блажеев, открывая заседание, отметил, что рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию, в которой он состоит, продолжает свою работу и преобразована в рабочую группу по мониторингу реализации конституционных изменений. Она будет рассматривать готовящиеся законопроекты на соответствие Основному закону.

«Наше сегодняшнее заседание — важное и своевременное мероприятие, поскольку есть вопросы, которые касаются и государства в целом, и субъекта — это культурная, образовательная и социальная сферы», — пояснил ректор.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

Также Виктор Блажеев заявил, что Университет готов выступить постоянно действующей экспертной площадкой для организации деятельности рабочей группы Московской городской Думы и пригласить к участию как представителей возглавляемого им Университета, так и экспертов из других образовательных и научных учреждений.

В состав участников рабочей группы вошли депутаты Московской городской Думы и представители различных общественных организаций.

Председатель Московской городской Думы Алексей Шапошников отметил, что текущее заседание пройдет в формате обмена мнениями.

«Для повышения эффективности законотворческого процесса мы выделили четыре основные сферы, в рамках которых предстоит основная правовая работа на региональном уровне», — подчеркнул он.

Также политик отметил, что участникам рабочей группы предстоит большая работа по приведению законодательства в соответствие с новыми положениями Конституции России в части социальных вопросов, науки и культуры, предпринимательства, организации единой публичной власти и избирательной системы, а также различных вопросов развития гражданского общества.

«Наша рабочая группа будет в постоянном режиме вести мониторинг изменений федерального законодательства и оперативно реагировать на все изменения», — сказал он.

В ближайшем будущем, добавил политик, между Московской городской Думой и Университетом будет

заключено соглашение о долгосрочном сотрудничестве в сфере законодательства и образования.

За тесное взаимодействие с только что созданной структурой высказались не только депутаты Московской Думы, но и представители общественных организаций — Московской городской нотариальной палаты, Адвокатской палаты г. Москвы, Совета муниципальных образований г. Москвы и др.

В МГЮА прошла церемония посвящения в студенты

9 октября в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась церемония «Посвящение в студенты — 2020». Впервые она прошла не очно, а в дистанционном режиме — первокурсники, не занятые в артистических номерах, смотрели прямую трансляцию на университетском YouTube-канале MSAL TV, а творческий актив выступал на сцене Кутафинского зала.

С торжественной речью обратилась со сцены к первокурсникам первый проректор Университета Елена Грачева: *«У таких стойких ребят, как вы, все будет хорошо. И я уверена, что пройдет совсем немного времени и мы встретимся снова в этом зале, чтобы вручить вам дипломы и называть вас гордым именем — выпускник Университета имени Олега Емельяновича Кутафина. Это только начало вашего яркого пути. Вы навсегда запомните этот год, в который вы поступили. Вы — победители, смелые, стойкие, мужественные».*

Душевное напутствие в адрес студентов первых курсов бакалавриата, магистратуры и специалитета прозвучало от проректора по учебной и методической работе Университета Марии Мажориной.

«Это замечательная традиция — проводить такой праздник, посвящение в студенты. Посвящение — это когда взрослые, опытные студенты и педагоги принимают вас в свое сообщество, в свое братство, и готовы поделиться с вами своими знаниями, опытом, передать вам свои традиции. Недавно наш Университет открыл для вас свои двери, а сейчас — мы открываем для вас наши сердца. И пусть ваша жизнь и ваша учеба здесь в эти годы вашей жизни будут наполнены новыми знаниями, знакомствами, дружбой, добром, теплом. И пускай учеба здесь позволит вам стать профессионалами, востребованными, конкурентоспособными, элитой российской (и не только) юриспруденции. Пусть эти годы будут временем вашего личного становления, а вы станете гордостью своего Университета», — пожелала «новобранцам» Мария Мажорина.

Праздничная программа включала выступления представителей всех институтов МГЮА, исполнители блистали в разнообразных жанрах: были зажигательные танцы, забавные скетчи и сценки, песни и даже собственные короткометражки.

В МГЮА прошло первое собрание участников Содружества ВЮЗИ

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в онлайн-формате прошло первое собрание участников Содружества ВЮЗИ — объединения юридических вузов и факультетов, которые входили в общую филиальную сеть Всесоюзного заочного юридического института. Напомним, что именно так назывался Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в период с 1937 до 1990 г. Затем вуз в результате ряда преобразований получил статус университета и стал носить имя одного из основоположников современной российской правовой системы, выдающегося правоведа академика РАН Олега Емельяновича Кутафина, который возглавлял учебное заведение в течение 21 года.

Открыл собрание ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев. Он рассказал об основных целях и задачах сотрудничества образовательных организаций и факультетов в рамках Содружества. Ректор остановился на вопросах совместного участия в программах стратегического лидерства, учебно-методического взаимодействия и научного сотрудничества.

Он также подчеркнул, что все собравшиеся имеют не только общие корни, но и рассчитывают на общее будущее.

«Сетевая форма обучения была бы интересна нам всем. Сейчас в Университете идет разработка данного механизма, и в будущем мы могли бы объединить наши совместные усилия. Например, разработать базовую магистерскую программу по спортивному праву с такой формой обучения для всех вузов, которые входят в Содружество. Помимо этого, наше взаимодействие возможно реализовывать в абсолютно разных форматах. Это совместные научные мероприятия и проекты, олимпиады среди школьников и студентов, и главное — человеческое общение», — сказал ректор Университета.

Участники обсудили программы повышения квалификации преподавателей.

«Мы бы с удовольствием видели наших коллег из вузов, которые входят в Содружество, и в аспирантуре, и в докторантуре. Помощь друг другу в наращивании профессорско-преподавательского состава всегда актуальна», — подметил Виктор Блажеев.

Проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина рассказала об инновациях в области образовательного и научного процесса.

«Мы реализуем перспективные образовательные проекты в области цифрового, медицинского, спортивного права, права интеллектуальной собственности, цифровизации частного права и многие другие. Результатом такой синергии науки и образования стала новая бакалаврская программа, появившаяся в 2020 г., которая получила название “Инновационная юриспруденция”, где фактически в образование были инкорпорированы те научные результаты, которые были получены Университетом в результате освоения очень большого числа грантов. Мы готовы эту практику масштабировать, делиться своим опытом и учиться на примерах коллег», — сообщила Мария Мажорина.

Руководством Университета было предложено создать совместно методический центр для формирования единой повестки и политики в области развития юридического образования в России.

«Всегда эффективнее работать сообща, поэтому позвольте мне пригласить вас к такому сотрудничеству. Мы готовы обсуждать любые идеи для усиления и укрепления нашего общего дела», — заключила проректор по учебной и методической работе МГЮА.

Сейчас в Содружество ВЮЗИ входят 14 участников из 14 субъектов Российской Федерации, в том числе Башкирский государственный университет, Дальне-

восточный федеральный университет, Ивановский государственный университет, Иркутский государственный университет, Кубанский государственный университет, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Томский государственный университет, Ульяновский государственный университет, Хабаровский государственный университет экономики и права, Чеченский государственный университет и Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

Ректор МГЮА поздравил Институт государства и права РАН с юбилеем

2 октября 2020 г. в Москве прошла Международная научно-практическая конференция «Нюрнберг — суд народов и мировой правопорядок: история и теоретическое наследие». Конференция была организована Институтом государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) и приурочена к 75-летию Победы во Второй мировой войне и 95-летию образования Института.

В работе конференции приняли участие министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков, первый заместитель председателя Совета Федерации РФ Андрей Яцкин, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова, заместитель президента РАН академик РАН Талия

Хабриева, многочисленные руководители и представители федеральных государственных органов, российских и зарубежных научных и образовательных организаций, ведущие российские и иностранные ученые, ветераны и сотрудники ИГП РАН. Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на конференции представляли ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев и первый проректор Университета Елена Грачева.

Ректор МГЮА поздравил Институт государства и права РАН с 95-летием и отметил, что Институт государства и права РАН широко известен фундаментальными и прикладными исследованиями, выдающимися учеными.

Круглый стол в МГЮА: преступления в сфере экономики — российский и зарубежный опыт

16 октября в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел XII Международный круглый стол «Преступления в сфере экономики: российский и зарубежный опыт». Мероприятие прошло в очном и в онлайн-формате.

С приветственным словом к участникам обратился проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков. Он подчеркнул, что Университет даже в условиях ограничений не прекращает научную деятельность и пригласил участников на Кутафинские чтения и Московский юридический форум, которые традиционно проходят на площадке Университета.

Говоря о текущем мероприятии, Владимир Синюков акцентировал внимание на том, что налоговые аспекты, которые в том числе будут обсуждаться участниками круглого стола, имеют огромное значение для исследования преступлений в сфере экономики.

«Россия гордится тем, что создала эффективную налоговую систему, но здесь очень много проблем, связанных с правоприменением, и очень важно, что эти проблемы разрешаются в том числе и на наших площадках», — заявил проректор по науке.

Игорь Звечаровский, заведующий кафедрой уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), отметил, что российский опыт в решении вопросов, связанных с уголовно-правовым регулированием экономических отношений, принес свои плоды: российская экономика стала оперативнее реагировать на все возникающие вызовы.

«По моему глубокому убеждению, уголовному закону в регулировании экономических отношений принадлежит уж точно не первостепенная роль, и внедряться в эти отношения нужно крайне осторожно», — сказал заведующий кафедрой.

В дистанционном формате к гостям круглого стола обратился руководитель НОЦ применения уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Алексей Рарог. Он пожелал всем получить удовольствие от общения с коллегами и плодотворной работы.

«С особым удовольствием я бы хотел поприветствовать коллег из Германии и Китая, с которыми мы постоянно в течение года общались на различных научных площадках. Я надеюсь, что разъединение из-за пандемии продлится недолго и мы в скором времени встретимся вновь», — резюмировал профессор.

Заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета (Германия) Уве Хелльманн, также выступил дистанционно с докладом «Правительственный проект закона о санкциях, налагаемых на предприятие, — обновление», а также выразил надежду в скором времени очно встретиться с коллегами из других стран.

«Правительственный проект исключает положение о ликвидации предприятия, так как уголовный суд Германии не может выполнять гражданско-правовые требования ввиду отсутствия достаточных экспертных знаний для оценки этих аспектов», — подчеркнул спикер. Также Уве Хелльманн рассказал, как менялся законопроект и с чем были связаны изменения.

О налоговых мошенничествах рассказал руководитель отдела процессуального контроля за расследованием налоговых преступлений Управления процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета РФ Сергей Трохов.

«Единой аргументированной позиции относительно юридической оценки возмещения НДС не сформировалось, но вопрос заключается в уровне ущемленности прав в результате той или иной квалификации: это может быть как форма уклонения от уплаты налогов, так и мошенничество», — заявил эксперт. Представителям доктрины и практикам необходимо более внимательно относиться к данным вопросам и выработать единый подход, считает он.

В ходе работы круглого стола участники обсудили широкий круг вопросов, в числе которых состояние и перспективы экономического уголовного права России и зарубежных государств, криминальные банкротства, а также лучшие образовательные программы в сфере экономического уголовного права.

С докладами выступили начальник Управления по борьбе с картелями ФАС России Андрей Тенишев, партнер адвокатского бюро «ЗКС» Сергей Малюкин, адвокат адвокатской компании «Аснис и партнеры» Екатерина Ипполитова, советник уголовно-правовой и общей практики Alliance Legal CG Ксения Амдур, адвокат коллегии адвокатов «Князев и партнеры» Роман Логвинчук, руководитель экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов, член генсовета общероссийской общественной организации «Деловая Россия» Екатерина Авдеева, старший научный сотрудник кафедры уголовного и экономического уголовного права Потсдамского университета (Германия) Диана

Штаге, профессора кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Валерий Цепелев, Иван Клепицкий, Людмила Иногамова-Хегай.

Представители МГЮА приняли участие в работе форума «Общество. Доверие. Риски»

Мероприятие состоялось 28 октября 2020 г. на базе Государственного университета управления. Проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков выступил на пленарном заседании с докладом «Перспективы правовых исследований в условиях “больших вызовов”», отметив, что общество — это источник развития, а доверие и купирование рисков во многом основывается на адекватной правовой среде.

«Пандемия внесла очень серьезные коррективы в обычную жизнь людей, но она не может изменить фундаментальную повестку. Она ускорила, видоизменила и переструктурировала наши задачи», — подчеркнул Владимир Синюков.

Он напомнил, что в 2016 г. был принят очень важный стратегический Указ Президента РФ о стратегии научно-технологического развития России. Указом, заявил он, была утверждена соответствующая программа стратегического развития отечественной науки, основанная на «больших вызовах» — комплексе проблем, которые определяют ключевые векторы развития общества в условиях четвертой промышленной революции. Эти глобальные вызовы предопределили современные вызовы в нашей стране, среди которых, конечно, право и управление.

«Отсутствие или слабость правовой инфраструктуры, плохое управление способны свести к минимуму результаты технологических достижений», — заявил Владимир Синюков.

Актуальность правовой составляющей технологического прогресса очевидна: *«Было исследование Всемирного банка об инновационности. Применительно к России: он чуть-чуть подрастает последние 5 лет, но самые провальные позиции в этом индексе — это слабость правовой инфраструктуры. На этот момент обществу стоит обратить внимание»,* — подчеркнул спикер.

Новый технологический уклад сам по себе меняет характер и структуру правового регулирования. Правовая среда и управленческая адекватность абсолютно необходимы для реализации в жизни новых технологических достижений.

«Именно с этим в России и в мире далеко не все благополучно. Все страны сталкиваются с проблемами правового регулирования, которые возникают в ходе обнаружения новых закономерностей, свойств, возможностей. Еще большие проблемы — в сфере регулирования, которые складываются на основе технологических достижений», — уверен проректор МГЮА.

Он также отметил, что в системе научной деятельности правовой элемент оказался упущенным, поскольку государство сосредоточилось на административных инструментах в сфере технологий. Для создания нового направления — права науки и технологий — сделано немного. Особенность ситуации в том, что юридическая наука характеризуется значительной автономией по отношению к «большой науке» — естественной и технической.

С задачами, поставленными в Стратегии и в национальных проектах, наша правовая система не сталкивалась много десятилетий, по сути, мы имеем отношение с беспрецедентным вызовом. Все три промышленные революции юристы пережили на римском и новоевропейском фундаменте. В период четвертой промышленной революции, когда виртуальная сфера соединяется с физическим миром, стало очевидно, что наиболее широкие конструкции римского права не могут предвидеть все меры «полета человеческого разума»: умные машины, смарт-контракты, меняются субъекты права, договоров, собственности, юридической ответственности, что требует неординарных и междисциплинарных подходов.

«Речь идет не о текущих изменениях норм. Мы не меняем законодательство, уточняем и видоизменяем статьи, а структурно обновляем правовую систему и вводим новые режимы правового регулирования», — подчеркнул ученый.

Александр Мохов представил новые монографии по биоэкономике и биобезопасности

28 октября в 2020 г. в электронном читальном зале библиотеки Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась встреча с заведующим кафедрой медицинского права, доктором юридических наук, профессором Александром Моховым, автором и соавтором целого ряда учебников и монографий по медицинскому и фармацевтическому праву, автором публикаций, посвященных правовому регулированию генетических исследований, в журналах, индексируемых базами РИНЦ, RSCI, Scopus и Web of Science.

Поводом к встрече послужила публикация новых монографий «Правовые основы биоэкономики и биобезопасности» и «Генетические технологии и право в период становления биоэкономики». Монографии стали результатом работы большого коллектива ученых, объединенных одной инновационной тематикой, связанной с правовым обеспечением генетических исследований и в более широком контексте — с правовым обеспечением биобезопасности.

В ходе встречи Александр Мохов отметил, что от юридического сообщества в настоящее время требуется своевременное осознание и реагирование на изменение экономической ситуации в связи со скачкообразным развитием биотехнологий.

Международные механизмы защиты прав человека: обучающий семинар для омбудсменов прошел в МГЮА

29 октября 2020 г. на площадке Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся обучающий семинар для уполномоченных по правам человека в Российской Федерации «Международные механизмы защиты прав человека». Мероприятие прошло в смешанном — онлайн- и офлайн-формате.

Организаторами выступили НОЦ по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Модератором семинара выступил руководитель НОЦ по правам человека МГЮА Игорь Дудко.

С приветственным словом к участникам семинара обратилась Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова.

В своем выступлении федеральный омбудсмен отметила символическое значение для сферы защиты прав и свобод человека 2020 года — года 75-летия Победы над нацизмом в Великой Отечественной войне и создания Организации Объединенных Наций и 70-летия подписания Европейской конвенции по правам человека.

По словам Уполномоченного, глобальное распространение коронавирусной инфекции поставило перед человечеством принципиально иные цели и задачи, осуществления которых можно достигнуть только путем укрепления и совершенствования международных принципов защиты прав человека, а также солидарности и сотрудничества в рамках международных правозащитных организаций.

«Права человека наднациональны и не имеют границ... Важно придерживаться этого принципа без политизации прав человека и двойных стандартов», — подчеркнула Татьяна Москалькова.

Уполномоченный напомнила, что институт российского омбудсмана внес свой вклад в преодоление кризиса в Совете Европы и выразила надежду на то, что визит Генерального секретаря Совета Европы Марии Пейчинович-Бурич станет началом нового конструктивного этапа общеевропейских отношений.

Кроме того, Татьяна Москалькова отметила, что на национальном уровне с последствиями пандемии удалось справиться благодаря слаженному взаимодействию российских уполномоченных по правам человека, внедрению новых методик работы для помощи и поддержки людей.

«Мы были на постоянной видеосвязи, мы связывались по телефону, мы помогали конкретным людям: Екатерине Бургим, в Красноярске, в Севастополе, в Крыму, в центральной части России. Мы держали связь с уполномоченными по правам человека по всей стране», — рассказала федеральный омбудсмен.

Также с приветственным словом к участникам семинара обратилась директор Департамента по работе с миссиями на местах и техническому сотрудничеству Управления Верховного комиссара ООН по правам человека Жоржетт Ганьон, которая выразила признательность НОЦ по правам человека Университета за проведение обучающего мероприятия и тесное сотрудничество.

«Как руководитель Департамента по работе с миссиями на местах и технического сотрудничества УВКПЧ я хочу отметить, что сегодняшний семинар является практическим результатом готовности УВКПЧ поддерживать и организовывать конференции, семинары и обучающие мероприятия для региональных уполномоченных по правам человека в соответствии с рамками сотрудничества, согласованными между нашим Управлением и аппаратом федерального Уполномоченного по правам человека в 2019 году», — отметила она.

Вводную лекцию об общих принципах международной системы прав человека прочитал заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации Аслан Абашидзе.

Участники были единодушны во мнении, что этот знаковый год стал временем беспрецедентных трудностей в области правозащиты в связи с пандемией COVID-19, которая сформировала новые, небывалые вызовы для государств, омбудсменов всего мира и для всего человечества в целом.

Стратегические задачи развития ТЭК и проблемы правового обеспечения: взгляд государства, науки и бизнеса

Научно-практическая конференция «Стратегические задачи развития ТЭК и проблемы правового обеспечения: взгляд государства, науки и бизнеса» прошла в режиме публикаций в рамках Российской энергетической недели — 2020. Доклады участников будут опубликованы в ближайших номерах журнала «Правовой энергетический форум». Участникам мероприятия направлены сертификаты, подтверждающие участие.

В приветственном слове председателя Ассоциации юристов России Владимира Плигина отмечается, что топливно-энергетический комплекс имеет стратегическое значение для развития российской экономики.

«В такой важной и сложной сфере деятельности государства и бизнеса невозможно обойтись без каждодневной и напряженной научно-правовой, практической, законотворческой работы», — подчеркнул он.

Также юрист акцентировал внимание на том, что от результатов такой работы во многом зависит модернизация ТЭК, повышение его безопасности, эффективности и инвестиционной привлекательности, что, в свою очередь, способствует укреплению и процветанию нашего государства и общества.

Статс-секретарь — заместитель министра энергетики РФ Анастасия Бондаренко поздравила участников и организаторов конференции и пожелала дальнейшей плодотворной работы на благо энергетической отрасли нашей страны.

В обращении к участникам конференции Анастасия Бондаренко отметила, что Министерство энергетики РФ организует и проводит Российскую энергетическую неделю с 2017 г.

«2020 год не стал исключением, несмотря на дистанционный формат мероприятия. К обсуждению был привлечен широкий круг специалистов: юристы топливно-энергетического комплекса, представители научного, экспертного сообщества, представители государства, бизнеса, общественных организаций. Были выработаны предложения и рекомендации по дальнейшему развитию энергетического законодательства. Кафедра энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) традиционно является соорганизатором мероприятий в рамках Российской энергетической недели», — отметила Анастасия Бондаренко в своем обращении.

В конференции с докладами приняли участие академик РАН Андрей Лисицын-Светланов («Тенденции правового обеспечения деятельности субъектов естественных монополий в сфере энергетики»), член-корреспондент РАН Михаил Клеандров («О правовом обеспечении деятельности ТЭК в экстремальных условиях: общие подходы (на примере коронавирусной пандемии)»), заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктория Романова («Задачи дальнейшего развития правового обеспечения использования возобновляемых источников энергии»), профессор кафедры правового регулирования ТЭК МИЭП МГИМО (У) МИД России Любовь Шевченко («Правовое обеспечение энергетической безопасности в Российской Федерации и зарубежных государствах»), заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Института проблем экологии и недропользования АН Республики Татарстан Роза Салиева («Направления правового обеспечения решения задач нефтяной отрасли современной России в рамках Энергетической стратегии»), директор по правовым вопросам ПАО «Российские сети», доцент кафедры энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Леонид Акимов («Проблемные аспекты обеспечения правопорядка в электроэнергетике на современном этапе»), заместитель начальника отдела административного правоприменения и судебной

защиты юридического управления ООО «Газпром экспорт», аспирант Центра энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета Сергей Кошман («Проблемные аспекты правового регулирования внешнеэкономической деятельности экспортеров газа как участников биржевой торговли газом за рубежом») и др.

Организаторами мероприятия выступили Министерство энергетики РФ, Ассоциация юристов России, издательская группа «Юрист», кафедра энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Центр энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

В МГЮА обсудили проблемы профилактики коррупционных правонарушений

22 октября 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошел круглый стол «Профилактика коррупционных правонарушений». Мероприятие состоялось в смешанном — онлайн- и офлайн-формате.

С приветственным словом к участникам обратился один из модераторов круглого стола, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Союза криминалистов и криминологов доктор юридических наук, профессор Игорь Мацкевич. Ученый поблагодарил участников за подготовленные труды и акцентировал внимание на том, что мероприятие приурочено к 90-летию профессора кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Льва Попова.

«Лев Леонидович — талантливый ученый и правовед. Он вносит огромный вклад в развитие административного права, процесса и смежных отраслей», — отметил Игорь Мацкевич.

О коллизии уголовного и уголовно-исполнительного права в контексте применения наказания рассказал начальник уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России Андрей Скиба. В своем выступлении эксперт заострил внимание слушателей на том, что уголовное право в России не предусматривает конкретных мер для изменения санкции.

«Уголовный кодекс устанавливает, что лицо может избежать заключения под стражу в случае тяжелого заболевания, но вместе с тем законодательство не устанавливает точный перечень таких заболеваний», — подчеркнул Андрей Скиба.

По его мнению, законодательство необходимо унифицировать, для того чтобы избежать неправильного применения норм закона или неправильного толкования. Подобные шаги предприняты в законодательстве различных государств, что исключает полярно противоположную судебную практику.

Участники круглого стола обсудили ряд вопросов, в частности такие, как: понятие и виды коррупционных правонарушений; правовые и организационные основы противодействия коррупционным правонарушениям; наиболее эффективные способы противодействия коррупционным правонарушениям; развитие российского законодательства о противодействии коррупционным правонарушениям; зарубежный опыт борьбы с коррупционными правонарушениями.

Круглый стол продлился более двух с половиной часов, в завершение Игорь Мацкевич поблагодарил всех докладчиков и слушателей за интерес к мероприятию и актуальные выступления и напомнил, что все материалы участников будут опубликованы в журнале «Союз криминалистов и криминологов».

Организаторами дискуссии выступили кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, кафедра административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Союз криминалистов и криминологов, Национальная ассоциация административистов, кафедра криминологии и организации профилактики преступлений Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, кафедра криминологии Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя.

Современные и будущие вызовы в образовательном праве России и мира обсудили на круглом столе в МГЮА

Круглый стол «Современные и будущие вызовы в образовательном праве и образовательных правах в России и мире» прошел 22 октября в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Он состоялся в рамках Международной конференции «Современные тренды правового регулирования сферы высшего образования: региональные, федеральные и глобальные вопросы развития», организованной в МГЮА при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ.

С приветственным словом выступили модераторы онлайн-конференции: Инна Ершова, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Ку-

тафина (МГЮА), и Мария Егорова, начальник Управления международного сотрудничества МГЮА. Модераторы отметили, что данный круглый стол посвящен современным вызовам именно в образовательном праве.

Первым с докладом «О влиянии глобального кризиса, вызванного COVID-19, на преподавание в вузах» выступил Марчелло Дапонте, профессор трудового права Неаполитанского университета имени Фридриха II. Он рассказал о возможностях и пределах использования цифровых технологий в дистанционном обучении, а также выделил основные аспекты, которые следует учитывать для гарантии эффективности онлайн-курсов, среди которых преодоление разрыва между теми, кто имеет эффективный доступ к информационным технологиям, и теми, кто частично или полностью находится в отрыве от таковых.

Профессор, доктор юридических наук, начальник Управления международного сотрудничества МГЮА Мария Егорова представила доклад на тему «Современное юридическое образование в условиях цифровой экономики», в котором отметила перспективность реализации практико-ориентированного подхода в подготовке будущих юристов, который стимулирует обучающихся осваивать определенные азы юридической профессии без отрыва от процесса обучения. Большое внимание спикер уделила влиянию цифровизации.

«Сегодня цифровизация работы юриста становится действительно очень важной. От справочно-правовых систем, автоматизированных информационных платформ, которые сопровождают работу органов государственной власти и органов местного самоуправления, юридическая профессия переходит к применению технологий искусственного интеллекта», — отметила Мария Егорова.

Совместный доклад на тему «Педагог должен учиться: осмысление вызова “цифрового” мира через призму социологического исследования» представили заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Универ-

ситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) профессор, доктор юридических наук Инна Ершова и доцент той же кафедры кандидат юридических наук Екатерина Енькова. В своем выступлении они поделились результатами социологического исследования, проведенного методом анкетирования.

Завершил круглый стол доклад руководителя НОЦ по правам человека МГЮА Игоря Дудко. Он обратил внимание на то, что в ходе круглого стола были затронуты вопросы, которыми сегодня живут многие университеты.

В МГЮА обсудили современные тренды правового регулирования сферы высшего образования

22 октября 2020 г. на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) начала работу Международная научно-образовательная конференция «Современные тренды правового регулирования сферы высшего образования: региональные, федеральные и глобальные вопросы развития».

С приветственным словом к участникам мероприятия обратился проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков. Профессор отметил, что актуальность заявленной темы конференции связана с глубокими изменениями, которые переживает высшая школа в условиях научно-технического прогресса, социальными изменениями и вызовами, с которыми столкнулось высшее образование в условиях пандемии. Повсеместный локдаун, по мнению Владимира Синюкова, перевернул жизнь социальной сферы, экономики и быта людей. Сфера образования наиболее остро столкнулась с новыми вызовами и проблемами. Образование по всему миру показало очень противоречивую картину: некоторые страны и образовательные организации прекратили свою деятельность, наблюдались снижение числа абитуриентов, отмена и

переносы научных мероприятий, срывы научных исследований, значительное снижение академической мобильности.

«Оценивая ситуацию в России, стоит отметить, что российская высшая школа в целом справилась с этой ситуацией. Мы продемонстрировали устойчивость и высокую степень адаптивности к этим изменениям: не была потеряна управляемость, не был разрушен учебный процесс, не остановилась научная деятельность — эти моменты свидетельствуют о том, что трансформация и меры, принимаемые государством, не застали нашу высшую школу врасплох», — отметил проректор.

Помимо анализа состояния образовательной сферы, ученый также наметил цели и задачи конференции — обобщить опыт вузов, полученный в течение этого года, выявить новые тенденции, обсудить дополнительные решения в сфере правового регулирования образовательной деятельности и выработать рекомендации.

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев, открывая конференцию, отметил, что в настоящее время образовательные учреждения должны готовить специалистов не только с мощной фундаментальной базой, но и с навыками, которые потребуются при выполнении новых задач, не возникавших раньше.

«Мы в Университете сталкиваемся с проблемами геномных технологий, интеллектуального права, спортивного права — это обусловлено изменением терминологии и концептуальными вещами. В этом контексте образовательное право тоже должно меняться — мы не можем его толковать с точки зрения какой-то одной отрасли права. Мы должны адаптироваться к этому миру, жить и учитывать, что есть вещи, которые от нас не зависят», — сказал он.

Отдельное внимание ректор уделил объединению юридических вузов и факультетов, которые ранее были в составе Всероссийского юридического заочного института (ВЮЗИ).

«Мы вчера создали Содружество вузов и факультетов, входивших в ВЮЗИ, обсуждали задачи и цели, которые нужно решать сообща — и они созвучны с теми вопросами, которые мы будем обсуждать сегодня», — резюмировал Виктор Блажеев.

Проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина выступила на конференции с докладом «Драйверы изменений и новые практики в области юридического образования».

Проректор заявила, что это непростое время диктует нам социальное дистанцирование, но наблюдается процесс объединения, который вызван целым рядом причин.

«В это непростое время мы объединились благодаря Министерству науки и высшего образования РФ — оно в условиях пандемии взяло на себя функцию проводника и построило постоянный и открытый диалог, стало площадкой для аккумуляции разных реше-

ний, которые находили уважаемые коллективы университетов в период, когда подобная практика у них отсутствовала», — заявила Мария Мажорина.

Также проректор назвала наиболее значимые драйверы изменений, которые выносят на суд общественности новую повестку в образовании — это процесс технической революции, экономия ресурсов, изменения в системе разрешения споров, что влечет за собой появление новых правовых институтов — эти и многие другие изменения приводят к реконфигурации рынка труда.

«Мы проводили исследование среди студентов, какие наиболее значимые изменения в области права они наблюдают сегодня с точки зрения технологического прогресса и сетевизации общества», — рассказала она.

В числе лидирующих ответов, по ее словам, были киберпреступность и кибербезопасность, цифровое право, биоэкономика и биобезопасность, геном.

«Все эти изменения заставляют нас искать новые образовательные стратегии и формировать новые практики», — подчеркнула Мария Мажорина.

О противоречии между свободой слова и аспектами социального развития в академической среде рассказал генеральный секретарь Швейцарского центра международного гуманитарного права Стефан Брой. Спикер проанализировал развитие правового регулирования свободы слова в европейских странах и в США и подчеркнул, что *«свобода слова — важнейший аспект либерального общества, она является неотъемлемой частью прав человека и политических свобод».*

Президент Федеральной нотариальной палаты, заведующий кафедрой нотариата Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Константин Корсик рассмотрел вопросы взаимодействия теории и практики — необходимого условия формирования компетенций при осуществлении профессиональной деятельности. Значимую роль, по его мнению, играет практическая подготовка будущих нотариусов как в стенах учебных заведений, так и непосредственно в нотариальных конторах.

«Базовое юридическое образование, предоставляемое Университетом на кафедре нотариата, дает необходимый базис для реализации в профессии нотариуса, поскольку подготовкой бакалавров и магистров занимаются действующие нотариусы», — подчеркнул Константин Корсик.

Екатерина Ильгова, ректор Саратовской государственной юридической академии, рассказала об основных тенденциях и направлениях правового регулирования цифровой трансформации образования.

По ее мнению, правовое регулирование в части общественных отношений и технологий сдерживает

отсутствие определения цифровых технологий в федеральных нормативных правовых актах. Это создает и определенные проблемы правоприменения в сфере высшего образования.

О создании «цифрового университета» рассказали проректор Национального исследовательского ядерного университета МИФИ Наталья Барбашина и заместитель начальника Управления информационно-методического обеспечения образовательного процесса НИЯУ МИФИ Виктор Радыгин.

Также с докладами выступили руководитель Высшей школы права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владислав Толстых и профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета Ольга Тарасенко.

Конференция продолжила свою работу 23 октября. На площадке Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в смешанном формате прошли круглые столы «Современные и будущие вызовы в образовательном праве в России и в мире», «Высшее образование в условиях развития цифровых технологий: российский и зарубежный опыт», «Инновационные образовательные проекты и практики высшей школы», а также «Трансформация юридического образования в России и в мире».

МЕРОПРИЯТИЯ РЕКТОРАТА

В МГЮА прошло очередное заседание Ученого совета

26 октября 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось очередное заседание Ученого совета.

Заседание открылось церемонией вручения первому проректору Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елене Грачевой благодарственного письма Центральной избирательной комиссии Российской Федерации за успешную работу по подготовке Всероссийской олимпиады школьников по избирательному праву и процессу. Благодарственное письмо от ЦИК России за активное содействие в организации проведения олимпиады было вручено также проректору по административной работе и информационным технологиям Университета Сергею Игитханяну.

После торжественной части проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков рассказал о подготовке к ежегодным Кутафинским чтениям. Мероприятие традиционно проводится в ноябре совместно с юридическим факультетом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и посвящено памяти выдающегося российского правоведа Олега Емельяновича Кутафина.

В этом году объединенное пленарное заседание должно пройти в режиме онлайн. Всего программа конференции предполагает работу 48 отраслевых секций в формате круглых столов, сессий, публичных дискуссий, научных советов и обществ, семинаров, презентаций и конференций.

«Специфика нынешней ситуации такова, что мероприятие будет проведено в основном в режиме онлайн. Никакого участия в зале для слушателей не предусмотрено», — подчеркнул проректор.

Также проректор рассказал о создании Научно-образовательного центра «Право и биоэтика».

«Мы стоим перед важным решением в развитии структуры Университета. Наша научная и образовательная инфраструктура приобретает самый современный вид в юриспруденции, в частности мы реализуем ряд глобальных проектов в направлении геномных исследований, “цифры” и международного сотрудничества», — рассказал Владимир Синюков.

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев упомянул, что инициатива создания центра принадлежит Министерству науки и высшего образования РФ, которое и является координатором федеральной научно-технической программы развития генетических технологий до 2027 г.

Также члены Ученого совета обсудили доклад заместителя заведующего кафедрой интеллектуальных прав Елены Гринь о деятельности кафедры и заслушали отчет докторанта кафедры интеграционного и европейского права Виталия Слепака, а также отчет аспиранта кафедры международного частного права Сергея Бибикова.

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТА

МГЮА и «Татнефть» заключили соглашение о партнерстве

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и нефтяная компания «Татнефть» заключили соглашение о сотрудничестве в образовательной, профессиональной и просветительской деятельности.

Ведущий юридический вуз России и одна из крупнейших российских нефтяных компаний договорились о взаимодействии в вопросах подготовки квалифицированных специалистов для нужд «Татнефти», а также о прохождении студентами МГЮА практики и стажировок на предприятиях холдинга.

Кроме того, «Татнефть» также планирует направлять в Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) своих сотрудников на курсы повышения квалификации и профессиональной подготовки и переподготовки. В рамках сотрудничества МГЮА и «Татнефть» намерены наладить оперативный обмен информацией об открытых вакансиях в компании и будут содействовать трудоустройству наиболее перспективных студентов.

«У нас в приоритете обмен лучшими практиками в образовательной сфере, а также идеями, направленными на улучшение правового сопровождения нефтяной отрасли. Университет и «Татнефть» готовы к всестороннему партнерству, которое будет отвечать актуальной повестке и повышать авторитет как промышленного холдинга, так и нашего Университета», — прокомментировала соглашение проректор по учебной и методической работе Университета Мария Мажорина.

В качестве дополнительного бонуса в программу сотрудничества включено проведение совместных мастер-классов, вебинаров, открытых лекций и семинаров по профильным темам. В рамках соглашения также предполагается, что представители МГЮА будут готовить экспертные правовые и аналитические заключения для «Татнефти», а «Татнефть» получит возможность направлять своих сотрудников в МГЮА для подготовки диссертаций на соискание ученых степеней по специальностям, представляющим интерес для нефтяной компании.

В МГЮА прошла презентация Молодежной законотворческой палаты

29 сентября Центр мониторинга законодательства и правоприменения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) провел презентацию Молодежной законотворческой палаты. Мероприятие прошло в режиме видео-конференц-связи.

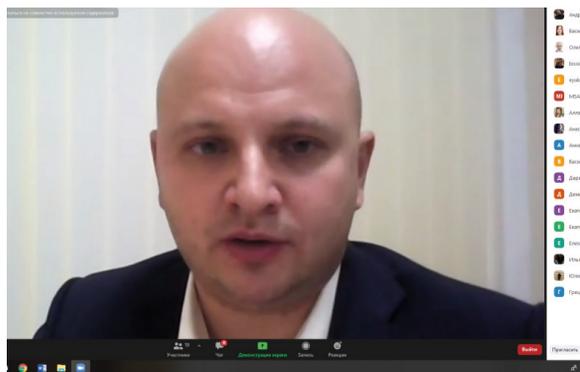
Первым к участникам мероприятия обратился директор Центра правового мониторинга МГЮА Олег Гринь.

«Наша основная задача связана с тем, что мы анализируем правоприменительную практику и на этой базе выходим на новые законотворческие реше-

ния. Это объединяет наших студентов, которые входят в Молодежную законотворческую палату», — рассказал Олег Гринь.

Научный руководитель Молодежной законотворческой палаты, заместитель заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Анастасия Сладкова рассказала о сотрудничестве ученых и студентов в рамках работы Молодежной законотворческой палаты.

«Деятельность Центра была бы неполной без участия студентов. Группа студентов из 30 человек была создана специально, чтобы привлечь обучающихся к аналитической работе и правотворческой деятельности Центра. В настоящее время Молодежная законотворческая палата — это уникальная структура, где эксперты работают рука об руку со студентами», — пояснила Анастасия Сладкова.

19 представителей МГЮА вошли в новый состав Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Пленум Верховного Суда Российской Федерации утвердил новый состав Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ.

От Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в состав Совета вошли ректор Университета Виктор Блажеев, заведующий кафедрой экологического и природо-ресурсного права Наталья Жаворонкова, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Сергей Михайлов, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз Елена Россинская, профессора кафедры административного права и процесса Борис Россинский и Сергей Старостин, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Владимир Андреев, профессора кафедры гражданского права Людмила Василевская и Владимира Долинская, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Никита Лютов, профессор той же кафедры Эльвира Тучкова, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Лидия Воскобитова, профессор кафедры адвокатуры Алексей Галоганов, профессора кафедры уголовного права Людмила Иногамова-Хегай и Алексей Рарог, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Инна Ершова, профессор кафедры международного частного права Галина Дмитриева, доцент кафедры интеллектуальных прав Надежда Шебанова, заведующий кафедрой международного права Наталья Соколова.

Орган занимается подготовкой научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики и вносит предложения по совершенствованию законодательства.

Ранее в состав консультативного совета от Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) входили 11 представителей.

НАГРАЖДЕНИЯ, ПРЕМИИ

Игорь Мацкевич стал лауреатом высшей юридической премии «Фемида»

Заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ Игорь Мацкевич стал лауреатом высшей юридической премии «Фемида» в номинации «Наука». Игорь Мацкевич является также заместителем председателя Научно-консультативного совета при Федеральной палате адвокатов, главным ученым секретарем Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки РФ, он автор более чем 250 научных трудов. 30 сентября впервые в истории вручения премии «Фемида» церемония награждения прошла в онлайн-формате.

С приветственным словом к лауреатам обратился Юрий Воронин, главный финансовый уполномоченный фонда «Фемида», организатор церемонии вручения премии.

«Премия “Фемида” — это очень известная премия, она существует уже четверть века. За эти годы ее лауреатами становились наши выдающиеся юристы, государственные и общественные деятели Российской Федерации и зарубежные правоведы. Мы надеемся, что в этом году лауреаты пополнят этот славный список замечательных людей страны», — сказал Юрий Воронин.

По его словам, согласно решению экспертного совета, вручение «Фемиды» в этом году проводится в 8 номинациях, виртуально вручают статуэтки выдающиеся представители юридической профессии, которые и сами в прошлом становились лауреатами этой премии. Статуэтки вместе с дипломами будут доставлены победителям позднее.

Лауреата в номинации «Наука» Игоря Мацкевича объявил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев.

«Игорь Михайлович Мацкевич внес огромный вклад в развитие и деятельность Союза криминалистов и криминологов. Игорь Михайлович практически всю свою жизнь связал с Университетом имени Олега Емельяновича Кутафина и внес огромный вклад в развитие юридической науки, поскольку он был председателем Совета Высшей аттестационной комиссии, а сейчас является главным ученым секретарем ВАК Российской Федерации», — подчеркнул ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Виктор Блажеев отметил, что Игорь Мацкевич стоял у истоков создания Союза криминалистов и криминологов России в 1995 г., а сейчас возглавляет эту организацию, проводит успешную научно-исследовательскую работу, Союз тесно сотрудничает с правоохранительными органами, что также является огромной

заслугой Игоря Мацкевича. В заключение Виктор Блажеев сердечно поздравил ученого с присуждением высокой награды и пожелал ему новых успехов и научных достижений.

Премия «Фемида» была учреждена в 1996 г. Московским клубом юристов. Лауреатами премии в этом году также стали вице-президент Федеральной палаты адвокатов Владислав Гриб, член правления Федеральной нотариальной палаты, нотариус Александра Игнатенко, председатель Десятого арбитражного апелляционного суда Инна Воробьева, судья Конституционного Суда РФ Гаджиев и другие заслуженные представители правовой сферы.

Награда присуждается по решению экспертного совета, который формируется по согласованию соучредителями премии. При выборе лауреатов или дипломантов учитываются авторитет специалистов в области права, а также их заслуги перед обществом и государством. Награда выполнена в виде бронзовой статуэтки греческой богини правосудия Фемиды.

Николаю Артемову присвоено почетное звание заслуженного юриста Российской Федерации

Профессору кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Николаю Артемову присвоено почетное звание заслуженного юриста Российской Федерации за заслуги в развитии юридических наук, подготовке квалифицированных специалистов и многолетнюю добросовестную работу.

Награждение состоялось в Министерстве науки и высшего образования РФ. Нагрудный знак вручал министр Валерий Фальков.

Тепло поздравила награжденного первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева: *«Я очень рада за нашего коллегу, старожилу нашего Университета и моего хорошего друга и сподвижника. Николай Михайлович очень много сделал для становления и развития научной школы финансового и налогового права в России, и его усилия по достоинству оценены государством».*

**Лидия Алексеевна
ВОСКОБИТОВА,**
заведующий кафедрой
уголовно-процессуального
права Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
lavosk@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА¹

Аннотация. Рассматриваются разные подходы к цифровизации уголовного судопроизводства; обосновывается вывод о необходимости функционального подхода, основанного на системном анализе процессуальной деятельности; выделяются внутренние задачи и функции данной деятельности, подлежащие учету для целей ее системной цифровизации; выделяется функциональная последовательность задач и этапов цифровизации процессуальной деятельности, которая могла бы обеспечить переход к электронному правосудию по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, системный анализ и функциональный подход, внутренние задачи, внутренние функции, этапы цифровизации, электронное правосудие.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.034-051

L. A. VOSKOBITOVA,

Head of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
lavosk@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

USAGE OF FUNCTIONAL APPROACH TO DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. Different approaches to digitalization of criminal procedure are considered; the conclusion about the need for a functional approach based on a system analysis of procedural activity is substantiated; the internal purposes and functions of this activity subject to accounting for the aims of its system digitalization are highlighted; the functional sequence of purposes and stages of digitalization of procedural activity, which could ensure the transition to electronic justice in criminal cases, is highlighted.

Keywords: criminal procedure, digitalization, system analysis and functional approach, internal purposes, internal functions, stages of digitalization, electronic justice

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по гранту РФФИ на основании договора от 04.10.2018 № 18-29-16041.МК, при информационной поддержке СПС «Консультант-Плюс».

Разнообразие подходов к цифровизации уголовного судопроизводства

Цифровизация все настойчивее и шире проникает в уголовное судопроизводство различных стран. Вместе с тем до настоящего времени так и не сформировался единый подход к ее осуществлению: и российская, и зарубежная практика демонстрируют разные пути и способы перехода к цифровым технологиям на разных этапах уголовного судопроизводства. Можно выделить несколько подходов, оказывающих методологическое влияние на результат цифровизации процесса.

Прежде всего мы выделяем «ведомственный» подход, когда цифровизацию начинают отдельные ведомства, участвующие в разных ролях и на разных стадиях уголовного процесса, но, наряду с этим, выполняющие и иные виды государственной деятельности (суды², МВД, ФСБ, Следственный комитет России, прокуратура и др.). Чаще первым подвергается ведомственной цифровизации этап принятия сообщений (заявлений) о преступлении. Хотя правовое регулирование этого этапа по своему содержанию и задачам не зависит от ведомственных различий, ведомства, которые участвуют в этом, разрабатывают собственные цифровые программы по приему заявлений, их учету, регистрации, направлению для проверки и даже разрешению.

В России вопросы цифровизации обращений начинают решаться отдельно в судебной системе, где происходит автономная цифровизация этапа подачи заявлений, но это касается преимущественно цивилистических процессов³. Прокуратура активно осуществляет цифровизацию делопроизводства, в том числе и подачу жалоб и заявлений, которые в той или иной мере касаются отдельных отраслей прокурорского надзора, например жалоб на нарушения закона при расследовании преступлений.

Следственный комитет РФ создал собственный портал для подачи сообщений о преступлениях, а МВД России с 2014 г. принимает в электронной форме любые заявления и обращения, среди которых и сообщения о совершенных преступлениях⁴. Поскольку в МВД подается наибольшее количество обращений, на данном примере можно показать, как это работает.

В электронной или иной форме в МВД России поступает и ежегодно регистрируется системой до 28—29 млн обращений в год. Из них необходимо выбрать те, которые сообщают о преступлении, но следует учесть, что далеко не все со-

² Применительно к судам, например, разрабатывается сервис «Правосудие-онлайн», который должен к 2021—2022 гг. обеспечить переход на электронное делопроизводство в суде (URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=227&item=5309> (дата обращения: 20.10.2020)).

³ См.: Шарипова А. Р. Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3. С. 131—135.

⁴ Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (п. 10—12).

общения о преступлениях поступают через ведомственную, в том числе и электронную, систему. Сообщения о преступлении, поступившие через электронную систему, распечатываются в бумажном виде и передаются для проверки в ручном режиме. По данным Б. Я. Гаврилова, например, в 2014 г. по итогам проверки таких сообщений было возбуждено более 2 млн уголовных дел и принято более 6 тыс. решений об отказе в возбуждении уголовного дела, предметом уголовного судопроизводства стало около 9 млн сообщений.

Такая система частично электронного учета обращений, возможно, отвечает ведомственным задачам, позволяет, например, оценивать весь объем проделанной работы. Но, к сожалению, данный учет не соответствует уголовно-процессуальным целям и задачам. Кроме необходимости выявления в общей массе обращений тех, которые могут иметь процессуальное значение, следует учитывать и тот факт, что по расчетным данным криминологов количество преступлений примерно в 4—5 раз больше, чем показывает официальная статистика⁵.

Как минимум такой порядок учета не обеспечивает в достаточной мере доступ к правосудию для всех лиц, потерпевших от преступления. Огромное количество отказов в возбуждении уголовного дела, значительное число преступлений, вообще не попавших в официальный учет, невозможность получить из ведомственной системы информацию по этим вопросам, сделать анализ такой информации, чтобы совершенствовать начальный этап уголовного судопроизводства, делают ведомственный подход к цифровизации неэффективным, не решающим насущных задач даже данного этапа, при том что дальнейшее производство по уголовному делу в этих ведомствах пока еще далеко от широкого внедрения цифровых технологий.

Иной подход к цифровизации уголовного судопроизводства можно назвать «*уголовно-содержательным*». Например, Великобритания применяет полную цифровизацию уголовного судопроизводства только по делам о фелониях, т.е. о незначительных преступлениях⁶. Такой подход дает возможность проверить цифровые программы, выявить и своевременно устранить возможные недостатки, разработать улучшения с учетом не только формальных процедур, но и взаимодействия разных ведомств; властных субъектов с гражданами, вовлекаемыми в процесс.

Это позволяет на примере преступлений небольшой тяжести отработать цифровые технологии, учитывая и необходимость обеспечивать соблюдение и защиту прав человека; сохранность процессуальных документов; их защиту от несанкционированного вторжения, искажения, умышленной фальсификации и т.п. Этот опыт представляет определенный интерес как первая попытка полной цифровизации уголовного судопроизводства. В России он мог бы тоже быть опробован, например, по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести,

⁵ Гаврилов Б. Я. Возбуждение уголовного дела: мифы о справедливости и реализация права на доступ к правосудию // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. 20—21 марта 2015 г. СПб., 2016. Ч. 1. С. 68—70.

⁶ Digitising the World's Courts — England & Wales [Переход в цифровое пространство мировых судов — Англия и Уэльс] // URL: <https://www.geldards.com/digitising-the-worlds-courts.aspx>.

по которым обвиняемый согласен с предъявленным обвинением, и дело может рассматриваться судом в порядке гл. 40 УПК РФ.

Наиболее распространенным подходом, которым в той или иной мере пользовались все страны, начавшие процесс цифровизации уголовного судопроизводства, является «фрагментарный» подход. Описанные выше попытки разных ведомств цифровизировать подачу сообщений о преступлении одновременно демонстрируют и этот фрагментарный подход. Выбираются отдельные относительно самостоятельные этапы уголовно-процессуальной деятельности и к ним применяются цифровые технологии.

Например, в российской практике уголовного судопроизводства, кроме подачи сообщений, делаются попытки внедрения цифровых технологий для коммуникации с невластными участниками процесса (вызов посредством цифровой телефонной связи, СМС, электронной почты); использования видео-конференц-связи⁷, когда в силу объективных причин участник процесса не может прибыть или быть доставленным в судебное заседание или к следователю; использования для этих целей других электронных средств связи (Интернет, Скайп, WhatsApp и др.)⁸.

В практику судов постепенно внедряются аудиопроколирование судебного заседания; перевод уголовных дел в форму электронных документов, что позволяет хранить уже разрешенные уголовные дела на электронных носителях. Все более существенную роль начинают играть в уголовном судопроизводстве электронные доказательства, особенно при расследовании киберпреступлений.

Однако это только первые подходы к цифровизации сложной, многоэтапной и многосубъектной процессуальной деятельности. Конечно же, в повестке дня современных реформ должна стоять полная и системная цифровизация, требующая принципиально иного подхода.

Понятие и основания функционального подхода

Для устранения разрозненности, дублирования, а также для экономии средств и ресурсов на цифровизацию процессуальной деятельности в целом представляется необходимым обратиться к *функциональному* подходу. Он является единственным, позволяющим целостно охватить весь объем процессуальной

⁷ Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Особое внимание этому стало уделяться в условиях пандемии 2020 г. и связанных с нею карантинных и профилактических мероприятий. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 рекомендовано при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видео-конференц-связи; постановление Президиума Верховного Суда РФ и Совета судей РФ от 24.04.2020 № 822 рекомендовало подавать в суд заявления в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия (СПС «КонсультантПлюс»). Одновременно объявлено о разработке дополнительного сервиса «Правосудие-онлайн» (URL: <https://pravo.ru/story/216641/> (дата обращения: 20.10.2020).

деятельности в ее динамике. Именно такое целостное видение необходимо для разработки единой цифровой платформы «Уголовное судопроизводство», что способно обеспечить переход к электронному правосудию.

Функциональный подход является неперенным атрибутом системного метода научного исследования и прямо производным от него⁹. Достоинство данного метода в том, что он позволяет изучать объект не в статике, а в процессе его функционирования. Это дает возможность анализировать не только структуру, составляющие элементы, отдельно взятые этапы, но и все взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности исследуемого объекта.

Такие объекты исследования, как современное уголовное судопроизводство, относятся не к природе, а к социуму. Они созданы волей и разумом человека, способного задавать той или иной социальной системе необходимые системные свойства. Любая система вписана в окружающую среду и обеспечивает решение определенных внешних задач, заданных ей этой средой как системой более высокого порядка. Так и система уголовного судопроизводства нацеливается на решение исторически обусловленных задач системой более высокого порядка — государством.

Каждая система имеет, помимо внешних, еще и собственные, внутренние задачи, которые она решает в процессе своего функционирования. Поэтому при создании социальной системы, при ее развитии и совершенствовании важно прежде всего осознать и сформулировать внешние и внутренние назначения, цели, задачи. Именно целеполагание социальной системы объясняет, для достижения каких результатов она создается, какой социально полезный результат от нее ожидается.

Многовековой опыт развития человечества показал, что уголовное судопроизводство создавалось и развивалось для того, чтобы обеспечить определенную, более или менее цивилизованную форму реагирования общества и государства на преступление. Общество формирует отношение к опасности тех или иных форм поведения, а государство определяет, что признавать преступным в тот или иной исторический период, какое наказание назначать тому, кто это совершил, в какой процедуре осуществлять уголовное судопроизводство от момента обнаружения преступления и до исполнения наказания.

Системный подход к анализу уголовного судопроизводства позволяет понять, что эта деятельность не может быть механической суммой определенно структурированных элементов, например случайной совокупностью действий, или субъектов, или стадий процесса, или правоотношений, и т.п.

⁹ Ранее мы уже ставили вопрос об использовании системного метода для анализа уголовного судопроизводства, о функциональной модели его совершенствования, и в данной статье продолжаем исследование данного направления.

См.: *Воскобитова Л. А.* Использование системного метода в исследованиях современных проблем уголовного процесса // Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные и социально-экономические науки». Ставрополь : Ставропольский государственный технический университет, 1998. С. 145—166 ; *Она же.* Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 24—38.

Уголовное судопроизводство как система, объединяя различные элементы определенным целеполаганием, приобретает интегративные свойства совокупности элементов, что порождает новое целостное качество, принадлежащее самой системе. Именно это новое качество выделяет систему из внешней социальной среды, из совокупности иных социальных явлений. При этом социальные системы не становятся изолированными, но начинают функционировать в сложном взаимодействии с системами более высокого порядка, смежными системами, с собственными внутренними подсистемами и их элементами.

Система обеспечивает решение целей, поставленных ей более высокой системой, которые становятся для нее внешними, обуславливающими само ее существование в социуме. Одновременно система ставит собственные внутренние цели и задачи перед своими подсистемами и элементами, решает их в процессе функционирования, посредством чего обязана обеспечить свое социальное назначение.

Например, для системы уголовного судопроизводства в качестве внешних можно выделить такие задачи, как обеспечение мер уголовно-правовой защиты посредством правильного и своевременного применения норм уголовного права, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности, а каждый виновный был выявлен и понес заслуженное законное наказание или иные меры уголовного воздействия, чтобы нарушенное право было таким образом восстановлено и защищено. Неслучайно в УПК РФ впервые появляется термин «назначение уголовного судопроизводства»¹⁰.

При сравнении УПК РФ и УПК РСФСР становится очевидным, что при схожести многих процессуальных институтов и их регулирования мы имеем два различных по социально-правовому назначению процесса. УПК РСФСР, предлагая *организационно-последовательное построение процесса*, задавал ему задачи быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона, с тем чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР).

Государство, таким образом, ориентировало процессуальную деятельность на деяние, которое заведомо преступно, и на решение этой задачи направляло совокупные усилия всех властных субъектов процесса (ст. 3 УПК РСФСР). В целом такое целеполагание отвечало интересам общества и государства, но оно не учитывало, что фактически в начале уголовного судопроизводства совершенно не ясно, а было ли преступление, а преступно ли выявленное противоправное деяние, кто его совершил и можно ли доказать его виновность, и т.д.

Справедливо предписывалось, что невиновный не должен был появляться и вовлекаться в эту деятельность, тем более привлекаться к ответственности и осуждению. Однако не учитывалось, что невиновность еще необходимо установить в ходе всесторонней, полной и объективной познавательной-процессуальной деятельности.

¹⁰ Появление этого термина и его анализ вне системного подхода до сих пор вызывает научные споры. См.: *Володина Л. М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 38—50.

В системе, созданной по УПК РСФСР, к сожалению, целеполагание уголовного судопроизводства не было ориентировано ни на интересы потерпевшего, ни на активную деятельность защитника, ни на права человека, имеющие социально-правовую ценность.

И даже требование всесторонности, полноты и объективности (ст. 20 УПК РСФСР) также было обращено только к властным субъектам, не предполагая заинтересованного участия в этом невластных участников процесса. Государство брало на себя всю ответственность за качество уголовного судопроизводства и одновременно за возможный произвол, злоупотребления. Всем иным участникам процесса отводилась достаточно пассивная роль в ожидании решения задач, поставленных государством как системой более высокого порядка.

Принципиально иное, *функциональное построение* уголовного судопроизводства предложено в УПК РФ, что вытекает из иного определения назначения уголовного судопроизводства. На первый план выдвигается задача защиты: защита лиц, потерпевших от преступления; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Такое определение предназначения процесса представляется более социально полезным, поскольку ориентирует саму деятельность на функциональность, показывая, что должно обеспечивать современное уголовное судопроизводство: *защищать* как от преступных правонарушений, так и от незаконности действий властей, от нарушений, ограничений прав человека и его свобод.

Из этого следует, что уголовное право как система тоже внешняя, но смежная по отношению к судопроизводству, *охраняет* от преступников целую систему социальных ценностей (ст. 2 УК РФ), тогда как уголовно-процессуальное право и функционирующее судопроизводство *защищают* и нарушенные права, и от нарушения прав всех невластных субъектов, вовлекаемых в данную принудительную деятельность государства.

В таком контексте возникает вопрос о природе традиционно признаваемых уголовно-процессуальных функций: *обвинения, защиты и разрешения дела* (ст. 15 УПК РФ). Представляется, что эти функции исторически возникли и были обусловлены потребностями внешней среды и систем более высокого порядка.

Это обществу и государству необходимо, чтобы уголовное судопроизводство обеспечивало своевременное выявление и законное преследование преступников, т.е. чтобы эффективно осуществлялось *обвинение*; чтобы не преследовался и не наказывался невиновный, т.е. эффективной была *защита*; чтобы был некий независимый орган, не вовлеченный ни в обвинение, ни в защиту, способный *правильно разрешить* материальный уголовно-правовой спор между обвинением и защитой, а в современных условиях еще и возможные процессуальные споры между властными и невластными субъектами процесса.

Государство декларирует, а общество признает и ожидает, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Поэтому *обвинение, защиту и разрешение дела судом* следует рассматривать

как *внешние функции* уголовного судопроизводства, заданные ей внешней социальной и правовой средой.

Но для решения внешних задач, поставленных более высокой системой, система уголовного судопроизводства должна функционировать соответствующим образом. Для этого должны быть четко обозначены ее собственные, *внутренние задачи*, которым должны соответствовать собственные, *внутренние функции*.

К сожалению, в теории уголовного процесса анализ внутренних задач, когда речь идет об отдельных субъектах; следственных или процессуальных действиях; стадиях процесса, решениях и т.д., как правило, не связывается ни с системным методом его исследования, ни с понятием процессуальных функций. Вопрос о внутренних функциях этой системы также практически не получил развития в теории.

Представляется, что без системного анализа уголовного судопроизводства и определенной трансформации традиционных теоретических представлений о целях, задачах и функциях этой системы невозможно решать и даже формулировать вопросы цифровизации данной деятельности в полном объеме на уровне перехода к электронному правосудию.

Еще один аспект проблемы процессуальных функций требует нового подхода и трансформации имеющихся представлений. В теории уголовного процесса тема функций чаще всего связывается с процессуальным положением субъектов процесса. Из этого происходит признание функциями основных направлений деятельности, которые принято анализировать через деятельность различных субъектов, выполняющих, соответственно, основные функции: обвинения, защиты, разрешения дела¹¹.

Это делает неразличимыми внешние и внутренние задачи самой процессуальной деятельности, а также затрудняет выявление системообразующих первоэлементов, из которых складывается эта система, и ее функционирование. Это может быть серьезным препятствием при разработке технических заданий и программ цифровизации процессуальной деятельности.

Именно поэтому отдельные фрагменты цифровизации, которые уже проникают в уголовное судопроизводство, пока не представляется возможным связать воедино. Возникает необходимость определить собственные, внутренние задачи системы уголовного судопроизводства и ответить на вопрос, какие внутренние функции должна безусловно осуществлять эта система, чтобы выполнить свое предназначение, заданное ей более высокой системой.

Ранее мы уже пытались выделить внутри уголовного судопроизводства определенные внутренние функции (подфункции) и частные, внутренние задачи¹², требующие решения при функционировании уголовного судопроизводства. Попытаемся развернуть эти рассуждения применительно к проблемам и возможным этапам цифровизации данной деятельности.

¹¹ О процессуальных функциях научные споры ведутся давно, и только с принятием УПК РФ, закрепившим эти три функции, споры несколько утихли. Обзор и анализ дискуссий по данному вопросу см.: *Бозров В. М.* Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург, 2012.

¹² *Воскобитова Л. А.* Функциональная модель уголовного судопроизводства.

Функциональный подход к цифровизации начального этапа уголовного судопроизводства и формирование внутренней подфункции — обеспечения доступа к входу в систему уголовного судопроизводства

Через начальный этап уголовного судопроизводства, определяемый как возбуждение уголовного дела, проходит каждое сообщение о совершенном преступлении, поэтому именно он определяет место входа в систему. Из этого следует, что такой функциональный вход не должен быть рассредоточен по разным ведомствам, должностным лицам, территориальным органам. Он должен быть единым и доступным, во-первых, каждому лицу, потерпевшему от преступления, что позволит создать условия и для решения важной внешней задачи — обеспечения права потерпевшего на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ).

Во-вторых, вход в систему должен быть обеспечен и каждому иному лицу, которому стало известно о совершенном преступлении или которое выявило его в силу своих служебных полномочий. В настоящее время решение задачи входа в систему уголовного судопроизводства рассредоточено по многим ведомствам, у каждого из которых еще и разветвленная сеть территориальных органов различных уровней. В этой деятельности участвуют и прокуратура, и даже судебные органы по делам частного обвинения.

Это, к сожалению, не обеспечивает единства системы в выполнении такой *внутренней функции, как обеспечение доступа в систему всей информации обо всех преступлениях (а не выборочно), совершенных по всей стране в определенную единицу времени*. Цифровизация может системно решить данную проблему, если в стране будет создан единый портал «Сообщение о совершенном преступлении»¹³. Он должен быть общедоступным для входа в него и подачи заявления.

¹³ Интересно отметить, что на Украине еще в 2014 г. была установлена процедура приема и регистрации сообщений о преступлениях уголовного процесса, посредством их почти автоматической регистрации в электронном Едином реестре досудебных расследований. См.: *Филин Д. В.* Начало досудебного производства в уголовном процессе Украины // URL: <http://www.iuaj.net/node/1462>.

Этот опыт оказался не самым удачным и имел существенные системные недостатки. См.: *Корж В. П.* Процессуальное обеспечение прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Украины // Конституция РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 г.). М. : ИПК СК России, 2013. Ч. 1. С. 218—220 ; *Цветков Ю. А.* Возбуждение уголовного дела в механизме отказоустойчивости УПК РФ // Законность. 2017. № 6. С. 48—52.

Совсем другие результаты показывает опыт ФРГ. См., например: *Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е.* Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214—224 ; *Вилкова Т. Ю.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Там же. С. 236.

Поступление заявления и его регистрация, направление для проверки не должны зависеть от усмотрения, ведомственных интересов должностного лица. Но такой портал должен иметь ограничения от использования информации в иных целях, например для удовлетворения любопытства, сокрытия следов преступления, использования информации в иных неправомерных целях. Далеко не каждое сообщение может содержать информацию именно о преступлении.

Вход в данный портал должен быть ограничен и рядом содержательных критериев, которые позволят решить и другую важную внутреннюю задачу данного этапа — *отличить преступное деяние от неправомерного*, которая возникает одной из первых. Решение этой внутренней задачи обуславливает, будет ли далее разворачиваться все функционирование системы уголовного судопроизводства в целом или нет. Действующие сегодня ограничители в виде понятия «основания для возбуждения уголовного дела» при цифровизации данного этапа тоже претерпят определенную трансформацию, связанную с обеспечением системы базой больших данных о признаках различных составов преступлений и возможных вариантах их проявления.

Чтобы избежать дискриминации пользователей такого портала в зависимости от их компьютерной грамотности, доступности им персональных компьютеров или иных средств электронной коммуникации, наличия у них необходимых правовых знаний, владения языком судопроизводства и т.д., программа принятия сообщений о преступлении должна содержать специально разработанные электронные формы опроса, которые позволяли бы идентифицировать заявителя, зафиксировать его позицию (жертва преступления, иное лицо, должностное лицо).

Форма должна содержать необходимые вопросы и различные варианты ответов на них, чтобы облегчить подачу сообщения, содержать вопросы об удостоверении заявленной информации указанием на очевидцев, сканированием документов, фотографированием следов, предметов и т.п., что существенно облегчало бы проверку заявления и решения вопроса о достаточности данных для принятия решения.

Обязательна графа для заполнения в свободной форме по принципу «иное». Цифровая программа, возможно, могла бы предусматривать удостоверение личности по внешности, голосу, возможно — по зрачку, отпечаткам пальцев или иным индивидуализированным признакам, в том числе и предоставлять возможность электронной подписи.

Такой функциональный вневедомственный подход к цифровизации начального этапа уголовного судопроизводства обеспечивал бы получение полного объема сообщений о совершенных преступлениях, которые можно было бы автоматически анализировать по временным периодам, по территории, по видам преступлений, по органам, куда они направлены для разрешения, по срокам рассмотрения и видам принимаемых решений. Выигрыш от внедрения единой платформы в том, что он существенно изменял бы возможности контроля за сроками и качеством принимаемых решений, более того, цифровизация позволяет еще и автоматический контроль содержания принимаемого решения по соблюдению его процессуальной формы и наличию мотивированности.

Программа может блокировать подачу заявления или подготовку электронной формы процессуального решения, если в нее будут заложены критерии, пред-

усмотренные процессуальным правом, например отсутствие в заявлении или в описательной части постановления о возбуждении уголовного дела фактического описания события, отсутствие ответов на необходимые юридические вопросы: когда, где, кто, что, каким образом совершил.

Компьютерная программа способна соотнести изложение такой информации в сообщении, поступившем в электронной форме, с текстом постановления. Уже сегодня мы нередко сталкиваемся с электронными формами, где звездочкой отмечены поля, обязательные к заполнению, не заполнив их, нельзя продвигаться далее. Пора воспринимать такие передовые технологии и для повышения качества принятия, рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях.

Функциональный подход к цифровизации расследования преступлений

Структурная характеристика этого этапа процессуальной деятельности традиционно акцентирует внимание на процессуальном положении субъектов процесса в данной стадии, на совокупности процессуальных, в том числе и следственных, действий, которые правомочен осуществлять орган расследования, на видах принимаемых решений и т.д. Однако внутренние функции уголовного судопроизводства на данном этапе, как правило, за редким исключением, не обсуждаются¹⁴.

Между тем правоприменительная природа уголовного судопроизводства требует иного функционального анализа. Какие задачи возникают на этом этапе и какие внутренние процессуальные функции должны быть осуществлены для получения итогового результата системы в целом?

Как известно, правоприменительная деятельность включает три этапа: установление фактической основы дела, отыскание правовой основы дела и решение дела. Расследование играет наиболее важную роль именно на первом этапе правоприменения.

Расследование по времени и возможностям ближе всего к моменту совершения преступления, поэтому здесь больше всего объективных возможностей для познания. Орган расследования наделен значительными полномочиями и свободой действий для познания. Он обязан обеспечить законность и обоснованность уголовного преследования, поскольку от этого зависит качество выполнения всех внешних функций, заданных системе уголовного судопроизводства.

Поэтому относительно деяния, информация о котором возникла на входе в систему уголовного судопроизводства, важнейшей внутренней задачей расследования становится *познание, установление всех юридически значимых характеристик фактической основы обсуждаемого деяния, удостоверение правильности и полноты такого познания*. Особые требования предъявляются здесь к

¹⁴ Например, не получили должного развития в науке позиции А. П. Гуляева о функциях следователя (см.: Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981), М. М. Выдри о том, что расследование является самостоятельной функцией процесса (см.: Выдра М. М. Расследование уголовного дела — функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9).

достоверности получаемой информации, пресечению попыток фальсификации, сокрытия, искажения и т.п., без чего невозможно безошибочно решить внешнюю задачу правильного применения нормы уголовного права.

Это позволяет правильно определить квалификацию преступления и решить последующие процессуальные вопросы: подсудность дела тому или иному суду, возможность использования той или иной формы судебного разбирательства. В других случаях, при установлении уголовно-правовых или процессуальных оснований такое познание позволяет своевременно прекратить производство по делу, избегая лишних затрат времени, ресурсов, правового принуждения.

Для правильного решения познавательной задачи необходимо решить еще и внутреннюю *процедурную задачу всесторонности и полноты исследования* фактической основы дела. Уже в досудебном производстве необходимо «*выслушать и другую сторону*», не допуская односторонности и обвинительного уклона, добиваясь максимально возможной объективности познания и объективного, непредвзятого взаимодействия властных (следователь/дознатель и др.) и невластных (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, защитник и др.) участников процесса.

Итог познавательной деятельности предопределяет *правоприменительные* действия и решения: установление всех юридически значимых обстоятельств дела позволяет дать предварительную квалификацию преступления; признать лицо обвиняемым, а в конце принять решение о возможности направления дела в суд с обвинительным заключением или иным процессуальным документом или о необходимости прекращения уголовного дела.

Цифровизация такого рода деятельности требует принципиально иного подхода, чем на начальном этапе.

Эта деятельность не может быть полностью или хотя бы в значительной мере автоматизирована и отделена от субъекта, ее осуществляющего. Каждое дело уникально, и познание каждого преступления требует индивидуального подхода, что делает субъекта расследования незаменимым. Однако единоличное, тайное и письменное производство на данном этапе существенно увеличивает риск субъективности, принятия неверных решений, односторонности в получении, исследовании и оценке поступающей информации, необоснованных решений при применении норм процессуального или уголовного права.

Одним из преимуществ цифровизации могло бы стать снижение уровня субъективности. Для этого можно шире использовать возможности цифровой техники в фиксации доказательственной информации, применяя аудио-, видео- или аудиовидеофиксирование всех следственных действий вместо ведения протокола.

Это позволило бы фиксировать информацию более объективно и исключило бы проблемы в судебном разбирательстве, когда возникает спор о правильности записи в протоколе того или иного следственного действия. Видео следственных действий позволило бы более детально и наглядно фиксировать обстоятельства места преступления, следы, предметы и объекты физического мира. Это обеспечило бы также строгое выполнение условий и порядка проведения следственных действий, особенно в тех случаях, когда действие невозможно произвести повторно, например при опознании.

Объективность фиксации на видео следственного эксперимента, осмотров, обыска, выемки позволила бы представлять эту информацию суду, делая ее на-

глядной и объективной и для восприятия суда. Здесь возможны и риски, например неполной, фрагментарной записи, внесения в нее последующих произвольных изменений, искажений. Поэтому технически необходимо предусмотреть должный уровень защиты и предупреждения неправомерных действий при ведении и хранении подобных записей.

В ходе расследования решаются и иные процессуальные внутренние задачи: *обеспечения прав* всех заинтересованных участников процесса путем своевременного определения соответствующего процессуального статуса каждого из них и предоставления возможности использовать свои права; *пресечения неправомерного поведения* участников путем разъяснения обязанностей, предупреждения о недопустимости определенного поведения, избрания и применения мер процессуального принуждения при выявлении соответствующих оснований.

Такого рода задачи возникают в разных сочетаниях, что определяется индивидуальными особенностями дела или поведения отдельных участников. Цифровые технологии способны не только облегчить оформление решения указанных задач, но и дать дополнительные гарантии соблюдения процессуальных прав участников процесса.

Так, известная проблема недостаточной мотивированности решений следователя о применении мер пресечения чаще всего выражается в том, что в них не указываются конкретные факты, не индивидуализируются основания применительно к конкретному делу. Цифровая программа могла бы предусматривать определенные «кодовые слова», отсутствие которых блокировало бы распечатку немотивированного решения или ходатайства следователя, понуждая его быть более точным при составлении таких документов.

Другая проблема связана с несвоевременным, запоздалым признанием лиц потерпевшими. Цифровая программа могла бы содержать определенный таймер: если в заявлении, в постановлении о возбуждении уголовного дела содержится информация о том, кому и какой причинен вред, это лицо имеет право быть признанным потерпевшим, и программа могла бы постоянно напоминать следователю о необходимости незамедлительно произвести такое действие.

Эти и другие примеры позволяют предположить, что расследование может стать одним из самых сложных этапов цифровизации уголовного судопроизводства, но опыт Нидерландов, Турции, Казахстана¹⁵ и других стран показывает, что возможно и электронное уголовное дело — это вполне решаемая техническо-правовая задача.

Среди внутренних задач системы уголовного судопроизводства целесообразно заострить внимание и на таком этапе, как *подготовка и направление дела в суд*. В УПК РФ этот этап не получил ни должного содержательного регулирования, ни достаточного теоретического осмысления, что, к сожалению, не обеспечивает направления в суд всегда только доброкачественного материала обвинения. Уже в суде государственное обвинение нередко поддерживает государственный обвинитель, слабо знающий материалы дела и не готовый к настоящей состяза-

¹⁵ См.: *Задорожная В. А.* Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // *Правопорядок: история, теория, практика.* 2018. № 4 (19). С. 70—75.

тельности: возражениям защиты, появлению новых доказательств, изменению показаний и т.п.

В результате далеко не всегда государственное обвинение отвечает конституционному требованию законности. Поддержание недостаточно обоснованного обвинения создает угрозу вынесения неправоудного приговора, поэтому данный этап уголовного судопроизводства требует серьезной трансформации, и цифровизация могла бы существенно повысить качество данной части процессуальной деятельности.

Прежде всего важно понять, какие функциональные задачи возникают в этой части процесса и какие внутренние функции необходимы для него. Представляется, что здесь возникают задачи: а) не пропустить в суд некачественное обвинение и б) при качественном обвинении подготовиться к успешному поддержанию государственного обвинения в суде. Эти задачи востребуют, соответственно, такие внутренние процессуальные подфункции, как прокурорский надзор и формирование позиции государственного обвинителя в суде по данному делу.

Логика указанных задач и функций требует, чтобы прокурор, прежде чем утверждать обвинительное заключение, назначал по данному делу государственного обвинителя, который обязан тщательно изучить дело и оценить, можно ли выходить с ним в суд: все ли факты о событии преступления и причастности к нему обвиняемого установлены; не осталось ли возможных, но непроверенных версий; проверены и опровергнуты ли доводы защиты; достаточно ли доказательств, все ли они допустимы, нет ли тех, которые порождают сомнения в их достоверности.

Необходимо проверить и предлагаемую квалификацию преступления, соответствует ли она установленным фактическим основаниям дела. Кроме того, подлежат проверке и иные процессуальные аспекты расследования: соблюдение требований закона, обеспечение прав участников, мотивированность процессуальных решений и т.п.

Только при согласии государственного обвинителя с выводами расследования прокурор может направлять дело в суд. Если государственный обвинитель выявляет такую неполноту, противоречивость, недоказанность в материалах дела, которые не дают возможности «удержать» обвинение в состязательном судебном разбирательстве, прокурор не должен направлять дело в суд и вправе принимать необходимые меры к устранению выявленных недостатков.

Решение указанных задач невозможно полностью автоматизировать и оцифровать, поэтому на данном этапе будет сохраняться важная роль профессиональных юристов прокуратуры. Цифровые программы можно было бы использовать для ускорения и облегчения задач делопроизводства, необходимой коммуникации прокурора и государственного обвинителя с участниками процесса.

Со временем, когда будет разработана программа «электронное уголовное дело» и дело будет направляться прокурору в электронном виде, возможно создание еще и аналитических программ, способных оценивать непротиворечивость текста; достаточность доказательств; выявлять голословные или предположительные утверждения; сопоставлять признаки преступления и правильность предлагаемой квалификации.

Зарубежный опыт, особенно в странах с прецедентным правом, показывает, что электронные системы могут заниматься такой правовой аналитикой, в ре-

зультате которой могут даже давать прогноз о наиболее вероятном решении дела судом в зависимости от имеющейся в деле информации.

Центральными внутренними задачами становятся: а) исследование судом представленных сторонами доказательств, их анализ и оценка; б) устранение сомнений, противоречий, неясностей; в) правильное определение правовой основы и принятие законного, обоснованного и справедливого решения. Решение первых двух задач без участия судьи, только с использованием искусственного интеллекта¹⁶, невозможно, и цифровизация вряд ли может содержательно трансформировать этот этап судопроизводства.

Вместе с тем наличие достаточной электронной базы данных, облегчающих правоприменительную деятельность по отысканию необходимой нормы и уяснению ее правового смысла, могло бы в значительной мере облегчить судье поиск правового основания для своего решения. Возможности аналитическо-правовых программ могли бы быть полезными и судье, служили бы дополнительной гарантией правосудности приговора. И, безусловно, оправдывают себя все средства цифровизации, улучшающие делопроизводство и коммуникацию суда с участниками процесса.

Ведение обязательного аудиопотокола судебного заседания полезно судам не только первой, но и вышестоящих инстанций, которые используют аудиозапись при проверке доводов жалоб. Видео-конференц-связь позволяет суду допрашивать участников процесса, находящихся вне судебного заседания: подсудимого, находящегося под стражей, свидетелей, потерпевшего, которые не могут прибыть в судебное заседание, особенно в апелляционной инстанции, по уважительной причине.

Представляется, что реализация возможности видео-, аудиофиксации всех следственных действий при расследовании преступления могла бы со временем существенно трансформировать реализацию состязательности судебного разбирательства.

Если все расследование будет представлено суду в таком наглядном виде, суд может для состязательного обсуждения и исследования в судебном следствии выносить не весь объем уголовного дела, а лишь те доказательства, которые оспаривает какая-либо из сторон или которые вызывают сомнения, неясности у самого суда, сохраняя все иные элементы состязания сторон в судебном разбирательстве (заявления позиций, ходатайств, отводов, выступления в прениях и т.п.). Это могло бы усилить гарантии и объективности, и состязательности правосудия.

Следует подчеркнуть, что для современного уголовного судопроизводства в целом сквозной внутренней задачей, решаемой на всех этапах судопроизводства, будет оставаться задача *обеспечения и защиты всех процессуальных прав невластных участников процесса и прав человека в целом*. Она пронизывает все функционирование этой системы и сопровождает решение любой из внутренних задач.

Если основные внутренние задачи системы уголовного судопроизводства решаются правильно и своевременно, то успешно решаются и внешние задачи, за-

¹⁶ Это убедительно показал П. М. Морхат. См.: *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук // URL: dis.rgiis.ru.

данные этой системе. Если система некачественно решила любую из внутренних задач, возникает необходимость и задача *проверки и перепроверки принятого решения, для того чтобы ошибки были выявлены и исправлены.*

Когда внутренние задачи решены верно, решение суда может быть исполнено. Но в процессе его исполнения обстоятельства могут изменяться, и возникает еще одна внутренняя задача — при наличии определенных законных оснований *корректировать вид и размер наказания или иных мер уголовного характера, назначенных судом.*

Поскольку они назначены приговором суда, вынесенного именем государства, никто, кроме суда, не может решать такую задачу, поэтому система включает соответствующие процедуры, продолжая функционировать после разрешения уголовного дела и на этапах исполнения его решения. Представляется, что вся эта деятельность также подлежит цифровизации, уже с учетом специфики каждого следующего этапа.

Признание уголовного судопроизводства специфической социально-правовой системой актуализирует вопрос о первоэлементе такой системы. Решение этого вопроса обусловлено задачами, которые должна решить система в процессе своего функционирования. В теории уголовного судопроизводства преобладает мнение о том, что процессуальные функции так или иначе связаны с субъектами, которые их выполняют, что проявляется, например, в разработке понятий «участники» и «стороны» в уголовном процессе.

Законодатель также придерживается такой конструкции и определяет, какие субъекты процесса выступают на стороне обвинения или на стороне защиты и кто вправе осуществлять функцию разрешения дела. Цифровизация заставляет задуматься, является ли верным такой подход. Если первоэлементом считать субъекта процесса, который действительно без него существовать не может, то мы логически разрываем содержательную связь между внешними и внутренними задачами, ставя субъекта с его субъективной волей, интересами, способностями, желаниями над функционированием системы.

Между тем именно первоэлемент системы связывает ее задачи и функционирование таким образом, чтобы ожидаемый результат возникал в финале с закономерностью, не зависящей от субъективной воли исполнителей этой деятельности, т.е. был бы обеспечен самим объективным порядком функционирования. Первоэлемент должен обеспечивать внутреннее единство системы и ее эффективное функционирование от входа на уровне постановки внешних и внутренних задач до выхода из нее на уровне полного решения всех задач и получения ожидаемого результата.

Таким первоэлементом, на наш взгляд, следует считать не субъекта процесса, а само процессуальное действие. Именно совокупность действий, совершаемых в процессе, благодаря их многообразию, путем дробления главных задач на мелкие и более конкретные применительно к каждому из действий, с учетом индивидуальных характеристик каждого уголовного дела, проходящего через эту систему, обеспечивает решение каждой из внутренних задач системы и выполнение внешних задач, предназначения системы в целом.

Поэтому для цифровизации уголовного судопроизводства как целостной системы требуется трансформация представлений о системе процессуальных

действий в их связи с решением той или иной внутренней задачи всей системы в целом. Привычное теоретическое структурирование процесса по стадиям или по субъектам следует трансформировать, связав с функционированием в процессе решения каждой из внутренних задач и обеспечением назначения процесса в целом.

Системный анализ имеет свою последовательность. Определение задач позволяет выделить отдельные функции, требуемые для их решения. Понимание функций позволяет определить, какие субъекты необходимы для их выполнения, какими полномочиями они должны быть наделены, какой должна быть совокупность процессуальных действий для выполнения каждым из субъектов тех процессуальных функций, которые ведут к решению внутренних и внешних задач системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бозров В. М.* Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. — Екатеринбург, 2012.
2. *Вилкова Т. Ю.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6.
3. *Володина Л. М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. — М. : Юрлитинформ, 2020.
4. *Воскобитова Л. А.* Использование системного метода в исследованиях современных проблем уголовного процесса // Сборник научных трудов. — Серия «Гуманитарные и социально-экономические науки». — Ставрополь : Ставропольский государственный технический университет, 1998. — С. 145—166.
5. *Воскобитова Л. А.* Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 2 (42). — С. 24—38.
6. *Выдря М. М.* Расследование уголовного дела — функция уголовного процесса // Советское государство и право. — 1980. — № 9.
7. *Гаверилов Б. Я.* Возбуждение уголовного дела: мифы о справедливости и реализация права на доступ к правосудию // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. 20—21 марта 2015 г. — СПб., 2016. — Ч. 1. — С. 68—70.
8. *Гуляев А. П.* Следователь в уголовном процессе. — М., 1981.
9. *Задорожная В. А.* Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 4 (19). — С. 70—75.
10. Искусственный интеллект может изменить судебную систему // URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html>. — 18.02.2019.
11. Искусственный интеллект (ИИ). Artificial Intelligence (AI). Продукт // URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/>.

12. Корж В. П. Процессуальное обеспечение прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Украины // Конституция РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 г.). — М. : ИПК СК России, 2013. — Ч. 1. — С. 218—220.
13. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — С. 214—224.
14. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук // URL: dis.rgiis.ru.
15. Филлин Д. В. Начало досудебного производства в уголовном процессе Украины // URL: <http://www.iuaj.net/node/1462>.
16. Цветков Ю. А. Возбуждение уголовного дела в механизме отказоустойчивости УПК РФ // Законность. — 2017. — № 6.
17. Шарипова А. Р. Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — № 3. — С. 131—135.
18. Digitising the World's Courts — England & Wales [Переход в цифровое пространство мировых судов — Англия и Уэльс] // URL: <https://www.geldards.com/digitising-the-worlds-courts.aspx>.
19. Won H. Measuresto Realize Sustainable and Efficient Justice from the Perspective of Information and Communications Technology: Focusing on the Korean Court [Вон Х. Меры по реализации устойчивого и эффективного правосудия с точки зрения информационных и коммуникационных технологий: фокусирование на опыте корейского суда] // Journal of Korean Law. — 2016. — December. — Vol. 16. — P. 67—91. — URL: http://space.snu.ac.kr/bitstream/10371/112423/1/03_Hoshin%20Won_%EC%9E%AC%EA%B5%90OK2.pdf.

Цифровизация в уголовном судопроизводстве

**Лариса Николаевна
МАСЛЕННИКОВА,**

профессор кафедры
уголовно-процессуального
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
Inmaslennikova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве России, утверждается о ненадлежащем исполнении государством этой конституционной обязанности. Досудебное производство рассматривается как неэффективное, разбалансированное, «волокидное» производство, не обеспечивающее надлежащим образом доступ к правосудию. Обращается внимание на отсутствие логически целостного, концептуального подхода к развитию и совершенствованию начального этапа уголовного судопроизводства, на фрагментарность и непоследовательность вносимых законодательных изменений, локальность научных дискуссий, не объединенных единым концептуальным подходом. Описывается разрабатываемый научным коллективом концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий.

Ключевые слова: доступ к правосудию, концептуальный подход, цифровизация, начальный этап уголовного судопроизводства, органы расследования, прокурор, суд, автоматизированные системы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.052-065

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

L. N. MASLENNIKOVA,

*Professor of the Department of criminal procedure law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Dr. Sci. (Law), Professor

Inmaslennikova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

**A CONCEPTUAL APPROACH TO THE CONSTRUCTION
OF CRIMINAL PROCEEDINGS THAT PROVIDE
ACCESS TO JUSTICE IN THE CONTEXT OF DIGITAL
TECHNOLOGIES DEVELOPMENT**

Abstract. *The article analyzes the current problems of access to justice in the criminal proceedings of Russia, and claims that the state is not properly fulfilling this constitutional duty. Pre-trial proceedings are considered to be inefficient, unbalanced, and "red tape" proceedings that do not provide adequate access to justice. Attention is drawn to the lack of a logically holistic, conceptual approach to the development and improvement of the initial stage of criminal proceedings, the fragmented and inconsistent nature of legislative changes, and the locality of scientific discussions that are not United by a single conceptual approach. The article describes the conceptual approach developed by the research team to the construction of criminal proceedings that provides access to justice in criminal proceedings in the context of the development of digital technologies.*

Keywords: *access to justice, conceptual approach, digitalization, initial stage of criminal proceedings, investigation bodies, Prosecutor, court, automated systems.*

Проблема доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве является одной из наиболее актуальных проблем уголовного процесса. В силу публично-правовой природы уголовного судопроизводства обязанность обеспечить доступ к правосудию Конституцией РФ возложена на государство (ст. 52). Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве обеспечивается государственными органами (органами расследования) на начальном этапе уголовного судопроизводства путем регистрации сообщения о преступлении, его проверки, принятия решения о возбуждении уголовного дела, его расследования с целью установления состава преступления, привлечения лица в качестве обвиняемого, предъявления ему обвинения, применения необходимых мер процессуального принуждения с целью обеспечения правосудия.

Прокурор обеспечивает доступ к правосудию путем надзора за законностью процессуальной деятельности органов расследования и уголовным преследованием посредством решения вопроса о направлении дела в суд с утвержденным им обвинительным заключением (актом, постановлением).

Судья на начальном этапе уголовного судопроизводства обеспечивает доступ к правосудию, разрешая уголовно-процессуальные споры о законности

действий, бездействия, решений органов расследования и прокурора, которые способны затруднить доступ к правосудию, а также по ходатайству следователя (дознателя) принимает решения о производстве ряда следственных действий и мер процессуального принуждения с целью обеспечения доступа к правосудию.

Исследования показывают ненадлежащее выполнение государственными органами конституционной обязанности по обеспечению доступа к правосудию². Деятельность порой носит весьма формальный характер, направлена в основном на создание благополучных показателей по ее результатам. Кроме того, сама архитектура досудебного производства, представленная двумя стадиями (стадией возбуждения и расследования в трех формах), создает препятствия по доступу к правосудию, ничем не оправданную волокиту.

И среди теоретиков, и среди практиков высказываются различные суждения о необходимости преобразования начального этапа уголовного судопроизводства, но при этом нет единого подхода к этим преобразованиям, как и нет четкой государственной уголовной политики по данному вопросу. В то же время стратегические направления государственной политики в целом направлены на поиск таких изменений в законодательстве и в государственном управлении, которые помогут всей нашей экономике, указывают на инновационный характер деятельности.

В целях построения эффективного уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, необходимо, чтобы руководством Российской Федерации был взят курс на модернизацию уголовного судопроизводства и инновационное развитие государства и населения в сфере уголовного судопроизводства в целом (а не только отдельных его этапов), что, в свою очередь, должно привести к более эффективному обеспечению доступа к правосудию.

Но в настоящий момент даже на уровне уголовно-процессуальной теории отсутствует понимание, какова должна быть архитектура начального этапа уголовного судопроизводства, отсутствует формализованный подход к тому, какие необходимо произвести преобразования, чтобы достичь эффективного обеспечения государством доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве в современных условиях развития цифровых технологий.

Кроме того, наблюдается потеря управляемости процессом обеспечения доступа к правосудию как следствие фрагментарного и непоследовательного принятия с 2001 г. законодательных решений (принятие УПК РФ) в части досудебного производства на основании сложившихся с советского периода представлений о целях и задачах деятельности государственных органов на начальном этапе уголовного судопроизводства, определяющими из которых являются ложные представления о статистических показателях результатов деятельности.

Досудебное производство разбалансировано, представляет собой «волоконное производство», не обеспечивающее в полной мере доступ к правосудию, изменение законодательства происходит фрагментарно, не объединено единой целью, направленной на обеспечение доступа к правосудию. Развитие уголовно-процессуальных институтов (стадий возбуждения и расследования, форм рас-

² См. подробнее: *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве России // *Юридические исследования.* 2020. № 7. С. 13—28.

следования, прокурорского надзора, судебного контроля) за последние почти 20 лет происходило хаотично, порой путем лоббирования интересов отдельных государственных органов, при этом ложно понимаемых (например, уменьшение полномочий прокурора при надзоре за следствием).

Одной из проблем описанной ситуации является отсутствие логически целостного концептуального подхода к развитию и совершенствованию начального этапа уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию. Это влечет низкую эффективность досудебного производства в процессе возбуждения уголовного дела и его расследования, прокурорского надзора и судебного контроля за этой деятельностью.

Одной из причин возникающих проблем целеполагания и целедостижения на начальном этапе уголовного судопроизводства, предшествующем судебному разбирательству уголовно-правового спора, является отсутствие четкого понимания таких понятий, как «доступ к правосудию», «обеспечение доступа к правосудию», «право на доступ к правосудию», «обязанность обеспечить доступ к правосудию», «доступность правосудия».

Принимаемые следователем, дознавателем, прокурором, судьей решения не объединены единой целью — обеспечить доступ к правосудию, порой незаконны и необоснованны, приняты формально, чтобы создать ложные представления о результатах деятельности, исходя из критериев оценки (прекращение дела оценивается как негативный показатель, поэтому система стремится, скорее, отказать в возбуждении дела, чем возбудить и расследовать).

Концептуализация ранее вносимых предложений по изменению уголовно-процессуального законодательства (например, необоснованное введение в стадии возбуждения уголовного дела, по сути, квазирасследования, лишение прокурора части полномочий по надзору за следствием, возможность государственных органов обжаловать действия и решения друг друга вместо построения отношений по иерархии, исходя из главенствующей роли прокурора в уголовном преследовании) с позиций интересов населения России проведена не была.

Это и стало одной из причин фрагментарности вносимых за последние почти 20 лет законодательных изменений и локальных научных дискуссий в рамках досудебного производства (например, о следственном судье, о стадии возбуждения уголовного дела, о формах расследования и др.), не объединенных единым концептуальным подходом в интересах населения России.

Отсутствует единый строго формализованный подход, обеспечивающий высокую эффективность целеполагания и целедостижения в области начального этапа уголовного судопроизводства, предшествующего собственно правосудию, отвечающий, например, на вопросы:

- какую и как формировать инновационную систему начального этапа уголовного судопроизводства, предшествующего правосудию (судебному разбирательству дела по существу);
- какие механизмы должны быть заложены в инновационную экосистему уголовного судопроизводства на его начальном этапе, где устанавливается наличие преступления и лицо, его совершившее;
- какой тип и объем спроса будет удовлетворять предложение о создании инновационной системы уголовного судопроизводства (иначе говоря, а нуждается

ли население России в цифровизации уголовного судопроизводства, нуждается ли в таком сложном и длительном по времени досудебном производстве, по сути предрешающем итог судебного разбирательства, или начальный этап уголовного судопроизводства должен быть предельно упрощен при соблюдении необходимых процессуальных гарантий);

— чьи и какие интересы при этом следует учитывать (вопрос цифрового неравенства определяет многое).

В настоящее время каждому государственному органу (суд, прокурор, орган расследования) и стране в целом нужен логически целостный подход к формированию начального этапа уголовного судопроизводства, опирающийся на реальные интересы и потребности населения и государства, способный эффективно обеспечивать доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве, публичном по своей правовой природе.

Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий³, строится на основе теоретического, законодательного и эмпирического материала относительно возбуждения уголовного дела и его расследования, надзора прокурора и судебного контроля. Для обеспечения целостности работы проведен анализ законодательства и деятельности каждой из областей (стадии возбуждения уголовного дела и стадии расследования, надзора прокурора и судебного контроля), зарубежного опыта цифровой трансформации уголовного судопроизводства с последующим синтезом результатов.

При этом сформулирован ряд выводов, составляющих в своей совокупности концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий, который предполагает в том числе изменение архитектуры досудебного производства как законодательной модели и цифровую трансформацию этого производства на этапе, предшествующем правосудию (рассмотрению дела по существу).

Уголовное судопроизводство как вид государственной деятельности, в которую вовлекаются (привлекаются) частные лица (физические и юридические), не может оставаться в стороне от процессов, получивших название цифровой экономики. Однако вряд ли стоит оцифровывать неэффективные хаотичные системы, надеясь их оптимизировать.

Взаимодействие в сфере уголовного судопроизводства между государственными органами и заинтересованными лицами не может оставаться на прежнем уровне и должно соответствовать уровню развития общественных отношений, обусловленных четвертой промышленной революцией Industry 4.0. Развитие цифровых и других информационных технологий вызывает необходимость правового

³ Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий, разрабатывается авторским коллективом в составе Т. Ю. Вилковой, А. А. Собенина, Т. Е. Сушиной, К. А. Таболиной под руководством Л. Н. Масленниковой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

регулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства с учетом всех благ и рисков, которые они несут⁴.

Цифровая трансформация всего уголовного судопроизводства невозможна без цифровой трансформации начального этапа уголовного судопроизводства, т.е. досудебного производства. Цифровая трансформация досудебного производства возможна лишь при условии создания принципиально нового алгоритма (законодательной модели) начального этапа уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, модели, построенной в интересах населения России, максимально упрощенной при сохранении процессуальных гарантий.

В основе концептуального подхода к построению начального этапа уголовного судопроизводства должно лежать понимание, что такое доступность и что такое доступ к правосудию. Понятие «доступность правосудия» выражает внешний объективный фактор, не связанный с системой уголовного судопроизводства. Доступность правосудия определяется правовой культурой общества, информированностью его членов, куда, каким образом следует обращаться в случае необходимости разрешения споров судом, наличием возможностей подобных обращений. Доступ к правосудию — это начальный этап уголовного судопроизводства, позволяющий установить основания для рассмотрения судом уголовно-правового спора о преступлении и лице, его совершившем. Право на доступ к правосудию — это право на деятельность государственных органов по возбуждению и расследованию уголовного дела в целях установления состава преступления путем доказывания и применения обеспечительных мер в интересах правосудия, это право на деятельность суда по разрешению уголовно-правовых и уголовно-процессуальных споров⁵.

Предлагаемый концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, предполагает необходимость трансформации досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, делающий возможным доступ к правосудию с момента регистрации сообщения о преступлении до утверждения прокурором обвинительного документа (иного итогового решения при наличии к тому оснований), при котором форма расследования будет соответствовать форме современного дознания с главенствующей ролью прокурора в уголовном преследовании⁶.

⁴ См. подробнее: *Масленникова Л. Н.* К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 309—312.

⁵ См. подробнее: *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве России. С. 20.

⁶ См. подробнее: *Собенин А. А.* Актуальные вопросы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий // Вестник Воронежского государственного университета. 2019. № 4 (39). С. 266—273 ; *Он же.* К вопросу о процессуальной форме досудебного производства в условиях развития цифровых технологий // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. М. : РГ-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 250—254 ; *Он же.* К вопросу

При поступлении дела с обвинительным актом к прокурору у него должно быть достаточно полномочий осуществлять уголовное преследование путем выполнения ряда действий и принятия решений, утверждения обвинительного акта (или составления и подписания). Именно утверждение прокурором обвинительного акта должно являться фактом привлечения лица в качестве обвиняемого (а не составление дознателем). В силу конституционного статуса прокуратуры РФ именно прокурор должен быть руководителем уголовного преследования.

Положение руководителя уголовным преследованием не должно предполагать возможности обжалования принимаемых им ключевых решений, обеспечивающих доступ к правосудию. Совершенствование деятельности прокурора по обеспечению доступа к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства предполагает исключение дифференциации полномочий прокурора в зависимости от формы расследования⁷.

Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, предполагает усиление судебной власти на начальном этапе уголовного судопроизводства путем закрепления в УПК РФ статуса суда, рассматривающего на начальном этапе уголовного судопроизводства жалобы и ходатайства всех заинтересованных участников, как самостоятельного судебного органа, наделенного этой единственной функцией.

Цифровая трансформация досудебного производства может быть достигнута главным образом за счет рационального управления автоматизированными системами регистрации сообщения о преступлении, расследования, принятия решений, обеспечивающими доступ к правосудию, проверки их законности и обеспечительных мер судебного органа, обеспечивающего доступ к правосудию, интегрированных в единое информационное пространство.

Однако в России пока в большей степени развивается электронное взаимодействие по вертикали одной государственной системы (внутри судебной системы, прокуратуры, МВД и т.д.) и практически отсутствует межведомственное электронное взаимодействие государственных органов между различными системами и государственных органов с населением в сфере уголовного судопроизводства, в частности в досудебном производстве. Наиболее интенсивно развивается цифровизация судебной системы и прокуратуры. Цифровизация досудебного производства значительно отстает и на законодательном, и на организационном уровне.

Политическое значение цифровой трансформации уголовного судопроизводства в целом и досудебного производства в частности заключается в том, что без

о совершенствовании процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела в условиях развития цифровых технологий // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ (28—29 марта 2019 г.) / под ред. А. А. Горохова. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. С. 201—207 ; *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию органами расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства // *Российский следователь*. 2020. № 8. С. 23—27.

⁷ См. подробнее: *Масленникова Л. Н., Таболина К. А.* Роль прокурора в обеспечении доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 3 (77). С. 51—58.

трансформации государственного управления, без электронного взаимодействия государственных органов между собой и с населением в сфере уголовного судопроизводства невозможна трансформация государства в целом как развитого, отвечающего критериям современного цифрового государства⁸.

В ходе разработки концептуального подхода было установлено, что большинство стран — лидеров в области развития цифрового правительства (29 стран из 40) предоставляют онлайн-возможности подачи сообщения о преступлении. Выявлено, что к общим тенденциям, наблюдаемым в этих странах, в организации подачи сообщения о преступлении можно отнести:

- 1) возможность сообщения о преступлении онлайн только в случаях, не требующих незамедлительного реагирования со стороны сотрудников правоохранительных органов;
- 2) ограниченное число категорий преступлений, по которым можно составить электронное сообщение о преступлении;
- 3) идентификацию заявителя через национальные порталы государственных услуг либо отсутствие требований об обязательной идентификации и аутентификации;
- 4) предупреждение заявителя об ответственности за предоставление заведомо ложной информации с помощью проставления галочки в соответствующей графе онлайн;
- 5) предоставление заявителю возможности приложить к заявлению доказательства, данные о лице, совершившем преступление, и иные сведения⁹.

Данные общие условия подачи сообщения о преступлении онлайн полезно будет учесть при разработке и предоставлении такой услуги в России, например через портал «Госуслуги».

Разработка концептуального подхода к цифровой трансформации досудебного производства требует учитывать опыт законодательного регулирования применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве зарубежных стран. К основным направлениям применения цифровых технологий в досудебном производстве по уголовным делам многих зарубежных государств на современном этапе следует отнести:

- принятие заявления о преступлении с помощью технического оборудования (посредством видео-конференц-связи, телефона или Интернета);
- электронный документооборот и электронную коммуникацию в уголовном судопроизводстве, включая электронное уголовное дело, аудио-, видеопотоколирование следственных действий, извещение и вызовы с помощью цифровых технологий;
- законодательное регулирование использования в доказывании электронных доказательств;

⁸ См. подробнее: *Масленникова Л. Н.* К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 3. С. 34—36.

⁹ См. подробнее: *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Зарубежный опыт использования онлайн-сервисов для подачи сообщения о преступлении // *Законность*. 2020. № 6. С. 61—65.

- дистанционное участие различных участников в уголовно-процессуальной деятельности.
- Зарубежный опыт позволяет обосновать предложения о необходимости:
- разработки и внедрения в российском досудебном производстве возможности подачи заявления о преступлении через специальную форму на сайте в сети Интернет;
- формирования материалов уголовного дела в электронной форме;
- создания единой цифровой платформы для коммуникации государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, с другими участниками с интегрированным в нее электронным уголовным делом;
- составления заключения эксперта в электронном виде с электронной подписью и передачи его следователю, дознавателю, в суд по каналам связи с использованием сети Интернет;
- составления протоколов следственных действий с использованием цифровых технологий;
- дальнейшего развития применения аудио- и видеопротоколирования, видеоконференц-связи;
- использования метода «шаблонного конструирования» при составлении протокола следственного действия¹⁰.

При разработке концептуального подхода к цифровой трансформации уголовного судопроизводства особый интерес представляет изучение автоматизированных систем в различных странах с позиций их функционального назначения и технических характеристик. Например, было установлено, что автоматизированные электронные системы уголовной юстиции США можно структурировать на три группы:

- 1) созданные для регулирования процессуальной деятельности суда;
- 2) созданные для осуществления предварительного расследования, использование которых ограничено сотрудниками правоохранительных органов;
- 3) созданные для комплексного регулирования судебной деятельности и других субъектов уголовной юстиции США.

Концептуальный подход к цифровой трансформации уголовного судопроизводства требует учитывать особенности архитектуры досудебного производства и

¹⁰ См. подробнее: *Вилкова Т. Ю.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. Ч. 3. С. 235—240 ; *Она же.* Национальные порталы правовой информации как гарантия принципа обеспечения доступа к правосудию // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы V Международной научно-практической конференции, 25—26 апреля 2019 г., Симферополь — Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь : Ариал, 2019. С. 19—21 ; *Она же.* Обязательное аудио- и видеопротоколирование судебного заседания в уголовном судопроизводстве в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ (28—29 марта 2019 г.) / под ред. А. А. Горохова. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. С. 181—185.

создания такого досудебного производства на законодательном уровне, которое лишено каких-либо ненужных с функциональной точки зрения элементов (например, доследственная проверка является существенным препятствием к началу расследования). В США именно особенности уголовного судопроизводства определяют конфигурацию автоматизированных систем уголовной юстиции для использования только профессиональными участниками уголовно-процессуальной деятельности. Ряд зарубежных государств, включая США, Казахстан, Сингапур и другие государства, разрабатывают и внедряют в практическую деятельность электронные интегрированные системы возбуждения и ведения уголовных дел (Integrated Criminal Case Filing and Management System (ICMS)).

При разработке ГАС «Доступ к правосудию» следует учесть, что одной из наиболее важных ее характеристик должна быть ее совместимость и возможность интеграции с другими автоматизированными системами, включая ГАС «Правосудие» и Комплексную информационную систему судов общей юрисдикции¹¹. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий, предполагает, что единая межведомственная цифровая онлайн-платформа взаимодействия прокуроров и руководителей государственных органов, следователей, дознавателей станет частью платформы ГАС «Доступ к правосудию». Такая интеграция в рамках ГАС «Доступ к правосудию» позволит не только вести производство в рамках единого электронного дела и надзирать за ним, но и отслеживать его динамику, формировать единые статистические отчеты¹².

Разработка характеристик государственной автоматизированной системы «Доступ к правосудию» предполагает в соответствии с концептуальным подходом учитывать:

- исторический опыт применения бланков процессуальных документов в российском уголовном процессе;
- зарубежный опыт перехода на электронное уголовное дело для обеспечения стандартизации уголовно-процессуальной деятельности, при условии соответствия требованиям закона и отказа от чрезмерной детализации;
- унифицирующее влияние электронного уголовного дела на уголовный процесс государств различных правовых семей¹³.

¹¹ См. подробнее: *Сушина Т. Е.* К вопросу о совершенствовании системы статистического учета обращений в суд на начальном этапе уголовного судопроизводства в цифровую эпоху // *Lex russica*. 2019. № 10 (155). С. 104—113.

¹² См. подробнее: *Масленникова Л. Н., Таболина К. А.* Роль прокурора в обеспечении доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 3 (77). С. 51—58 ; *Таболина К. А.* К вопросу о высокотехнологичном надзоре прокурора в уголовном процессе // *Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции*. Ч. 3. С. 240—244.

¹³ См. подробнее: *Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. Вып. 46. С. 728—751.

В уголовном процессе цифровизация предоставит возможность использовать недоступные при классическом подходе средства анализа материалов, которые хорошо зарекомендовали себя в других отраслях. Например, применение машинного обучения, такого как семантические нейронные сети, компьютерное зрение, кластеризация данных, может использоваться в рамках одного производства для мониторинга нарушений закона, а глобально — для поиска похожих материалов и обобщения, выявления тенденций на территории государства или его субъектов, поиска отклонений от нормы, обобщения статистики¹⁴.

В основе концептуального подхода к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях цифрового развития, лежит положение о том, что при любых новых явлениях, основанных на современных информационных технологиях, в сфере уголовного судопроизводства следует не разрушать принципиальную основу уголовного судопроизводства, а сохранять оптимальное соотношение между публичным и диспозитивным началами уголовного судопроизводства, не допустить цифрового неравенства.

С учетом различных возможностей населения России, субъектов РФ электронное взаимодействие государственных органов и заинтересованных лиц не должно исключать (очевидно, достаточно долго) и традиционного, основанного на личном обращении с бумажными носителями.

Инновационная структура начального этапа уголовного судопроизводства, предшествующая правосудию, должна быть максимально упрощена при сохранении всех процессуальных гарантий за счет ликвидации затратных дублирующих производств (предварительной проверки, жалоб государственных органов друг на друга, формальных решений, не содержащих мотивировки, неоднократно повторяющихся и требующих их отмены, и т.д.).

В инновационную экосистему уголовного судопроизводства на его начальном этапе, где устанавливается наличие преступления и лицо, его совершившее, обязательно должны быть заложены механизмы судебной власти, действенно обеспечивающей доступ к правосудию путем рассмотрения ходатайств и жалоб всех заинтересованных участников. Предложения о создании инновационной системы начального этапа уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, в том числе путем цифровизации (автоматизации отдельных процессов), должны быть в полной мере обоснованы потребностями не только государства, но и населения (например, потребностями электронного обмена сообщениями, ходатайствами, жалобами, решениями, участием в удаленном формате).

Экосистема начального этапа уголовного судопроизводства как система, включающая множество взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, может быть представлена как сфера, регулируемая уголовно-процессуальным законом, обеспечивающая доступ к правосудию, обладающая замкнутой системой взаимо-

¹⁴ *Tabolina K., Tabolin V. Prosecutor's Supervision in Criminal Proceedings in the Context of the Leading Development of Digital Relations // Proceedings from ICSEAL-6-2019: The 6th International Conference of Social, economic, and academic leaders. Part of series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Atlantis Press, 2020. P. 376—381. URL: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200526.055>.*

связей ее компонентов (регистрация сообщения о преступлении, расследование, надзор прокурора, судебная власть), придающих ей стабильность, связанная с другими устойчивыми системами (судебной системой), имеющая определенную продуктивность по обеспечению доступа к правосудию.

Единая экосистема начального этапа уголовного судопроизводства — это программное обеспечение (ГАС «Доступ к правосудию»), разработанное с целью максимальной интеграции и взаимодействия между самыми различными подсистемами (регистрация сообщения о преступлении, его расследование, деятельность прокурора, деятельность самостоятельного судебного органа), которое позволит оптимизировать все процессы в единой связи. Автоматизация регистрации сообщения о преступлении, автоматизация создания документов (протоколов, постановлений и др.), хранение их на удаленных серверах и т.д. — все это должно быть объединено в одну большую экосистему, в которой данные свободно передаются из одного процесса в другой, что позволяет максимально эффективно использовать все возможности системы.

Единая экосистема начального этапа уголовного судопроизводства (уголовного дела) в перспективе — это кибернетический скелет, это движущая сила уголовного судопроизводства (уголовного дела), которые управляют производством в реальном времени. Инструменты автоматизации должны легко интегрироваться между собой. В долгосрочной перспективе можно предположить, что влияние цифровизации в уголовном судопроизводстве в целом и на начальном этапе в частности будет постепенным, но значительным (по мере автоматизации отдельных процессуальных действий, процедур, принятия решений).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вилкова Т. Ю.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 235—240.
2. *Вилкова Т. Ю.* Национальные порталы правовой информации как гарантия принципа обеспечения доступа к правосудию // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы V Международной научно-практической конференции, 25—26 апреля 2019 г., Симферополь — Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. — Симферополь : Ариал, 2019. — С. 19—21.
3. *Вилкова Т. Ю.* Обязательное аудио- и видеопrotocolирование судебного заседания в уголовном судопроизводстве в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ (28—29 марта 2019 г) / под ред. А. А. Горохова. — Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. — С. 181—185.

4. *Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2019. — Вып. 46. — С. 728—751.
5. *Масленникова Л. Н.* К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 3. — С. 34—36.
6. *Масленникова Л. Н.* К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — Юридические науки. — 2020. — Т. 6 (72). — № 1. — С. 309—312.
7. *Масленникова Л. Н., Таболина К. А.* Роль прокурора в обеспечении доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 3 (77). — С. 51—58.
8. *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве России // Юридические исследования. — 2020. — № 7. — С. 13—28.
9. *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Зарубежный опыт использования онлайн-сервисов для подачи сообщения о преступлении // Законность. — 2020. — № 6. — С. 61—65.
10. *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию органами расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства // Российский следователь. — 2020. — № 8. — С. 23—27.
11. *Собенин А. А.* Актуальные вопросы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий // Вестник Воронежского государственного университета. — 2019. — № 4 (39). С. 266—273.
12. *Собенин А. А.* К вопросу о процессуальной форме досудебного производства в условиях развития цифровых технологий // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 250—254.
13. *Собенин А. А.* К вопросу о совершенствовании процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела в условиях развития цифровых технологий // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ (28—29 марта 2019 г) / под ред. А. А. Горохова. — Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. — С. 201—207.
14. *Сушина Т. Е.* К вопросу о совершенствовании системы статистического учета обращений в суд на начальном этапе уголовного судопроизводства в цифровую эпоху // Lex russica. — 2019. — № 10 (155). — С. 104—113.
15. *Таболина К. А.* К вопросу о высокотехнологичном надзоре прокурора в уголовном процессе // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция

ция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 240—244.

16. *Tabolina K., Tabolin V.* Prosecutor's Supervision in Criminal Proceedings in the Context of the Leading Development of Digital Relations // Proceedings from ICS EAL-6-2019 : The 6th International Conference of Social, economic, and academic leaders. — Part of series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — Atlantis Press, 2020. — P. 376—381. — URL: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200526.055>.

**Владимир Игоревич
ПРЖИЛЕНСКИЙ,**

профессор Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА),
доктор философских наук
viprzhilenskij@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Ирина Борисовна
Пржиленская,**

заведующий кафедрой
культурологии Института
социально-гуманитарного
образования Московского
педагогического
государственного
университета, доктор
социологических наук
prz-irina@mail.ru
119991, Россия, г. Москва,
ул. Малая Пироговская,
д. 1, стр. 1

ИДЕАЛЫ И ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА¹

Аннотация. Анализируется взаимодействие индивидов, структур и коллективов в ходе цифровизации уголовного процесса. Рассматриваются цели различных участников процесса внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Делается вывод о необходимости своевременного выявления всех заинтересованных сторон цифровизации и иных субъектов, участвующих в этом процессе, обосновывается тезис о целесообразности учета и согласования стратегий с целью придания системности, предсказуемости и управляемости процессу цифровизации уголовно-процессуальной сферы правоприменения. Таким образом, тестируется готовность системы уголовного судопроизводства к планируемой и реально идущей цифровизации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, цифровые технологии, цифровизация правоприменения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.066-073

V. I. PRZHILENSKIY,

Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Philosophy)
viprzhilenskij@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

I. B. PRZHILENSKAYA,

DSc in Sociology, Head of the Department of Culturology of Moscow State
University of Education. Moscow Pedagogical State University (MPGU)
prz-irina@mail.ru
1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russia, 119991

IDEALS AND INTERESTS OF PARTICIPANTS IN THE DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The interaction of individuals, structures and collectives in the course of digitalization of the criminal process is analyzed. The goals of various participants in the process of introducing digital technologies into criminal proceedings are considered. It is concluded that it is necessary to timely identify all the stakeholders of digitalization and other actors involved in this process, the thesis is substantiated that it is expedient to take into account and agree on strategies in order to give consistency, predictability and controllability to the digitalization process of the criminal procedural sphere of law enforcement. Thus, the readiness of the criminal justice system for the planned and actually ongoing digitalization is being tested.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedure, digital technologies, digitalization of law enforcement.

Введение

Цифровизация является скептикам стихийным и всепоглощающим процессом с плохо прогнозируемыми последствиями. Вспоминается поговорка: то, что нельзя предотвратить, лучше всего возглавить. Но сомнений в том, что путь цифровизации ясен и открыт, становится все больше. Параллельно растет и число оснований для тревоги. «Перспективы широкомасштабного внедрения цифровых технологий в эту деятельность пока остаются не очень ясными, что требует от российской юридической науки системного изучения и научного анализа возникающего и разрастающегося опыта, как его положительных результатов, так и возникающих рисков. Полагаю, что, только выявив все возможные риски, можно будет сформулировать техническое задание для выработки адекватных цифровых программ и мер для применения их в уголовном судопроизводстве, чтобы не разрушить, а более полно обеспечить необходимые гарантии и избежать негативных последствий цифровизации»².

Цифровизация сегодня — сложный и гетерогенный процесс, объединяющий множество социальных практик, которыми управляют различные инстанции и которые объединяют различные социальные группы, а также целые слои населения. Неудивительно, что при таком многообразии субъектов и такой их разнородности можно говорить о различии в их целеполагании.

Эта полисубъектность и, как неизбежное следствие, гетерогенность целеполагания отражаются на всех уровнях организации и управления, а также во всех областях, выделенных в качестве локальных пространств для цифровизации. В полной мере это относится и к системе судопроизводства, а также такой ее подсистеме, как система уголовного судопроизводства.

Цели цифровизации системы уголовного судопроизводства

Следует отметить, что система судопроизводства и без ее цифровизации не является застывшим административно-правовым механизмом, не допускающим каких-то существенных перемен. Напротив, она представляет собой сложную и все более динамичную систему, целеполагание которой определено и достаточно подробно прописано в соответствующих документах. На сегодняшний день действует Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы», и в уточняющем ее постановлении Правительства РФ от 25.12.2014 № 1488 в качестве целей изменений называются две основные. Первая цель определяется как повышение качества осуществления правосудия, тогда как второй целью объявляется совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Задачами Программы, обусловленными представленным целеполаганием, называются следующие:

- «— обеспечение открытости и доступности правосудия;
- создание необходимых условий для осуществления правосудия;

² Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5 (150). С. 94.

- обеспечение независимости судебной власти;
- построение эффективной системы исполнительного производства, повышение открытости и доступности системы принудительного исполнения;
- модернизация судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции Российской Федерации»³.

Если поставить эту простую и ясную систему целеполагания в контекст цифровизации, то все заявленные цели и задачи сохраняют свое значение и формулировки. Однако наполнение их конкретным содержанием и, тем более, разработка программ их реализации не могут остаться без изменений, не говоря уж о системе целевых показателей и подходе к формулировке программного задания в целом. Если посмотреть на цифровизацию судебной системы России в глобальных масштабах, т.е. как часть общего процесса цифровизации российского государства и общества, то на первый план выйдет необходимость отделять межсистемные и внутрисистемные аспекты.

В целом власти и общество ожидают от цифровизации всей страны сокращения неравенства, улучшения жизни граждан, а также улучшения условий для ведения бизнеса. Бизнесмены повышают с ее помощью свою конкурентоспособность, военные — боеготовность, обыватели — качество досуга, граждане — качество жизни. Внедрение цифровизации в области медицины и образования также способствует повышению эффективности в этих отраслях. Отдельно можно говорить о глубоких изменениях, пришедших вместе с цифровизацией в повседневную жизнь человека, его мысли и действия, картину мира и ценности. Все эти процессы тесно связаны между собой, они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Власть заинтересована в руководстве цифровизацией или хотя бы в сохранении контроля над сферами ее осуществления.

Однако реальный ход цифровизации не только не управляется из единого центра, но зачастую вообще ниоткуда не управляется. И тут проявляется природа власти, о которой сказано выше: в случае, если не удастся полностью направлять и контролировать какой-то процесс, необходимо предпринимать усилия для контроля над тем, что уже случилось, т.е. для управления последствиями.

В этой связи встает вопрос о том, что цели цифровизации какой-то одной, отдельно взятой области, например уголовного судопроизводства, могут быть разделены на внутренние и внешние. Внутренние соответствуют целеполаганию системы правосудия, тогда как внешние обусловлены потребностями других систем или необходимостью межсистемного взаимодействия.

Внутреннее целеполагание

Нет смысла доказывать, что правосудие творится не в вакууме, а является одной из наиболее значимых социальных практик. Поэтому, если оставаться в пределах системного подхода, вся система защиты прав граждан и поддержания правопо-

³ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102088054&backlink=1&nd=102162740>.

рядка выступает как жизненно важная часть более общей системы — системы государства и общества. Вот почему ее активность можно рассматривать и как действия системы со своим собственным целеполаганием, и как функционирование подсистемы, чье целеполагание подчиняется внешним целям, будь то глобальные цели всей системы или же цели иных подсистем — административной, политической, экономической, культурной.

Здесь особо следует выделить систему, которую один из основоположников теории социальных систем Т. Парсонс определил через структуру «личность — общество», чье целеполагание и является главным в иерархии целей. Это полностью соответствует второй статье российской Конституции, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»⁴.

Таким образом, вырисовывается сложная система целеполагания цифровизации уголовного судопроизводства, включающая в себя две совокупности целей. К числу внешних идеалов, а следовательно, и целей внедрения цифры, можно отнести углубление транспарентности системы правосудия, т.е. максимизацию прозрачности действий, приводящих к принятию судебного решения, отсутствие секретности, доступность информации; открытость, прозрачность. Интересантами выполнения данного требования в равной мере выступают как система личности, так и система общества.

«История России, — отмечает С. Л. Чижков, — знает периоды, в чем-то очень схожие с нынешним, когда не политические, а обычные гражданские и уголовные дела провоцировали широкие нравственные и правовые дискуссии, в буквальном смысле меняли нравственную атмосферу в обществе и возвышали авторитет правосудия. К сожалению, нравственный вес правосудного решения сейчас не понимается и не оценивается по достоинству. Не оценивается он самой судебной властью. Остается надеяться, что требование транспарентности сама судебная система в скором времени оценит не как внешнее принуждение, а как большое благо для себя»⁵. Разумеется, последовательное стремление к открытости и гласности правосудия не может не вступать в противоречие с другими целями системы судопроизводства, а также с интересами отдельных лиц, участвующих в его отправлении.

Внешнее целеполагание

Другая группа целей также может быть отнесена к внешним, ибо отражает интересы системы экономики и управления, а также интересы рядовых налогоплательщиков. Ее суть заключается в требовании максимального снижения затрат на функционирование структур и институтов правосудия, т.е. в стремлении к экономии средств. Внутренние цели нередко коррелируют с внешними, но нередко и

⁴ Новая редакция Конституции РФ с изменениями на 2020 год // URL: <http://constitutionrf.ru/URL: http://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-1/st-2-krf> (дата обращения: 19.04.2020).

⁵ Чижков С. Л. Вместо предисловия. Социальный контекст проблемы транспарентности правосудия // Проблемы транспарентности правосудия. М.: ЛексЭст, 2005. С. 12.

противоречат им. Любая формальная организация по своей природе стремится к максимальной закрытости и непрозрачности. Так, в случае вскрытия недостатков или чрезвычайных происшествий не в интересах руководства организации «выносить сор из избы», что обычно соответствует настроению большинства рядовых сотрудников, которых тоже пугают возможные имиджевые потери, возникновение очагов внутриорганизационной нестабильности, перспективы реорганизации.

Но к внутренним интересам коллектива и каждого из его членов относится также улучшение функционирования системы, искоренение ее недостатков, преодоление негативных тенденций, противодействие коррупции и т.п.

Поэтому рассмотрение отдельных элементов целеполагания целесообразно проводить без его разделения на внешнее и внутреннее, хотя каждый раз и следует помнить о возможном удвоении (бифуркации) или даже умножении (пролиферации) основных интересантов процесса цифровизации уголовного судопроизводства. Причем интересы этих внутренних и внешних субъектов могут как совпадать, так и находиться в противофазе, они также могут быть выражены явно или латентно, что с неизбежностью порождает самые сложные гибриды и комбинации при проведении мероприятий во всех областях этого многомерного процесса: в нормативно-правовой, в организационно-административной, в технико-технологической и, наконец, в социокультурной.

Важность данного анализа состоит в том, чтобы с самого начала разработки и реализации мер по цифровизации уголовного судопроизводства преодолеть вызванную полисубъектностью и гетерогенностью системы целеполагания ее исходную гетерогенность и рассогласованность как на уровне стратегии, так и в аспекте тактики.

Итак, разберем эти элементы целеполагания, начиная с двух наиболее принципиальных для судопроизводства в целом. Речь идет о реализации двух фундаментальных принципов: принципа справедливости и принципа эффективности. Другими словами, как сделать путем цифровизации отправление судопроизводства более эффективным, а решения суда более справедливыми.

На первый взгляд, ответ банален — использование цифровой техники многократно улучшает качество документооборота, делая его более точным и быстрым. При этом процессы создания, хранения, тиражирования и обработки документов могут быть существенно ускорены, количество людей, в чью обязанность входит сопровождение этого процесса, снижается в разы и т.п. Рост эффективности здесь связан с уменьшением трудозатрат, снижением риска порчи документов и трудностей их хранения и обработки. Но за улучшением качества не следуют его изменения — смысл процедуры документального оформления действий всех участников судебного процесса остается тем же самым.

Если цифровизация затрагивает только проблемы документооборота внутри системы судопроизводства, то для особой теоретической дискуссии здесь нет никаких оснований. Но если цифровизация вводит иные критерии эффективности, связанные уже не столько с формально-организационными, сколько с содержательными вопросами, то возникают дискуссии. Так, по мнению ряда российских исследователей, вопрос о соотношении целей и средств, стратегии и тактики в проведении уголовного процесса входит в основу оценки эффективности уголовного судопроизводства.

«Самостоятельным условием стратегического уголовно-процессуального планирования следует признать эффективность. В этой связи крайне важно разграничить эффективность и экономичность, поскольку в сфере применения права реализация правовых установлений может быть эффективной, но не экономичной, или экономичной, но недостаточно эффективной. Действительно, с точки зрения праксиологии эффективность есть оценка соотношения результата и средств его достижения, в то время как последние не являются значимой величиной при оценке эффективности чего-либо»⁶. И ведение такого планирования, если не самим компьютером, то людьми совместно с компьютером, позволяет увидеть возможность снижения роли человеческой субъективности.

Далее можно согласиться с Н. Г. Стойко, который указал на органическую присущность российскому уголовному судопроизводству элементов инквизиционной модели. Между тем цифровизация вполне может усилить состязательный характер российского правосудия и сделать это автоматически, вопреки воле ее авторов. «Переход к другой модели (современной обвинительно-состязательной) и тем самым смена вектора, — пишет Н. Г. Стойко, — не имеет под собой ни теоретических, ни практических оснований. Дело заключается в том, что такой переход (смена) будет означать для России не просто отказ от своего собственного богатого исторического наследия, но и возникновение серьезного риска разрушения собственной уголовно-процессуальной системы (декультурации)»⁷.

Российский исследователь убежден, что игнорирование экономических, идеологических, культурных, политических, национальных, психологических и иных социальных факторов может поставить под вопрос модернизацию уголовного процесса в России. Между тем именно цифровизация создает условия для превращения субъекта в объект, а объекта в субъект процессуального разбирательства. Дело в том, что не цифровизация сама по себе, а конкретные ее разновидности могут быть ориентированы на разные модели организации уголовного процесса.

Концепция государства как платформы

Вопросы об эффективности системы уголовного правосудия также возникают при рассмотрении ее способности противодействовать коррупции, предотвращать случаи превышения полномочий ее сотрудниками. Алгоритмы могут не только способствовать скорейшему рассмотрению дела, но и установлению электронного контроля за действиями его участников. Это в равной мере относится и к обвиняемым, и к потерпевшим, и к свидетелям, и к сотрудникам суда и правоох-

⁶ *Смирнова И. Г.* Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И. В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 163.

⁷ *Стойко Н. Г.* Вектор развития российского уголовного процесс // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXI Международной научно-практической конференции : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2018. С. 13.

ранительных органов. Цифровой контроль может быть средством контроля одних сотрудников за другими, а также позволять осуществлять внешний контроль со стороны независимых комиссий и общественных организаций.

Еще более сложные вопросы возникают при обращении к теме справедливости решений суда. Действительно, как алгоритм может повлиять на решение судьи, а значит, и на решение суда? Будет более точная информация, более качественная ее обработка? Или все же «соучастие» машины в принятии решения, которое нередко бывает судьбоносным? Искусственный интеллект — это то, что может имитировать когнитивные действия человека, т.е. его работа присутствует в отдельных оценках и квалификациях, помогает допрашивать, интерпретировать, сопоставлять, находить соответствие или, наоборот, отвергать его. И тогда «соучастие» действительно влияет на результат действия всей судебной машины. Более того, заранее невозможно предсказать, каким окажется это влияние: позитивным или негативным. Но по мере все более активного внедрения алгоритмов и систем искусственного интеллекта яснее станут все возможности и угрозы в совершенствовании уголовного судопроизводства⁸.

Интересен опыт разработчиков программы цифровизации государственного управления, получившей название «государство как платформа». В подготовленном ими документе обсуждается такой феномен, как инфляция полномочий и функций органов власти. «Полномочия органов власти, — утверждают авторы концепции, — объем и интенсивность исполнения функций слабо увязаны с ресурсами и стратегическими задачами. Одним из следствий инфляции полномочий и функций является хаотичное состояние нормативно-правового регулирования, а с появлением новых полномочий и функций возникают и дополнительные административные барьеры. Постоянно воспроизводится нестабильность правовой среды для предпринимательства: необходимые, но важные решения могут не приниматься долгое время, а недостаточно обоснованные, без анализа последствий — наоборот, принимаются в избыточном количестве»⁹.

Такое правовое регулирование не может быть иным, ибо оно по своей сути является реактивным. В отличие от активного права, направленного на изменение социальной реальности путем изменения правовой реальности, реактивное право направлено на легализацию изменений социальной реальности, происходящих автономно и стихийно. Это различие касается прежде всего той стадии правового регулирования, которую считают исходной, или первичной. Речь идет о процессе нормотворчества, т.е. принятия законов или изменения уже существующих. И различие это характеризует действия тех, кто разрабатывает законы, т.е. всех, кто обладает правом законодательной инициативы, а также тех, кто участвует на разных стадиях прохождения законопроектов и их окончательного принятия.

⁸ Захарова М. В. Все еще Элис?, или Будущее права / право без будущего в XXI в. // История. 2020. Т. 11. Вып. 8 (94). URL: <https://history.jes.su/s207987840012152-6-1/> (дата обращения: 18.10.2020).

⁹ Государство как платформа: люди и технологии. 2019. С. 49 // URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-01/16-01-2019-GovPlatform.pdf>.

Заключение

Ни инициаторы законотворчества, ни остальные участники этого процесса не различают указанные аспекты, полагая, что любой законопроект должен сделать жизнь людей лучше, правоприменение — максимально эффективным, а правосудие — максимально справедливым. Между тем законотворческие инициативы могут быть аналитически дифференцированы по своему целеполаганию. Одни вызваны к жизни моральными соображениями, другие — политическими или управленческими, третьи — правовыми, т.е. соображениями системного характера. Как раз об этом говорится в вышеприведенной цитате о принятии все новых и новых нормативных правовых актов, разработанных и принятых чуть ли не ad hoc. Такие акты, решая одну локальную проблему, порождают другую (или другие) и, что особенно деструктивно, порождают системные сбои, вырывая одну норму из системы других, лишая ее возможности выполнять свою структурную или функциональную нагрузку.

Внедрение цифровых технологий в российское уголовное судопроизводство должно носить системный характер. Отдельные элементы судебной деятельности уже подверглись стихийной и фрагментарной цифровизации, но сегодня, когда на повестке дня стоит выработка эффективной и последовательной стратегии в этой области, необходимо объединение субъектов и интересантов (индивидов, структур, коллективов) с целью налаживания их взаимодействия. Необходимо выстроить сбалансированную систему целеполагания, объединяющую различных участников процесса внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. — 2019. — № 5 (150). — С. 91—104.
2. *Захарова М. В.* Все еще Элис?, или Будущее права / право без будущего в XXI в. // *История*. — 2020. — Т. 11. — Вып. 8 (94). — URL: <https://history.jes.ru/s207987840012152-6-1/> (дата обращения: 18.10.2020).
3. *Смирнова И. Г.* Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И. В. Смольковой // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. — 2014. — № 2 (6). — С. 158—168.
4. *Стойко Н. Г.* Вектор развития российского уголовного процесс // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXI Международной научно-практической конференции* : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. — Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2018. — С. 11—13.
5. *Чижков Р. Л.* Вместо предисловия. Социальный контекст проблемы транспарентности правосудия // *Проблемы транспарентности правосудия : монография* / отв. ред.-сост. Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. — М. : ЛексЭст, 2005. — С. 5—13.

**Михаил Ильич
ВОРОНИН,**

доцент кафедры уголовно-
 процессуального права
 Университета имени
 О.Е. Кутафина (МГЮА),
 кандидат юридических наук
 m_voronin@bk.ru
 125993, Россия, г. Москва,
 ул. Садовая-Кудринская, д. 9

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ¹

Аннотация. Современное развитие цифровых технологий и, как следствие, появление новых источников информации обуславливают необходимость включения в уголовно-процессуальный закон специальных норм об электронных (цифровых) доказательствах. Но прежде чем корректировать нормы доказательственного права, нужно осмыслить правовую природу данного вида доказательств, понять, насколько новый источник доказательственной информации коррелируется с основными положениями теории доказательств, иными уголовно-процессуальными институтами, а в целом — и с иными отраслями права.

Ключевые слова: уголовный процесс, электронное (цифровое) доказательство, теория доказательств, доказательственное право.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.074-081

M. I. VORONIN,

Associate Professor of the Criminal Procedure Law Department
 of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

m_voronin@bk.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CONCERNING THE ISSUE REGARDING LEGAL NATURE OF ELECTRONIC (DIGITAL) EVIDENCE

Abstract. Current developments in the area of digital technologies and, as a consequence, the emergence of new information sources cause the necessity of implementation of special provisions regarding electronic (digital) evidence in the law of criminal procedure. Nevertheless, before amending law of evidence regulations, the legal nature of such proof shall be defined. It is also necessary to comprehend how this new evidential source correlates with basic grounds of proof theory, other provisions of criminal procedure and on the whole — other branches of law.

Keywords: criminal procedure, electronic (digital) evidence, proof theory, law of evidence.

Уголовно-процессуальный закон определяет доказательства как сведения о наличии или отсутствии обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В современных условиях указанные сведения могут быть облечены в электронную (цифровую) форму. Это неизбежно ставит перед исследователя-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по гранту РФФИ на основании договора от 04.10.2018 № 18-29-16041.МК.

ми задачи по выявлению их специфической природы, анализу источников, разработке специальных правил собирания, проверки и оценки доказательств, содержанием которых является электронная (цифровая) информация, а в более общем плане выводит на доктринальное и практическое осмысление нового вида доказательства — электронного (цифрового) доказательства.

Электронная (цифровая) информация представляет собой двоичное кодирование посредством комбинации двух чисел — 0 и 1; с помощью 0 и 1 можно закодировать любое сообщение. Символы двоичного кода 0 и 1 называют *битами* (от англ. *binary digit*— двоичное число). Бит — наименьшая единица измерения количества информации, более крупной единицей измерения информации служит 1 байт, состоящий из 8 битов.

Таким образом, электронная (цифровая) информация изначально является закодированной, облеченной в числовые значения 0 и 1 и не может в таком виде восприниматься человеком. Это важнейшее отличительное свойство цифровой информации. Имеющиеся цифровые записи нуждаются в раскодировании при помощи специальных компьютерных программ с целью представления информации в виде, пригодном для восприятия человеком. Иными словами, речь идет о преобразовании электронной (цифровой) информации в аналоговую.

В литературе наиболее обстоятельный анализ природы электронной (цифровой) информации можно найти в монографии А. И. Зазулина². Проведя исследование различных сторон цифровой информации, ее носителей, выделив признаки и отличительные свойства цифровой информации, отметив, что разновидностью дискретного сигнала является цифровой сигнал, а сама цифровая информация существует всегда в форме кода в двоичной системе счисления, автор пришел к выводу, что цифровая информация в доказательственном праве представляет собой сведения, закодированные в двоичной системе счисления и передаваемые посредством любых физических сигналов, не воспринимаемых человеком непосредственно и содержащихся только на определенных материальных носителях, специально предназначенных для их хранения — носителях цифровой информации³. При этом отправной теоретической точкой рассуждений А. И. Зазулина стала разработанная в XX в. на основе достижений кибернетики информационная концепция доказательств.

Информационная модель доказательств и представление доказывания с позиций кибернетики как информационного процесса получения, хранения, передачи и переработки информации впервые стали предметом научного дискурса в науке уголовно-процессуального права в 60-х гг. прошлого столетия. В наиболее полном виде информационную сторону доказательств и доказывания отразили в своих работах В. Я. Дорохов и А. И. Трусов.

Вооружившись положениями теории информации, входящей в комплексную науку — кибернетику, В. Я. Дорохов, с одной стороны, исходил из лежащего в основе этой теории присущего материи свойства отражения, а с другой — использовал ключевое в информационном плане понятие «сигнал», под которым

² Зазулин А. И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 55—72.

³ Зазулин А. И. Указ.соч. С. 70.

в теории информации понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте⁴.

Сигнал — это результат взаимодействия не менее чем двух структур, он находится в отношении соответствия с событием, фактом. «Взаимное соответствие сигнала и события, — писал В. Я. Дорохов, — существует в определенных пределах, так как сигнал отражает лишь часть, отдельные стороны события. Содержание сигнала образует информация о событии, объекте. Формой сигнала служит способ, вид существования информации (электромагнитные волны, изменение предмета, магнитная запись, акустические колебания и т.д.). Без материальной формы информация не может существовать, перерабатываться, передаваться»⁵.

А. И. Трусов, также рассматривая доказательство как разновидность сигнала в единстве его содержания (информации) и формы (материального носителя информации), отдельно остановился на изоморфизме, лежащем в основе отражения, отметив, что при взаимодействии материальных объектов изменение состояний одного объекта изоморфно воплощается в изменениях состояний другого. Происходит это «вследствие тождественности соотношений и структуры некоторого множества элементов, характеризующих состояния оригинала и “модели”... причем изоморфными объекты могут быть лишь в отношении определенной группы или множества их состояний (свойств, элементов, их связей и т.п.)»⁶.

В качестве примера А. И. Трусов приводит работу телевизора, когда световые потоки, исходящие от передаваемого по телевидению объекта, преобразуются в передатчике во множество электромагнитных колебаний, а те, в свою очередь, преобразуются во множество черно-белых точек светящегося экрана телевизора, проходя через антенну в приемник, во всех этих множествах (множество световых потоков, множество электромагнитных колебаний, множество черно-белых точек) остается постоянным определенное соотношение, что и позволяет наблюдать картинку передаваемых событий⁷.

Думается, высказанные видными советскими учеными-процессуалистами идеи актуальны и по сей день, с известными оговорками, касающимися особенностей электронных (цифровых) доказательств. Содержанием цифрового сигнала являются символы двоичного кода 0 и 1, его формой — материальный объект, носитель цифровой информации (технические устройства, предназначенные для фиксации, хранения, передачи, преобразования цифровой информации). При преобразовании закодированной информации в пригодный для восприятия человеком электронный документ изоморфизм обеспечивает тождественность двух объектов.

Для более глубокого понимания сущности, роли и значения электронной (цифровой) информации в уголовно-процессуальном доказывании необходимо принимать во внимание, что представляющие собой суть этой информации чис-

⁴ *Дорохов В. Я.* Теория доказательств в советском уголовном процессе. М. : Юрид.лит., 1973. С. 215.

⁵ *Дорохов В. Я.* Указ.соч. С. 216.

⁶ *Трусов А. И.* Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. М. : Наука, 1967. С. 21—22.

⁷ *Трусов А. И.* Указ. соч. С. 22.

ловые записи двоичного кода могут иметь вполне различные правовые статусы. Правовая природа некоторых электронных доказательств обусловлена их регламентацией той или иной отраслью права. Значительное количество электронных (цифровых) объектов нашло свое закрепление, в частности, в гражданском праве. Понимание гражданско-правовой сущности электронных (цифровых) сведений поможет правоприменителю правильно определить доказательственную ценность этих сведений (информации), выбрать оптимальное следственное действие по извлечению (собираанию) данной информации и надлежащий способ процессуального закрепления полученных сведений (информации).

В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса РФ, к объектам гражданских прав, в частности, относятся имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). Безналичные денежные средства представляют собой права требования к банку о выдаче (выплате) по первому требованию денег (право на деньги), зафиксированные посредством бухгалтерских записей, ведущихся банком⁸.

Права владельцев на ценные бумаги бездокументарной формы выпуска удостоверяются в системе ведения реестра записями на лицевых счетах у держателя реестра; право на именную бездокументарную ценную бумагу переходит к приобретателю с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя; доказательствами, подтверждающими наличие права лица на акции, являются запись в реестре владельцев именных ценных бумаг акционерного общества и выписка из него, выдаваемая держателем такого реестра⁹.

Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами, или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). Соответственно, прежде чем планировать следственное действие, следователь должен быть ознакомлен с правилами информационной системы, которая, помимо прочего, фиксирует объем и содержание цифровых прав. Думается, привлечение специалиста в этом случае является целесообразным.

Практика применения ст. 141.1 ГК РФ еще не сложилась, поскольку она была введена в действие с 1 октября 2019 г., но уже сейчас специалистами констатируется, что она не помогла решить наиболее проблемные вопросы на практике, в частности при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты¹⁰.

⁸ Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2003. С. 17.

⁹ Федеральный закон «О рынке ценных бумаг». Ст. 28, 29 ; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 января 2010 г. № 11090/09.

¹⁰ Перов В. А. Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2020. № 7. С. 20—22.

Что касается самой криптовалюты, то действующее российское законодательство не рассматривает ее как законное платежное средство и не обеспечивает правовой защитой. Криптовалюта представляет собой нефтяные деньги (нефтяная валюта), или частные деньги, т.е. фидуциарные средства платежа, эмитируемые и используемые в обращении частными институциональными субъектами¹¹. Криптовалюта — это разновидность виртуальной валюты, являющейся цифровым представлением ценности, защищена методами криптографии, ее создание и контроль базируются на основе технологии распределенных реестров¹².

Вместе с тем криптовалюта может быть использована при совершении некоторых преступлений. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, исходя из положений ст. 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ, предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления; под денежными средствами понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации, а также безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, под иным имуществом — движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги¹³.

В контексте рассмотрения вопроса о выделении в отраслевом законодательстве цифровых активов и необходимости учета в уголовно-процессуальной практике их правовой природы, специфики закрепления информации в цифровой форме и определения источников получения данной информации остановимся на двух законодательных актах, существенным образом влияющих на регулирование общественных отношений, объектом которых выступает электронная (цифровая) информация.

С 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴ (далее — Закон о привлечении инвестиций). Данный Закон призван регулировать отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, он также регламентирует возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, вы-

¹¹ Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 421.

¹² Лебедева А. А. Цифровые технологии в финансовой сфере (на примере криптовалют). Неизбежность или осознанный выбор Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2019. С. 13.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». П. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

дачу и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права (ст. 1 Закона о привлечении инвестиций).

Как следует из Закона, утилитарное цифровое право (*право требовать передачи вещи или вещей; право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг*) возникает и обращается только в инвестиционной платформе в соответствии с правилами этой системы, содержащими порядок внесения информации о возникновении, переходе и прекращении утилитарного цифрового права, а также порядок определения момента, с которого такая информация считается внесенной в информационную платформу. Контрольные функции за корректной работой инвестиционной платформы принадлежат оператору инвестиционной платформы.

Потенциальным доказательственным источником информации по уголовному делу может стать цифровое свидетельство — неэмиссионная бездокументарная ценная бумага, удостоверяющая принадлежность ее владельцу утилитарного цифрового права, распоряжаться которым имеет возможность депозитарий. Она закрепляет право ее владельца требовать от этого депозитария оказания услуг по осуществлению утилитарного цифрового права и (или) распоряжения им определенным образом (ст. 9 Закона о привлечении инвестиций).

Учет и переход прав на цифровые свидетельства осуществляется аналогично учету и переходу прав для бездокументарных ценных бумаг. Обращение взыскания на утилитарные цифровые права, удостоверенные цифровыми свидетельствами, осуществляется только путем обращения взыскания на цифровые свидетельства. Последнее положение особенно важно для правоприменителя в случае применения им мер уголовно-процессуального принуждения в порядке ст. 115 и 116 УПК РФ, что неизбежно потребует внесения изменений и дополнений в указанные статьи уголовно-процессуального закона.

С 1 января 2021 г. вступит в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ (далее — Закон о цифровых финансовых активах). Законом о цифровых финансовых активах будут регулироваться отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации (ст. 1).

Цифровые финансовые активы — это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс».

Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам.

Цифровые активы будут учитываться в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск, в виде записей способами, установленными правилами указанной информационной системы (ст. 4 Закона о цифровых финансовых активах).

Рассмотренные выше электронные (цифровые) активы (безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые свидетельства, цифровые финансовые активы, цифровая валюта), в их гражданско-правовой сущности, представляют собой имущественные права, права требования, существующие в виде электронных (цифровых) записей на счетах, ведущихся в информационной системе (платформе) уполномоченными на то субъектами. К данным активам не применимы категории вещного права, они не имеют овеществленной формы, т.е. не являются вещами и предметами.

В уголовно-процессуальном аспекте данные активы могут стать доказательством по уголовному делу, если составляющие суть данных активов записи будут содержать сведения о наличии или отсутствии обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Формой выражения этих записей может быть только пригодный для восприятия человеком электронный документ, содержащий раскодированную электронную (цифровую) информацию. При определенных обстоятельствах доказательством по делу может быть и электронный носитель информации, который, как и электронный документ, охватывается понятием «электронное доказательство»¹⁶.

В литературе предложена классификация электронных носителей информации по признаку зависимости сохранения памяти на устройстве от источника питания (батареи) на *энергозависимые* (устройства, память в которых остается постоянной только благодаря использованию источника питания — батареи) и *энергонезависимые* (устройства с энергонезависимой памятью, способные хранить данные при отсутствии электрического питания). К первым относятся оперативное запоминающее устройство ЭВМ (ОЗУ ЭВМ) и оперативное запоминающее устройство периферийных устройств (ОЗУ); ко вторым — магнитные

¹⁶ О необходимости выделения в УПК РФ нового вида доказательства — электронного доказательства и включения в него электронного документа и электронного носителя информации более подробно см.: *Воронин М. И.* Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // *Lex russica.* 2019. № 7 (152). С. 74—84.

накопители, оптические накопители, магнитно-оптические накопители, постоянное программируемое запоминающее устройство ЭВМ, флеш-накопители, иные носители (ZIP-драйвер, ленточный накопитель (стример))¹⁷.

Отход от аналогового понятия «доказательство» и признания в качестве самостоятельного вида «электронное доказательство» требует переосмысления, в частности, способов собирания доказательств. Очевидно, электронная (цифровая) составляющая рассматриваемых доказательств требует учета их специфики при получении, анализе, хранении и процессуальном закреплении собранных электронных (цифровых) сведений.

Традиционные следственные действия, такие как обыск и выемка, должны быть адаптированы к особенностям электронной (цифровой) информации, что приводит к размышлениям о необходимости разработки специальных видов обыска и выемки, таких как обыск (выемка) электронных (цифровых) носителей информации; выемка электронной (цифровой) информации; распоряжение провайдеру, оператору информационной системы, депозитарию о предоставлении информации об операциях с электронными (цифровыми) активами; предоставление удаленного доступа к базам данных (сбор данных в режиме реального времени).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Воронин М. И.* Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // *Lex russica*. — 2019. — № 7.
2. *Зазулин А. И.* Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам : монография. — М. : Юрлитинформ, 2019.
3. *Лебедева А. А.* Цифровые технологии в финансовой сфере (на примере криптовалют). Неизбежность или осознанный выбор Российской Федерации : монография. — М. : Проспект, 2019.
4. *Новоселова Л. А.* Проценты по денежным обязательствам. — 2-е. изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2003.
5. *Перов В. А.* Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // *Российский следователь*. — 2020. — № 7.
6. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей : учебное пособие / В. Ф. Васюков, Б. Я. Гаврилов, А. А. Кузнецов [и др.] ; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. — М. : Проспект, 2019.
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М. : Юрид. лит., 1973.
8. *Трусов А. И.* Судебное доказывание в свете идей кибернетики // *Вопросы кибернетики и право*. — М. : Наука, 1967.
9. *Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой*. — М. : Проспект, 2020.

¹⁷ Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей : учебное пособие / В. Ф. Васюков, Б. Я. Гаврилов, А. А. Кузнецов [и др.] ; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М. : Проспект, 2019. С. 6—11.

**Ольга Анатольевна
МАЛЫШЕВА,**

профессор кафедры
уголовно-процессуального
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доцент
moa_0510@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО СЛЕДОВАТЕЛЕМ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье делается акцент на изменение правил уголовно-процессуального доказывания, обусловленное все более активным внедрением в уголовно-процессуальную сферу цифровых технологий. С учетом зарубежного опыта возбуждения и расследования уголовных дел в цифровом формате уточняются перспективные направления цифровизации российского уголовного судопроизводства. Определяются средства, препятствующие нарушению следователем процессуальной формы доказательств при применении цифровых технологий в уголовном процессе.

Ключевые слова: следователь, электронное уголовное дело, цифровизация уголовного судопроизводства, руководитель следственного органа.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.082-088

O. A. MALYSHEVA,

Professor of the Criminal Procedure Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
moa_0510@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

FEATURES OF CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE CARRIED OUT BY THE INVESTIGATOR, IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article focuses on the change in the rules of criminal procedure evidence, due to the increasingly active introduction of digital technologies in the criminal procedure sphere. Taking into account the foreign experience of initiating and investigating criminal cases in digital format, the article clarifies promising areas of digitalization of Russian criminal proceedings. Means that prevent the investigator from violating the procedural form of evidence when using digital technologies in criminal proceedings are determined.

Keywords: investigator, electronic criminal case, digitalization of criminal proceedings, head of the investigative body.

ловному делу, актуализируется в современный период в связи с более активным внедрением в сферу уголовного судопроизводства цифровых технологий, обуславливающих возникновение нового формата уголовного процесса — цифрового.

В качестве одного из последних проявлений внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность следует указать на наделение Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ участников уголовного судопроизводства правом подать ходатайство, жалобу, представление в форме электронного документа. Анализ соответствующей уголовно-процессуальной нормы (ст. 474.1 УПК РФ), пределы действия которой ограничены пока рамками уголовно-процессуальной деятельности суда, свидетельствует о появлении нетрадиционной для российского уголовного процесса процессуальной формы доказательств по уголовному делу вследствие особенностей фиксации сведений, имеющих отношение к расследуемому уголовному делу — в виде электронного документа, удостоверения верности изложенных в таком документе сведений посредством электронной подписи участника уголовного судопроизводства, направившего в суд соответствующее обращение.

В данной связи целесообразно обратиться к мнению о том, что регламентация процессуальной формы включает не только указание на цель, действия его участников, их права и обязанности, последовательность действий, но и закрепление произведенного действия в соответствующем документе и его реквизиты¹. Следует согласиться и с тем, что допустимость доказательств по уголовному делу обеспечивается как соблюдением порядка собирания доказательств, так и его закрепления в процессуальном документе². В противном случае доказательство признается юридически ничтожным. Сходную точку зрения ранее высказывала профессор П. С. Элькинд, уточняя, что допустимыми следует признавать доказательства, когда источник, способ получения и закрепления фактических данных, составляющих содержание доказательства, отвечают требованиям уголовно-процессуального закона³.

Очевидно, что цифровизация уголовного судопроизводства влечет изменение процессуального порядка собирания следователем доказательств по уголовному делу. Главная причина этого заключается в том, что основной массив сведений, характеризующих фактические обстоятельства совершенного преступления, а также доказательств по уголовному делу требуется оформлять в электронном виде. При этом следователю необходимо учитывать, что эти материалы будут доступны в любой момент производства по уголовному делу не только ему самому, но и руководителю следственного органа и надзирающему прокурору для изучения и дачи ими оценки доказательств в соответствии со ст. 88 УПК РФ.

Измененный порядок доказывания по уголовному делу обуславливает необходимость овладения следователем дополнительно знаниями, умениями, навыками технического профиля. В новых условиях осуществления уголовно-про-

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской, Л. А. Воскобитовой. М., 2018. С. 54.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник.

³ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 107.

цессуальной деятельности собирание достаточной совокупности доказательств по уголовному делу и качественная проверка собранных по уголовному делу доказательств представляются возможными, если следователь в совершенстве владеет системой компетенций юридического и технического профилей.

От следователя потребуются глубокое знание IT-процесса, чтобы понимать:

— как размещать в сети электронные документы, фиксирующие ход и результаты уголовно-процессуального доказывания;

— как обеспечить их сохранность и неизменность с учетом того, что доступ к ним будет открыт иным властным участникам уголовного судопроизводства, а к отдельным из этих документов — и подозреваемому, обвиняемому, их защитнику, потерпевшему в случаях заявления ими ходатайств об ознакомлении с протоколом следственного действия, произведенного с участием одного из них, и т.д.;

— как в соответствии с уголовно-процессуальным законом оформить электронное поручение органу дознания для производства задержания, привода, иных процессуальных действий в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, исключив при этом разглашение сведений по расследуемому уголовному делу;

— как оформить и направить в суд ходатайство о производстве следственного действия, требующего судебного решения, или об избрании меры пресечения, сопряженной с ограничением неотъемлемых прав человека, и т.д.

Следует подчеркнуть, что более полувека назад профессор Г. Ф. Горский обращал внимание на необходимость в будущем овладения следователем специальными знаниями (в области теории информации, отраслевой технологии и др.) ввиду дальнейшего научно-технического прогресса. Состояние последнего будет определять пределы применения в уголовно-процессуальном доказывании достижений научно-технического характера, указывал ученый⁴.

В современной научной литературе по исследуемому вопросу высказывается противоположная точка зрения. В частности, С. В. Власова полагает, что следователь (даже с приставкой «кибер») бессилён в обращении с цифровой информацией (следует полагать, выступающей не только предметом преступного посягательства, но и способом закрепления фактических данных по уголовному делу). При расследовании преступлений в условиях цифровой реальности нужен поэтому специалист — инженер-программист, владеющий техническими знаниями. В развитие указанного тезиса данный автор ставит вопрос: «А зачем нужна деятельность следователя по формированию уголовно-процессуальных доказательств?» При этом полагает необходимым на судье замкнуть технологию формирования доказательств-фактов. На следователя же предлагается возложить получение только цифровой информации о предмете спора (обвинении)⁵.

Сложно согласиться с представленным мнением ввиду его внутренней противоречивости. В частности, если следователь, по мнению С. В. Власовой, не способен собирать, закреплять доказательства в электронном формате, оценивать их в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, то какие

⁴ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Указ. соч. С. 267.

⁵ Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 10—11, 13.

обстоятельства побуждают С. В. Власову считать судью — тоже юриста — профессиональным «айтишником», способным, в отличие от следователя, обеспечить соблюдение процессуальной формы «электронных» доказательств, достаточных для вынесения правосудного решения по уголовному делу?

Ошибочность утверждения С. В. Власовой дополнительно подтверждает и вывод А. И. Зазулина о том, что следователь, как и суд, и прокурор, на основе цифровой информации способны установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Цифровую информацию указанный автор определяет как фактические данные, передаваемые посредством цифровых электрических сигналов⁶, не разделяя ее в зависимости от процессуального положения субъекта, работающего с такой информацией.

Учитывая расширяющуюся отечественную законодательную базу по внедрению цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности государства⁷, а также опыт зарубежных стран (Грузии, Казахстана, Саудовской Аравии, Сингапура, Эстонии и др.) по использованию электронных (цифровых) средств в уголовном процессе, есть основания полагать, что ближайшим перспективным направлением цифровизации российского уголовного судопроизводства будет повсеместное, на всей территории России, распространение электронной формы подачи сообщения о совершенном или подготавливаемом преступлении и, как следствие, — формирование единого реестра сообщений о преступлениях (ЕРС) или, по опыту Казахстана, — единого реестра досудебных расследований (ЕРДР), определяющего начало уголовного процесса. Указанное, соответственно, предполагает электронный формат реагирования следователя на поступившие в такой форме сообщения, предусматривающий в том числе соби́рание доказательств на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Другим перспективным направлением цифровизации уголовного судопроизводства следует рассматривать формирование электронного уголовного дела. Ранее в научной литературе высказывалось предложение о переводе уголовного дела (в бумажном виде) в электронный формат с созданием информационного портала, на котором разместятся все материалы уголовного дела⁸.

Данное предложение заслуживает внимания. Но мы не можем разделить его в части того, что процессуальные документы сначала оформляются в бумажном виде, подписываются участниками следственного действия либо лицом, в отношении которого составлен процессуальный документ, а потом

⁶ Зазулин А. И. О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 11. С. 81.

⁷ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»; постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; приказ Минтруда России от 18.01.2018 № 28 «Об организации работы по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и др.

⁸ Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95—101.

сканируются следователем и выкладываются в электронном виде на портал. В таком случае сложно говорить об оптимизации процесса уголовно-процессуального доказывания и в целом — уголовно-процессуальной деятельности, поскольку следователю придется выполнять двойную работу. Как представляется, цифровизация уголовного судопроизводства предполагает полный отказ от бумажной формы уголовно-процессуальных документов, создавая тем самым условия для реализации принципа уголовного судопроизводства — процессуальной экономии.

Полезным в данной связи представляется обращение к опыту Саудовской Аравии, в которой с 2008 г. формируются электронные уголовные дела. Расследование большинства из них заканчивается в течение двух дней. Генеральный прокурор этой страны имеет возможность в любой момент ознакомиться с ходом досудебного производства, что, безусловно, повышает ответственность следователя за ход и результаты расследования. В 2011 г. в Грузии также стало осуществляться производство по уголовному делу в электронном формате, что позволило снизить количество нарушений законности, преодолеть волокиту в ходе расследования уголовных дел.

Цифровой формат уголовных дел введен с 2015 г. и в Республике Казахстан. Факторы, обусловившие необходимость внедрения в уголовный процесс такого формата уголовного дела, определил генеральный прокурор Республики: 1) усиление защиты прав человека; 2) обеспечение открытости производства по уголовному делу; 3) рост потенциала прокурорского надзора за соблюдением законности; 4) оптимизация уголовно-процессуальной деятельности следователя, прокурора, судьи ввиду наличия возможности оперативного получения справок следователем из информационных баз, согласований с руководителем органа следствия, санкций суда, а также исключения возможности утери и фальсификации материалов уголовного дела⁹.

Одновременно с указанным практический интерес для российской правоприменительной практики представляет опыт создания в ГСУ по Северо-Кавказскому федеральному округу Следственного комитета РФ электронного паспорта уголовного дела для учета результатов расследования уголовного дела¹⁰. Такой опыт, полагаем, можно расценивать как промежуточный этап на пути перехода от «бумажного» уголовного дела к электронному.

Более широкое применение цифровых технологий в досудебном производстве влечет осложнение уголовно-процессуальной деятельности следователя. Поэтому требуется оптимизация уголовно-процессуальных гарантий полноты, всесторонности, объективности доказывания следователем по уголовному делу.

Одним из направлений здесь следует рассматривать совершенствование ведомственного контроля, осуществляемого руководителем следственного органа¹¹.

⁹ Давыдова К. Цифровизация уголовного процесса // URL: <http://zakon.kz> (дата обращения: 15.11.2018).

¹⁰ СКР собирается ввести электронные паспорта уголовных дел. 07.12.2006 // URL: www.kommersant.ru/doc/3164262 (дата обращения: 29.07.2020).

¹¹ Более подробно о назначении и соотношении процессуального контроля и ведомственного контроля в современном досудебном производстве см.: Малышева О. А. Досудеб-

В данной связи необходимо подчеркнуть, что в Концепции судебной реформы в РСФСР при определении роли руководителя следственного органа акцент был сделан на такие компоненты его деятельности, как ресурсное и методическое обеспечение предварительного расследования преступлений¹². Да же обязательных для исполнения следователем указаний по расследуемому уголовному делу, что превалирует в современном досудебном производстве, разработчиками обозначенной Концепции расценивалась как форма ограничения процессуальной самостоятельности следователя.

С учетом изложенного основным предметом деятельности руководителя следственного органа должно стать достижение оптимального ресурсного и методического обеспечения уголовно-процессуальной деятельности следователя, предусматривающего:

- 1) совершенствование локального нормативного регулирования организации уголовно-процессуальной деятельности следователя при применении цифровых технологий;
- 2) повышение уровня специальных знаний следователя, овладение им «техническими» компетенциями (выработку у следователя навыков работы в электронном формате при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности);
- 3) создание информационной инфраструктуры во вверенном следственном подразделении (обеспечение необходимой компьютерной техникой, функционирование компьютерной (электронной) программы, цифровой подписи, свободный доступ к служебной электронной почте);
- 4) обеспечение информационной безопасности при возбуждении и расследовании уголовного дела в электронном формате;
- 5) обеспечение интеграции аналитической информационной системы суда (ГАС «Правосудие», «Судебные акты») и органов предварительного следствия в целях оперативного обмена информацией по уголовному делу.

Решение проблем организационно-правового характера при применении цифровых технологий в уголовном судопроизводстве не исключает необходимость психологической подготовки следователя к тому, что в случае нарушения в процессе доказывания предписаний, содержащихся в ст. 75 УПК РФ, доказательства в уголовном деле электронного формата сразу же будут приобретать юридическую ничтожность, поскольку уголовное дело находится в открытом доступе и для руководителя следственного органа, и для надзирающего прокурора, и для суда.

Поскольку возможность устранения допущенных нарушений следователем в ходе собирания и проверки уголовно-процессуальных доказательств, как при производстве по уголовному делу в «бумажном» виде, отсутствует, то на следователя возлагается повышенная процессуальная ответственность за ход и результаты уголовно-процессуального доказывания. Поэтому, отдавая дань уважения научной прозорливости разработчиков упомянутой Концепции, следует утверждать не только о сохранении актуальности их мнения о роли руководителя следственного подразделения, но и о возрастающем значении оказания руководителем след-

ное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы / под ред. Б. Я. Гаврилова. М., 2019. С. 202—204.

¹² Концепция судебной реформы в РСФСР. М., 1992. С. 65—66, 91.

ственного органа методической помощи следователю, вынужденному собирать, проверять и оценивать доказательства в новых для него процессуальных условиях с применением цифровых технологий.

В заключение следует сформулировать ряд выводов:

1. Цифровизация процесса уголовно-процессуального доказывания и принятия процессуальных решений по уголовному делу необходима для усиления гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, повышения качества предварительного расследования и уровня законности в досудебном производстве, а также обеспечения доступа к правосудию, что будет способствовать повышению степени доверия населения к деятельности органов уголовной юстиции.

2. Цифровизация уголовного судопроизводства потребует решения многочисленных проблем правового (нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности) и организационно-правового характера (ресурсного, кадрового, материально-технического и др.), сопровождающегося существенными затратами, связанными с созданием цифровой инфраструктуры, повышением уровня подготовки должностных лиц органов предварительного следствия к работе с цифровой информацией, обеспечением информационной безопасности, и т.д. Несомненно, такие затраты обоснованны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Власова С. В.* К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 9—18.
2. *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1978.
3. *Зазулин А. И.* О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. — 2016. — № 11. — С. 77—82.
4. *Качалова О. В., Цветков Ю. А.* Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. — 2015. — № 2. — С. 95—101.
5. Концепция судебной реформы в РСФСР. — М., 1992.
6. *Малышева О. А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы / под ред. Б. Я. Гаврилова. — М., 2019.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской, Л. А. Воскобитовой. — М., 2018.

ПРОКУРОР НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПОИСК ПУТЕЙ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Аннотация. Статья посвящена проблемам участия прокурора на начальном этапе уголовного судопроизводства и поиску путей оптимизации его деятельности в свете цифровой трансформации прокуратуры Российской Федерации, осуществляемой по трем основным направлениям: высокотехнологичный надзор, цифровая инфраструктура, среда доверия. Переход к высокотехнологичному надзору и развитие цифровой инфраструктуры должны привести к работе с единым электронным делом на основе единой межведомственной цифровой онлайн-платформы. При этом единая межведомственная цифровая онлайн-платформа обеспечит взаимодействие как внутри органов прокуратуры, так и прокуратуры с органами следствия, дознания, населением, судом. Формулируется вывод, что цифровая трансформация органов прокуратуры России оптимизирует деятельность прокуроров на начальном этапе уголовного судопроизводства, однако этому должны предшествовать законодательные изменения, направленные на усиление роли прокурора в досудебном производстве. Также утверждается необходимость повышения доступности гражданам сведений о деятельности прокуроров и состоянии законности в досудебном производстве уголовного процесса и расширения перечня статистических данных, размещаемых на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прокурор, надзор прокурора, уголовное преследование, пандемия, цифровые технологии, единое электронное дело, цифровая онлайн-платформа.

**Ксения Андреевна
ТАБОЛИНА,**

старший преподаватель
кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
kysi-kyss@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.089-096

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

K. A. TABOLINA,

Senior Lecturer of the Criminal Procedure Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

kysi-kyss@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PROSECUTOR AT THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: FINDING WAYS TO OPTIMIZE ACTIVITIES IN THE LIGHT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. This article is devoted to the problems of participation of the Prosecutor at the initial stage of criminal proceedings and the search for ways to optimize its activities in the light of the digital transformation of the Prosecutor's office of the Russian Federation, carried out in three main areas, namely high-tech supervision, digital infrastructure, and the environment of trust. The transition to high-tech supervision and the development of digital infrastructure should lead to work with a single electronic case on the basis of a single interdepartmental digital online platform. At the same time, a single interdepartmental digital online platform will ensure interaction both within the prosecutor's office and the interaction of the prosecutor's office with the investigation, inquiry, public, and court bodies. The conclusion is drawn that the digital transformation of the Russian prosecutor's office optimizes the activities of prosecutors at the initial stage of criminal proceedings, but this should be preceded by legislative changes aimed at strengthening the role of the prosecutor in pre-trial proceedings. It also states the need to increase the availability of information to citizens about the activities of prosecutors and the state of legality in pre-trial criminal proceedings and expand the list of statistical data posted on the official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, Prosecutor, Prosecutor's supervision, criminal prosecution, pandemic, digital technologies, a single electronic case, digital online platform.

На начальном этапе уголовного судопроизводства прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Это призвано обеспечить возможность реализации назначения уголовного судопроизводства, ведь именно от прокурора во многом зависят доступ к правосудию потерпевшим от преступления, а также защита личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Особое значение отводится роли прокурора на начальном этапе уголовного судопроизводства при самоизоляции граждан, обусловленной пандемией. Так, весной 2020 г. органы расследования, прокурор, суд действовали в условиях правовой неопределенности, руководствуясь локальными нормативными актами, которые не могут подменять закон или, например, указ Президента РФ. Поэто-

му практика в этом вопросе по России была весьма разнообразна², и ее сложно оценивать с позиций законности, исходя из чрезвычайности ситуации, вызванной пандемией, и необходимости обеспечить сохранение здоровья и жизни населения России и других стран.

В целях противодействия распространению на территории России новой коронавирусной инфекции суды были вынуждены приостановить личный прием граждан и рекомендовать подавать документы посредством электронной связи или почтой. Судьям было рекомендовано рассматривать дела и материалы безотлагательного характера, в суды был ограничен доступ лиц, не являющихся участниками судебных процессов по делам безотлагательного характера. Таким образом, вынужденно суды фактически приостановили доступ к правосудию по делам, не подпадающим под категорию безотлагательных.

В отличие от судов, прокуроры при исполнении своих полномочий не связаны необходимостью присутствия участников уголовного судопроизводства, для обеспечения доступа к правосудию прокурорам не требуется контактной работы с населением (за исключением участия прокуроров в судебных заседаниях по рассмотрению ходатайств и жалоб). Прокурор осуществляет постоянный надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования как по каждому конкретному уголовному делу, так и посредством систематических проверок.

Эта обязанность прокурора позволяет выявлять и устранять нарушения органов расследования вне зависимости от инициативы лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, обеспечивая им доступ к правосудию. В досудебном производстве прокурор также осуществляет деятельность по исполнению уголовного закона путем участия в уголовном преследовании.

Однако оптимальное соотношение полномочий прокурора и органов предварительного расследования было разбалансировано различными поправками в УПК РФ³, что значительно снизило роль прокурора при осуществлении надзорной деятельности и уголовного преследования. В частности, в настоящее время прокурор лишен возможности осуществлять действенный надзор за законностью производства следственных органов.

При этом объем полномочий прокурора при производстве следствия значительно меньше, чем при производстве дознания, осуществляемого по менее сложной категории дел, что представляется нелогичным. Прокурор не уполномочен отменять все незаконные и необоснованные постановления следователя,

² См.: постановления Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах»; от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах».

³ См., в частности: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 08.06.2007. № 122; Федеральный закон от 14.12.2015 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения дознавателя правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением» // Российская газета. 16.12.2015. № 284.

давать следователю письменные указания о направлении расследования и т.д., обладая такими полномочиями в отношении дознавателя.

Также прокурор не уполномочен возбудить уголовное дело, даже при наличии на то основания в случае отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, либо прекратить дело (исключение — п. 3 ч. 5 ст. 439 УПК РФ), хотя в соответствии с ч. 4 ст. 37 УПК РФ вправе отказаться от осуществления уголовного преследования.

В силу конституционного статуса прокуратуры Российской Федерации именно прокурор должен быть руководителем уголовного преследования. Это подтверждают поправки к Конституции РФ 2020 г.⁴, которые повысили роль прокурора в уголовном судопроизводстве, конституционно возложив на прокуратуру обязанность осуществления уголовного преследования. Дальнейшее совершенствование деятельности прокурора на начальном этапе уголовного судопроизводства возможно только путем внесения законодательных изменений, которые должны исключить дифференциацию полномочий прокурора в зависимости от формы расследования и закрепить руководящую роль прокурора в уголовном преследовании.

Это приобретает особое значение в условиях развития цифровых технологий, поскольку цифровой трансформации деятельности участников уголовного процесса должна предшествовать научно обоснованная модель⁵ построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию⁶.

Вместе с тем цифровизация⁷ стремительными темпами захватывает все сферы жизнедеятельности общества, при этом в уголовном судопроизводстве предоставляет новые средства для осуществления полномочий прокуроров. В 2017 г. приказом Генерального прокурора РФ была утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры России до 2025 года⁸. Предусмотренная Концепцией цифровая трансформация направлена на

⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 16.03.2020. № 55.

⁵ Масленникова Л. Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex russica. 2020. № 1 (158). С. 70—87.

⁶ Вилкова Т. Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 155—163.

⁷ Воскобитова Л. А. Основы уголовного судопроизводства и цифровизация // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы XVI Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) : в 3 ч. М. : РГ-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 75—86.

⁸ Приказ Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года) // Законность. 2017. № 12.

совершенствование цифровой экономики государства и осуществляется в целях расширения использования цифровых данных, а также развития цифровой инфраструктуры прокуратуры и совершенствования среды взаимодействия прокуроров с иными субъектами.

Цифровую трансформацию органов и организаций прокуратуры запланировано направить по трем основным направлениям: высокотехнологичный надзор, цифровая инфраструктура, среда доверия. Это должно положительно повлиять на эффективность деятельности прокуроров, усовершенствовать собственную цифровую среду органов прокуратуры, а также развить свободное и безопасное вертикальное и горизонтальное взаимодействие.

Ожидаемый переход к высокотехнологичному надзору призван комплексно оптимизировать деятельность прокуроров посредством формирования единой цифровой платформы взаимодействия с другими органами и населением. Кроме того, к задачам высокотехнологичного надзора относятся автоматизированная оценка деятельности органов предварительного расследования, совершенствование процесса обработки первичной информации, повышение оперативности работы прокуроров в целом.

Осуществление высокотехнологичного надзора неразрывно связано с развитием цифровой среды, т.е. с совершенствованием цифровой инфраструктуры. Переход к высокотехнологичному надзору и развитие цифровой инфраструктуры должны привести к работе с единым электронным делом⁹ на основе единой межведомственной цифровой онлайн-платформы взаимодействия прокуроров и руководителей иных государственных органов. Достоинства работы с единой межведомственной онлайн-платформой сложно переоценить. Ведь она нацелена на то, чтобы обеспечить оперативное взаимодействие различных ведомств, что в конечном счете должно оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность.

Для уголовного судопроизводства важнейшую роль должна сыграть функция отслеживания процессуальных решений с момента регистрации сообщения о преступлении до разрешения дела по существу в суде, при этом исчезнет необходимость повторных межведомственных учетов. Применительно к деятельности прокурора на начальном этапе уголовного судопроизводства создание единой межведомственной цифровой онлайн-платформы необходимо для оперативного осуществления надзорных и иных полномочий.

Предполагается, что при разработке онлайн-платформы будет предусмотрена возможность проверки прокурорами законности и обоснованности принимаемых органами расследования решений в режиме реального времени. Иными словами, для осуществления установленной законом обязанности по проверке законности и обоснованности решений, выносимых поднадзорными органами, прокурорам больше не потребуется направлять мотивированные письменные запросы о предоставлении возможности ознакомиться с материалами уголовного дела.

⁹ *Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728—751 ; *Шереметьев И. И.* Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10 (167). С. 81—90.

В свою очередь, поднадзорным органам не нужно будет оценивать то, насколько мотивирован запрос прокурора о предоставлении материалов дела, а также подготавливать ответ, что повлечет за собой экономию человеческих и временных ресурсов. Станет возможной передача материалов уголовного дела или проверки сообщения о преступлении от одного органа другому в онлайн-режиме, что позволит автоматизировать установленные п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочия прокуроров. Отпадет необходимость в институте восстановления утраченного уголовного дела либо его материалов (ст. 158.1 УПК РФ).

Претерпит изменения этап направления уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) прокурору с технической стороны, поскольку уголовное дело с итоговым процессуальным решением будет поступать онлайн, что решит проблему доставления объемных материалов. Соответственно, в случае возвращения уголовного дела следователю (дознавателю) не потребуется везти многотомные дела обратно.

При пересоставлении обвинительного заключения, акта, постановления следователю или дознавателю не потребуется перепечатывать бумажные носители, все изменения можно будет внести в электронном виде. В случае утверждения прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) его копия с приложениями будет вручаться заинтересованным лицам тоже в электронной форме.

Посредством единой межведомственной цифровой онлайн-платформы граждане смогут направлять жалобы на процессуальные действия (бездействие) и решения должностных лиц в уголовном судопроизводстве, а также обращаться с заявлением о преступлении в органы предварительного расследования¹⁰. Такое технологическое решение должно справиться с существующими на практике неправомерными отказами в приеме и регистрации сообщений о преступлении, увеличить скорость обработки обращений и обеспечить автоматическое уведомление заявителей о принятом по их вопросу решении.

Следует отметить, что в данный момент на официальных сайтах прокуратур уже действуют онлайн-приемные, а через портал «Госуслуги»¹¹ возможна подача обращений физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в органы прокуратуры России. Единая межведомственная цифровая онлайн-платформа должна обеспечить взаимодействие как внутри органов прокуратуры, так и прокуратуры с органами следствия, дознания и населением, а также с судом¹². В будущем данная межведомственная онлайн-платформа могла бы стать частью платформы ГАС «Доступ к правосудию».

¹⁰ Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. 2019. № 6. С. 12—17 ; Собенин А. А. Актуальные вопросы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий // Вестник Воронежского государственного университета. 2019. № 4 (39). С. 266—273.

¹¹ URL: <https://www.gosuslugi.ru/352356/1>.

¹² Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Оптимизация судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 40—44.

На заключительном этапе цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры (в соответствии с Концепцией — это 2021—2025 гг.) предполагается комплексная автоматизация надзорной деятельности прокуроров, в том числе перевод в цифровую форму всех сервисов прокуратуры на публичном портале правовой статистики.

Согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (п. 1 ст. 51) Генеральная прокуратура РФ обязана осуществлять государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре. Приказом Генерального прокурора РФ от 18.01.2016 № 18¹³ в пилотной зоне было введено в опытную эксплуатацию модернизированное специальное программное обеспечение ГАС правовой статистики, публичный сегмент которой призван информировать граждан о состоянии преступности в России.

Кроме того, основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры размещены на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ¹⁴. Это направлено на обеспечение прозрачности для населения информации о деятельности государственных органов.

Вместе с тем общедоступные статистические данные Генеральной прокуратуры РФ в настоящее время не отражают результатов надзорной деятельности прокурора отдельно в отношении органов предварительного следствия и органов дознания, что не позволяет проанализировать соблюдение законности при производстве указанными органами и определить наиболее эффективную форму предварительного расследования.

Статистические сведения также не содержат результатов возвращения уголовных дел судами прокурорам в порядке ст. 237 УПК РФ — ни об общем их количестве, ни отдельно по формам расследования, что не дает возможность определить качество процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия и надзора прокурора.

Названные проблемы свидетельствуют о необходимости повышения доступности гражданам сведений о деятельности прокуроров и состоянии законности в досудебном производстве уголовного процесса. В связи с этим требуется размещение статистических данных о работе прокуроров в досудебном производстве с разделением по формам расследования (предварительное следствие и дознание), включая сведения о количестве возвращенных судами уголовных дел прокурорам в порядке ст. 237 УПК РФ, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ.

Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации оптимизирует деятельность прокуроров на начальном этапе уголовного судопроизводства. Цифровизация качественно изменит работу не только прокуроров, но и следователей, дознавателей, судей, при этом обеспечив доступность населению информации о деятельности правоохранительных органов и сформировав среду доверия в ходе взаимодействия граждан и организаций с государственными органами.

¹³ Приказ Генерального прокурора РФ от 18.01.2016 № 18 «О проведении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики».

¹⁴ URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вилкова Т. Ю.* Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 8. — С. 155—163.
2. *Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2019. — Вып. 46. — С. 728—751.
3. *Воскобитова Л. А.* Основы уголовного судопроизводства и цифровизация // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : материалы XVI Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — С. 75—86.
4. *Масленникова Л. Н.* К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex russica. — 2020. — № 1 (158). — С. 70—87.
5. *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. — 2019. — № 6. — С. 12—17.
6. *Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е.* Оптимизация судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий // Российская юстиция. — 2019. — № 3. — С. 40—44.
7. *Собенин А. А.* Актуальные вопросы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий // Вестник Воронежского государственного университета. — 2019. — № 4 (39). — С. 266—273.
8. *Шереметьев И. И.* Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10 (167). — С. 81—90.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ДИСТАНЦИОННОМ РЕЖИМЕ¹

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы, с которыми столкнулись российские суды в период принятия карантинных мер, связанных с пандемией коронавирусной инфекции. Осуществление правосудия по уголовным делам в период пандемии или других чрезвычайных обстоятельствах автор связывает с дистанционным порядком рассмотрения дел. Ныне действующее законодательство признается непригодным для этих целей. Пути его реформирования автор видит в широком внедрении современных цифровых технологий, в том числе использовании «электронного уголовного дела». В статье предлагаются меры по верификации показаний лиц, допрашиваемых при судебном разбирательстве уголовных дел.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; правосудие в период пандемии; дистанционное рассмотрение уголовных дел; использование в правосудии цифровых технологий; электронное уголовное дело; верификация показаний лиц, допрашиваемых дистанционно в режиме веб-конференции.

**Игорь Игорьевич
ШЕРЕМЕТЬЕВ,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
igorsheremetev@
gmail.com

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.097-107

I. I. SHEREMETEV,

Associate Professor of Criminal Procedure Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

igorsheremetev@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE POSSIBILITIES OF APPLICATION OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES TO CRIMINAL CASES CONSIDERATION ON DISTANCE PROCEDURE

Abstract. The article deals with the problems, which faced Russian courts in COVID-19 pandemic period. Criminal justice in pandemic or other emergency periods may be retaliated by application distance procedure. Contemporary legislation is not useful for achievement this target. Author call upon for application of modern digital technologies including «electronic criminal case».

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по гранту РФФИ на основании договора от 04.10.2018 № 18-29-16041.МК, при информационной поддержке СПС «Консультант-Плюс».

Keywords: *criminal procedure, justice in in COVID-19 pandemic period, criminal cases consideration on distance procedure, application of modern digital technologies to justice, verification witness.*

Разразившаяся в начале 2020 г. пандемия новой коронавирусной инфекции поставила население и руководство нашей страны как и стран всего мира перед рядом острых, невиданных прежде проблем, не имеющих однозначных положительных решений. Для сохранения жизни и здоровья граждан государство пошло на серьезные карантинные меры, временно приостановившие или ограничившие работу многих предприятий и организаций, не связанных с жизнеобеспечением населения. Эти меры затронули и работу ряда государственных органов, в том числе судов.

Постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 судам в России было предписано «рассматривать категории дел только безотлагательного характера», т.е. фактически было приостановлено рассмотрение основной массы поступающих в суд и находящихся в производстве суда дел. Среди дел «безотлагательного характера» в постановлении были прямо упомянуты дела об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения. Этим же постановлением всем судам предлагалось «при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видео-конференц-связи»².

Позднее постановлением этих же органов от 24.04.2020 № 822 судам было рекомендовано также «при наличии технической возможности и с учетом мнений участников судопроизводства» проводить судебные заседания также с использованием системы веб-конференции. Для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства должны были подавать в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия³.

В Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 2 Верховный Суд РФ разъяснил, что по каждому уголовному делу или материалу, требующему безотлагательного рассмотрения, суд вправе с учетом проведения карантинных мероприятий в следственных изоляторах и установленного для всех граждан режима самоизоляции, в целях недопущения распространения инфекции, принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видео-конференц-связи, что позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других лиц в судебном заседании⁴.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Совета судей РФ от 24 апреля 2020 г. № 822 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6. С. 14.

Следует, однако, отметить, что действующим уголовно-процессуальным законом предусмотрено, что подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно. Использование системы видео-конференц-связи предусмотрено для участия в судебных заседаниях подсудимых, содержащихся под стражей, лишь в исключительных случаях, связанных с необходимостью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, и касается относительно небольшой группы лиц, обвиняемых в совершении преступлений террористического характера и ряда других особо тяжких преступлений, закрытый перечень которых прямо указан в законе (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ). Причем решение о такой форме участия подсудимого в судебном заседании может быть принято судом не по собственной инициативе, а по ходатайству какой-либо из сторон.

Система видео-конференц-связи может быть использована для допроса свидетелей и потерпевших, находящихся на удалении от места расположения суда, рассматривающего уголовное дело (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ). Однако дача показаний потерпевшим в таком порядке совсем не равнозначна его полноценному участию в судебном разбирательстве уголовного дела, на всех его этапах, и не обеспечивает реализацию всех его прав.

Судебным департаментом при Верховном Суде РФ еще в 2015 г. был разработан и принят регламент организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции⁵. К моменту начала пандемии в судах уже сложилась определенная практика использования видео-конференц-связи. Особенно широко она используется для обеспечения участия осужденного, содержащегося под стражей или находящегося в местах лишения свободы в судебных заседаниях судов апелляционной и кассационной инстанций (ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.12 УПК РФ). Однако уголовно-процессуальным законом не предусмотрено проведение всего судебного заседания, от начала и до конца, с использованием системы видео-конференц-связи. Тем более в законе ничего не говорится о порядке проведения судебных заседаний в режиме веб-конференций. При организации судебного разбирательства уголовного дела в указанном порядке перед судьей неизбежно возникает множество вопросов правового и технического характера, ответов на которые он не сможет найти ни в законе, ни в практике ввиду почти полного отсутствия таковой.

Правда, в период карантинных ограничений несколько дел в режиме веб-конференций было рассмотрено Верховным Судом РФ, рядом областных и арбитражных судов. Но это были главным образом гражданские, арбитражные дела или уголовные дела, рассмотренные в апелляционном либо кассационном порядке. В доступных нам источниках не сообщалось о случаях рассмотрения судами первой инстанции уголовных дел с использованием систем веб-конференции.

При этом Верховный Суд РФ в своей работе использовал возможности, которые у него появились благодаря отечественному производителю многоточечной вэб-конференции «Винтео», которая позволяла подключать участников процесса из таких дальних мест, как г. Владивосток, г. Вилуйск Камчатского края (находится на расстоянии свыше 10 тыс. км) и даже из штата Калифорния США⁶.

⁵ Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ URL: <https://www.vsrif.ru/files/28862/> (дата обращения: 14.09.2020).

Понятно, что такие технические возможности есть далеко не везде. Поэтому областные суды, где все-таки рассматривали в период действия карантинных мер уголовные дела, использовали более доступные мессенджеры. Так, несколько уголовных дел с использованием системы веб-конференции в качестве суда апелляционной инстанции рассмотрел Вологодский областной суд. Используемая в этом суде программа позволяет пользователям присоединяться к этой системе со своих гаджетов. Для входа в систему необходимо подать заявление через личный кабинет, созданный в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» на официальном сайте суда на портале ГАС «Правосудие». После идентификации на портале госуслуг участнику процесса заблаговременно направляется прямая ссылка для подключения к веб-конференции⁷.

По этим причинам в период действия указанных постановлений (с 18.03.2020 по 11.05.2020 в сфере уголовного судопроизводства) суды фактически рассматривали только вопросы, связанные с избранием мер пресечения и продлением сроков их действия (чаще всего заключением под стражу), а также иные неотложные вопросы для осуществления судебного контроля. И если при избрании меры пресечения подозреваемые или обвиняемые, как это предусмотрено законом, доставлялись в суд (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), то при продлении, к примеру, сроков содержания обвиняемых под стражей их участие в судебном заседании обеспечивалось путем использования систем видео-конференц-связи, которой в настоящее время оборудованы многие районные суды и почти все следственные изоляторы страны. Что касается рассмотрения уголовных дел по существу, то эта деятельность судов в период действия постановлений, приходящегося по времени на пик распространения пандемии, была практически приостановлена.

Поскольку пандемия новой коронавирусной инфекции никуда не ушла и грозит новыми волнами, а ряд ученых предсказывает появление новых разновидностей этой опасной болезни, перед судебной системой во весь рост встала задача найти новые формы судопроизводства, адекватные складывающейся в обществе ситуации. Совершенно очевидно, что меры, предложенные «в срочном порядке» в названных постановлениях Президиума Верховного Суда РФ и Совета судей РФ, не только не вполне согласуются с законом, но и практически не способны решить эту задачу. Обеспечение доступа граждан к правосудию, соблюдение их прав и свобод, выполнение назначения уголовного судопроизводства в сложившейся обстановке должны сочетаться с безусловным соблюдением всех условий, обеспечивающих охрану жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства, в том числе и самих судей, их защиту от возможного воздействия опасной инфекции.

Путь, по которому пошли судебные органы практически во всем мире для продолжения работы в условиях карантина, связан с активным использованием цифровых технологий, позволяющих во все больших масштабах внедрять элементы «дистанционности» в отправлении правосудия. Например, отмечается все расширяющееся использование при отправлении правосудия в Великобри-

⁷ URL: <https://rg.ru/2020/04/26/reg-szfo/sudy-nachali-provodit-zasedaniia-v-rezhime-onlajn.html/> (дата обращения: 14.09.2020).

тании и отдельных штатах США таких видеосервисов, как Skype и ZOOM. Так, Служба судов и трибуналов Ее Величества (HMCTS) разработала даже специальное руководство, регламентирующее проведение удаленных заседаний. Согласно ему решение о том, в какой форме проводить судебное заседание по делу, принимается самими судьями в каждом случае в зависимости от обстоятельств конкретного дела⁸.

Правда, в большинстве случаев речь идет о рассмотрении гражданско-правовых споров единолично судьей. Природа уголовного процесса, характер большинства исследуемых доказательств, представляющих собой устные показания допрашиваемых в суде лиц, затрудняют простое применение указанных видеомессенджеров при рассмотрении большинства уголовных дел. Фактическое приостановление работы судов, вызванное карантинными мерами, явственно показало необходимость совершенствования существующих и разработку новых институтов, направленных, с одной стороны, на повышение безопасности судебных процессов, а с другой — делающих их более эффективными и удобными для лиц, в них участвующих. Такие меры разрабатываются. Председатель Совета судей РФ В. В. Момотов на пленарном заседании Совета еще в декабре 2019 г. призвал шире использовать в правосудии онлайн-сервисы и веб-конференции. Он анонсировал активную разработку суперсервиса «Правосудие-онлайн» в рамках существующей ГАС «Правосудие», на разработку которого планируется затратить 580 млн руб. В этой системе предполагается и удобная дистанционная подача документов в суды, и возможность участия в заседаниях онлайн с биометрической системой аудиоидентификации участников процесса⁹.

Введение весной 2020 г. в судах ограничительных мер подтолкнуло к созданию и обновлению инфраструктуры для дистанционного рассмотрения уголовных дел и материалов. По сообщению пресс-службы Московского городского суда, в столице в дополнение к 93 имеющимся в залах судов системам видео-конференц-связи были установлены еще 53 такие системы в больницах, подразделениях МВД и изоляторах временного содержания. Все вновь установленные системы были коммуницированы с судебными системами, что позволяет рассматривать дела без доставления в суд участников процесса¹⁰.

В июне 2020 г. председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, выступая на заседании Совета судей РФ, заявил, что современные технологии помогли судам продолжить работу в условиях пандемии коронавируса. «В настоящее время суды рассматривают дела с применением системы веб-конференции, которая позволяет гражданам дистанционно участвовать в судебных заседаниях с помощью личного компьютера», — заявил глава Верховного Суда страны. Вместе с тем, характеризуя работу судов в режиме онлайн, с использованием системы веб-конференции, В. М. Лебедев признал, что главным ее недостатком является отсутствие нормативного регулирования, и заявил, что Верховный Суд уже занимается решением этой задачи. По этому поводу он отметил, что в ближайшем

⁸ URL: <https://pravo.ru/story/220052/>.

⁹ URL: <https://pravo.ru/story/216641/> (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁰ Коммерсантъ. 07.04.2020.

будущем процессуальное законодательство должно быть дополнено положениями, регулирующими применение этой системы¹¹.

По словам генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ А. В. Гусева, создаваемый в рамках ГАС «Правосудие» суперсервис «Правосудие онлайн» позволит гражданам и организациям подавать процессуальные документы и получать обратную связь через Единый портал государственных и муниципальных услуг. Ожидается, что электронная форма обращения в суд станет единственно возможной с формализацией требований к такому обращению. В этой связи предполагается реформирование процессуального законодательства, в том числе в направлении отказа от письменной формы судебного делопроизводства и закрепления электронной формы судебного постановления как единственно возможной без дублирования на бумажном носителе. Разработка соответствующей нормативной правовой базы запланирована на 2021—2022 гг.¹²

Известно, что далеко не все желающие обратиться в суд в достаточной степени владеют компьютерной техникой и имеют личную электронную подпись. Поэтому, по заявлению того же А. В. Гусева, в марте 2020 г. «в целях дальнейшего развития концепции доступности правосудия, учитывая удаленность отдельных населенных пунктов от судов, а также необходимость решения иных сопутствующих вопросов, связанных с экономией времени и средств, в пилотном режиме организовано взаимодействие судов с исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации для реализации возможности подачи документов в суд и получения документов из суда в электронном виде посредством многофункциональных центров (МФЦ)». В настоящее время возможность общаться с судами через МФЦ имеется у жителей Вологодской и Нижегородской областей. Рассматривается вопрос о создании такой же системы еще в пяти субъектах Федерации¹³.

В реформировании уголовно-процессуального законодательства важное место отводится созданию электронного уголовного дела, призванного, как уже отмечалось, заменить его традиционную бумажную форму.

Вопрос о постепенном переходе от существовавшего веками уголовного дела на бумажном носителе к цифровому или электронному возник не в связи с распространившейся эпидемией коронавируса, а задолго до нее. Такой переход рассматривался как результат происходящего во всем мире всеобъемлющего перехода от традиционного бумажного документооборота к электронному. Преимущества такого документооборота давно известны и очевидны. Однако особые требования, предъявляемые к достоверности документов, содержащихся в материалах уголовного дела, и традиционные представления судей и работников правоохранительных органов заставляют проявлять в этом вопросе консерватизм и осторожность.

Большинством исследователей данного вопроса под электронным уголовным делом понимается такое уголовное дело, процессуальные и иные документы

¹¹ URL: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/29094/ (дата обращения: 14.09.2020).

¹² URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=227&item=5309> (дата обращения: 20.08.2020).

¹³ URL: <https://tass.ru/obschestvo/8309623> (дата обращения: 18.10.2020).

которого выполнены не в традиционной письменной, а в электронной форме. Предполагается, что порядок расположения файлов этого дела, как и их содержание, установлены процессуальным законом. Порядок выполнения отдельных процессуальных и следственных действий подчинен содержащимся в деле, основанным на законе шаблонам и инструкциям, без соблюдения которых действие не может считаться выполненным. Производство следственных действий, помимо протокола, обязательно фиксируется с помощью фото- и (или) видеосъемки, которые становятся важными составными частями этого дела¹⁴.

Материальными носителями электронного уголовного дела могли бы быть любые современные электронные носители информации, например USB-флеш-накопитель, внешний жесткий диск и др. Такая форма уголовного дела позволяет использовать все преимущества, которые предоставляют современные информационные технологии, применяемые в других сферах государственной и негосударственной деятельности.

Отдельные элементы такого электронного уголовного дела являются реальностью уже сегодняшнего дня. Уже сейчас подавляющее число протоколов следственных и иных процессуальных действий и выносимых ими постановлений изготавливается следователями (дознателями) с помощью компьютера, т.е. в электронной форме. То же относится и к решениям, принимаемым судьей в ходе рассмотрения уголовного дела, протоколам судебных заседаний.

Однако процессуальное значение имеют только тексты этих документов, распечатанные на бумажных носителях и скрепленные подписями составивших их должностных лиц. Недавнее исключение сделано лишь для судебных решений, изготовленных в форме электронных документов и подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ). Однако и в этом случае закон требует изготовления дополнительного экземпляра этого решения на бумажном носителе.

Таким образом, важные и готовые элементы будущего уголовного дела мы фактически имеем уже сегодня. Одна из задач законодателя видится в том, чтобы придать процессуальный статус тем электронным документам, которые фактически создаются и длительное время хранятся лицами, ведущими производство по уголовному делу¹⁵.

Что даст наличие электронного уголовного дела для дистанционного рассмотрения уголовного дела? Думается, что электронное уголовное дело во многих отношениях могло бы облегчить и упростить рассмотрение дела в режиме веб-конференции, в том числе:

¹⁴ См. например: *Абдулвалиев А. Ф.* Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. 2013. № 1 ; *Макарова О. В.* Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» ; *Соколов Ю. Н.* Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1.

¹⁵ О процессе постепенного создания электронного уголовного дела уже в наше время и его элементах см.: *Шереметьев И. И.* Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. № 10.

- ввиду его компактности электронные копии такого дела могли бы находиться на руках у всех участников процесса. Это избавило бы суд от нередко возникающей необходимости дополнительного ознакомления их с материалами уголовного дела;
- все имеющиеся в деле и исследуемые в суде доказательства могли быть «перед глазами» сторон. Можно было бы упростить и сократить до необходимого минимума процедуру оглашения в суде протоколов следственных действий, документов, заключений экспертов, а в предусмотренных законом случаях и показания ранее допрошенных лиц, сосредоточившись на их важнейших фрагментах, имеющих доказательственное значение;
- облегчило бы и сделало более наглядным исследование графических схем, фото- и видеофайлов, являющихся обязательными необходимыми частями протоколов следственных действий, в случае перевода уголовного дела в электронную форму. В свою очередь, сторонам, находящимся на удалении от суда и имеющим на руках копии исследуемых письменных материалов, было бы легче обращать внимание суда на те или иные важные обстоятельства и противоречия, имеющиеся в исследуемых материалах уголовного дела;
- у суда и участников процесса имела бы возможность исследовать полный текст и обязательную видеозапись показаний при их оглашении: а) в порядке ч. 1 ст. 281 УПК РФ не явившихся свидетелей и потерпевших с согласия сторон; б) в порядке ч. 2 ст. 281 УПК РФ не явившихся свидетелей и потерпевших без согласия сторон; в) в порядке ч. 3 ст. 281 УПК РФ свидетелей и потерпевших при наличии существенных противоречий в их показаниях; г) в порядке ч. 4 ст. 281 УПК РФ свидетелей и потерпевших при отказе в суде от дачи ими показаний. Это делало бы более наглядным представление об обстоятельствах проведения допроса на предварительном следствии, способствовало бы более объективной оценке этих показаний.

Следует, однако, признать, что даже появление электронного уголовного дела не решает всех проблем, возникающих при дистанционном рассмотрении уголовных дел. Предлагавшийся Верховным Судом РФ и Советом судей РФ порядок рассмотрения судами дел в режиме веб-конференции, может быть, и подошел бы для рассмотрения несложных уголовных дел (например, для дел, рассматриваемых в особом порядке и, как правило, не требующих вызова и допроса потерпевших и свидетелей), но вызвал бы серьезные и трудно преодолимые препятствия в случаях рассмотрения более сложных уголовных дел.

Практикующими российским юристами рекомендации Верховного Суда РФ и Совета судей РФ были встречены неоднозначно. С одной стороны, были понятны мотивы принятия этого решения — важно было не допустить затягивания сроков разрешения уголовных дел, особенно тех из них, по которым подсудимые содержались под стражей, в условиях неопределенности периода действия карантинных мер. Но с другой — многих пугала процессуальная неурегулованность порядка проведения подобных процессов, неоднозначность подходов в разрешении многих вопросов. Указывалось, в частности:

- на невозможность обеспечить конфиденциальные краткие консультации подсудимого с его защитником;

- общую закрытость процесса от публики, в нарушение положений ст. 241 УПК РФ;
- фактическую невозможность участия в процессе лиц, не имеющих компьютера или не умеющих им пользоваться в достаточной степени;
- отсутствие четких указаний в законе о порядке действий председательствующего судьи, в случае случайного или умышленного «отключения» отдельных участников процесса;
- частые технические сложности, связанные с несовершенством линий связи¹⁶.

В этой связи представляется, что разработчикам анонсированных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве предстоит преодоление серьезных трудностей, связанных с отходом или даже полным отказом от ряда сложившихся традиционных представлений о судебном разбирательстве уголовных дел. Пока ни одна страна в мире не применяет дистанционное рассмотрение уголовных дел в широких масштабах. Отдельные примеры остаются отдельными примерами. Нам представляется, что во всяком случае для рассмотрения уголовного дела в режиме веб-конференции необходимо получение на это согласия всех участников процесса. Во всяком случае такое условие представляется целесообразным на начальном этапе внедрения такого порядка. По мере совершенствования данной процедуры для предупреждения злоупотребления своими правами отдельными лицами и искусственного затягивания процесса от этого условия можно будет отойти или сделать его менее категоричным.

Одна из главных сложностей, которую предстоит преодолеть при разработке изменений уголовно-процессуального законодательства в направлении возможности дистанционного рассмотрения уголовных дел, нам видится в безусловном обеспечении возможности для непосредственного и устного исследования в судебном заседании показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключений эксперта и специалиста (и их показаний), что, очевидно, не подлежит реформированию (ст. 240 УПК РФ, п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Поскольку показания свидетелей и потерпевших традиционно играют весьма важную роль в системе доказательств по уголовному делу, важнейшее значение приобретает проблема верификации этих показаний. Видится несколько путей ее решения.

Прежде всего возникает вопрос об установлении личности допрашиваемого. По мнению специалистов, здесь требуется внедрение в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу¹⁷, что должно быть предусмотрено разрабатываемым в настоящее время суперсервисом «Правосудие онлайн». Устное разъяснение прав, обязанностей и ответственности свидетеля могут в этом случае фиксироваться с помощью видеозаписи без отбирания соответствующей подписки.

¹⁶ Адвокатская газета. Российским судам рекомендовано приступить к рассмотрению дел в режиме веб-конференций. 29.04.2020 // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/rossiyskim-sudam-rekomendovano-pristupit-k-rassmotreniyu-del-v-rezhime-veb-konferentsiy/> (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁷ URL: <https://tass.ru/obschestvo/8287385>, что предусмотрено разрабатываемым в настоящее время суперсервисом «Правосудие онлайн».

Поскольку показания допрашиваемого даются вне зала суда, важно определить характер помещения, в котором находится свидетель или потерпевший. Это могут быть квартира, офис, больница с изолированной комнатой, что законом пока никак не определено. Безусловно, требования к помещению, в котором дистанционно даются показания, к используемым техническим средствам и окружающей допрашиваемое лицо обстановке должен быть прописан в анонсируемых изменениях процессуального закона.

Также важно определить, как быть в случае, если связь с допрашиваемым лицом по зависящим или независящим от него причинам неожиданно прервалась. Одним из возможных решений проблемы исключения постороннего влияния на допрашиваемое лицо, возможно, была бы организация прокторинга, т.е. системы контрольного видеонаблюдения, аналогичного тому, которое действует при сдаче экзаменов студентами.

Прокторинг можно было бы возложить на службу судебных приставов, обеспечивающих установленный порядок деятельности судов, работников полиции, службы исполнения наказаний или иных работников. Находясь на удалении от допрашиваемого лица, они могли бы с помощью технических средств предварительно осмотреть помещение, из которого предполагается дача показаний, и следить за соблюдением необходимых условий при их даче. В каких-то случаях такие показания могут даваться допрашиваемым из расположенного в районе проживания допрашиваемого суда, ближайшего отдела (отделения) полиции, опорного пункта охраны порядка, находящихся в непосредственной близости от места пребывания свидетеля. В помещениях этих органов несложно создать условия, обеспечивающие невозможность влияния посторонних лиц на допрашиваемого.

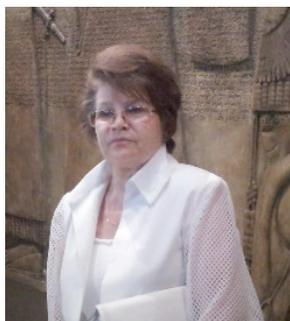
Следует заметить, что действующее законодательство в случае «стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд», дает суду основание для принятия решения об оглашении ранее данных показаний неявившегося в судебное заседание потерпевшего и свидетеля и о воспроизведении видеозаписи следственных действий, произведенных с их участием (ч. 2 ст. 281 УПК РФ).

Продолжающаяся пандемия с неясными перспективами должна побудить законодателя ускорить разработку и принятие нормативных правовых актов о внесении изменений в процедуру рассмотрения уголовных дел, с тем чтобы она соответствовала складывающейся эпидемиологической обстановке и была направлена на максимальную охрану жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства. Законодательно установленная возможность рассмотрения уголовных дел в дистанционном режиме позволит в условиях чрезвычайной обстановки, вызванной не только пандемией, но и иными обстоятельствами, не прерывать осуществление одной из важнейших государственных функций, какой является правосудие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдулвалиев А. Ф.* Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // *Право и политика.* — 2013. — № 1.
2. *Макарова О. В.* Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // *Журнал российского права.* — 2019. — № 2.
3. *Соколов Ю. Н.* Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // *Информационное право.* — 2017. — № 1.
4. *Шереметьев И. И.* Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // *Lex russica.* — 2020. — № 10.

Особенности уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19

**Людмила
Мильтоновна
ВОЛОДИНА,**

профессор кафедры
уголовно-процессуального
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный юрист РФ
lm.volodina@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В представленной статье предлагается анализ некоторых проблем уголовного судопроизводства, обусловленных сложившейся в стране ситуацией, вызванной пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19). Из сформулированного в ст. 6 УПК РФ приоритетного направления о защите прав человека в сфере уголовного судопроизводства, налагающего на государство соответствующие обязанности, следует необходимость надежного механизма обеспечения этих прав. Между тем в условиях распространения на территории Российской Федерации коронавирусной инфекции возник целый ряд вопросов, касающихся защиты прав человека в нестандартных условиях деятельности судебной и правоохранительной систем. Документы на уровне государственного регулирования, содержащие соответствующие рекомендации, не в полной мере охватывают круг возникающих вопросов. Постановления Президиума Верховного Суда и Президиума Совета судей от 18 марта 2020 г. и от 8 апреля 2020 г., как отмечают юристы, не внесли ясности в практику правоприменения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная система, правоохранительная система, защита прав человека, пандемия, эпидемия, функции.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.108-115

L. M. VOLODINA,

Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
lm.volodina@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

SOME ENFORCEMENT ISSUES IN CRIMINAL RIGHTS COVID-19 PROCEDURE

Abstract. The presented article offers an analysis of some of the problems of criminal proceedings caused by the current situation in the country caused by the COVID-19 coronavirus infection pandemic. Based on what was stated

in Art. 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the priority direction on the protection of human rights in the field of criminal proceedings, imposing the corresponding obligations on the state, follows the need for a reliable mechanism to ensure these rights. Meanwhile, in the conditions of the spread of coronavirus infection on the territory of the Russian Federation, a number of questions have arisen regarding the protection of human rights in the non-standard conditions of the judicial and law enforcement systems. Documents at the level of state regulation containing relevant recommendations do not fully cover the range of emerging issues. The decisions of the Presidium of the Supreme Court and the Presidium of the Council of Judges of March 18, 2020 and April 8, 2020, as noted by lawyers, did not clarify the practice of law enforcement.

Keywords: *criminal proceedings, judicial system, law enforcement system, protection of human rights, pandemic, epidemic, functions.*

Рассматривая уголовное судопроизводства как многофункциональную систему, мы должны исходить, во-первых, из признанных положений общей теории систем, во-вторых, из особенностей данной системы. В первом случае следует иметь в виду общесистемные закономерности и принципы функционирования сложных систем, связанные с общим представлением их характеристик, в соответствии с которыми системы должны представлять собой набор элементов, способных сохранять свою целостность, устойчивость и жизнеспособность.

Обращаясь к работе «Тектология : Всеобщая организационная наука» А. А. Богданова, ученые отмечают, что «он рассматривает равновесное состояние системы не как раз и навсегда данное, а как динамическое равновесие. Система, находящаяся в равновесии, в процессе развития постепенно утрачивает это качество и переживает это состояние как «кризис», а преодолевая его, приходит к новому равновесию на новом уровне своего развития», связывая кризисное состояние с ослаблением отдельных звеньев структуры, неисполнением ими по разным причинам той функции, которую они должны исполнять в данной системе¹.

Формулируя принципы построения организационных структур, направленные на обеспечение четкого и слаженного функционирования системы, ученые выделяют среди них целеполагание (т.е. целевую ориентацию); приоритет функций над составом звеньев, обеспечиваемый соответствующей структурой системы (рациональная структура должна обеспечивать устойчивость системы); адаптивность (структура должна обладать способностью адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды, к целевой переориентации, к новой стратегии развития, основное условие адаптивности — гибкость структуры)².

¹ Теория организации : учебник / Д. Б. Олянич [и др.]. Ростов н/Д : Феникс, 2008. С 265. Исходным пунктом тектологии является признание необходимости подхода к изучению любого явления с точки зрения его организации. Принять организационную точку зрения — значит изучать любую систему с точки зрения как отношений всех ее частей, так и отношений ее как целого со средой, т.е. со всеми внешними системами.

² Теория организации : учебник / под ред. В. Г. Алиева. М. : Экономика, 2003. С. 54.

Применительно к системе уголовного судопроизводства с его многофункциональной структурой важно понимать, что каждый из компонентов этой системы, будь то правосудие, обвинение, или защита, или прокурорский надзор, несмотря на различие их задач, должны действовать в едином направлении, установленном как приоритетное направление уголовно-процессуальной деятельности — на защиту прав личности.

Механизм обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве должен строиться на балансе интересов, обеспечиваемых функционированием единого организма. Проверка этого механизма в условиях чрезвычайных ситуаций показала, что разнотипной деятельностью правоохранительных структур и судебной системы не дает пока оснований говорить о его надежности.

В Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 23 июня 2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» достаточно четко говорится о быстроразвивающихся опасных природных явлениях и техногенных процессах как негативных явлениях и процессах, определенных в ходе прогнозирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, локализация и ликвидация которых требуют заблаговременной подготовки сил и средств единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

К сожалению, меры, касающиеся деятельности судебной и правоохранительной систем в условиях введенных весной 2020 г. ограничений, оцениваются юридической общественностью весьма нелицеприятно. Московская Хельсинкская группа (МХГ), подводя итоги мониторинга работы судов во время пандемии коронавируса, выявила наиболее распространенные нарушения: тенденцию к запрету доступа слушателей в здание, где проходит судебное слушание, отсутствие иных возможностей обеспечения гласности дела, отказ дежурных в судах от общения с волонтерами, отсутствие единого формата работы, невозможность получить информацию о работе судов по телефону, несовпадения информации на сайте и реального положения дел в суде и др.

Эти выводы основаны на результатах анализа работы 163 судов в 29 регионах страны³. В возникших чрезвычайных условиях в судебной и правоохранительной системах как раз не хватило умения прогнозировать события. Постановление Президиума Верховного Суда и Президиума Совета судей от 18 марта 2020 г., а затем совместное постановление от 8 апреля 2020 г., касающиеся особенностей работы судов в режиме повышенной готовности и самоизоляции граждан, последующее принятие Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», не разрешили возникших проблем практики правоприменения.

В СМИ отмечалось, что работа судов по многим делам была приостановлена, при этом обвиняемые, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, оставались в СИЗО. В сложившейся ситуации

³ News.ru. 22 июня 2020 г. Обзор проводился с 13 апреля по 5 июня 2020 г. (URL: <https://news.ru/russia/mhg-proverila-rabotu-sudov-vo-vremya-pandemii-koronaivrus/> (дата обращения: 13 августа 2020 г.)).

директор ФСИН обратился к председателю Верховного Суда РФ с просьбой во время эпидемии ориентировать суды не заключать под стражу обвиняемых по экономическим и нетяжким преступлениям, выразив обеспокоенность плотностью лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. На 1 апреля 2020 г. в 22 СИЗО количество заключенных превысило допустимые нормы⁴.

Со своей инициативой выступила Адвокатская палата г. Москвы, разместив на своем официальном сайте обращение к адвокатам Москвы с предложением в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией рассмотреть вопрос о безотлагательной подаче ходатайств и жалоб об изменении меры пресечения на не связанную с содержанием обвиняемого в СИЗО, особенно в отношении лиц пожилого возраста, а также лиц, страдающих хроническими заболеваниями. Инициатива московских адвокатов была поддержана президентом ФПА РФ Юрием Пилипенко⁵.

Отсутствие в постановлении Верховного Суда РФ от 18 марта 2020 г., рекомендовавшего в условиях самоизоляции приостанавливать производство по делам, не относящимся к категории безотлагательных, перечня категорий дел безотлагательного характера на практике привело к неоднозначному толкованию положений, изложенных в документе, и нарушениям уголовно-процессуального закона.

Так, например, в Свердловской области было проведено судебное заседание по видеозвонку в WhatsApp, что повлекло соответствующую реакцию юридического сообщества: проведение заседаний через Skype, WhatsApp или любой другой мессенджер незаконно, подобной нормы нет ни в одном кодексе⁶. Уголовно-процессуальный закон предусматривает право обвиняемого участвовать в судебных заседаниях по видео-конференц-связи, но при определенных условиях.

Советник Федеральной палаты адвокатов России Е. Рубинштейн в связи с этим заметил, что поскольку «уголовно-процессуальное законодательство состоит не только из Конституции РФ, УПК и других федеральных законов, но и из общепризнанных принципов и норм международного права, то, используя правовые позиции ЕСПЧ, Верховный Суд РФ со ссылкой на конкретное дело Европейского суда разъяснил нижестоящим инстанциям, что проведение судебных заседаний с участием обвиняемого по системе видео-конференц-связи допустимо и может быть использовано в настоящих условиях карантина, что обвиняемый может вообще не доставляться в суд ни разу, а все части судебного разбирательства могут быть проведены по системе видео-конференц-связи»⁷.

⁴ Как работают суды во время пандемии // URL: <http://www.19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/> (дата обращения: 7 августа 2020 г.).

⁵ Пандемия может стать основанием для освобождения некоторых арестантов из-под стражи // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b2176714bf161ea0168d783/> (дата обращения: 5 июля 2020 г.).

⁶ Суды начали рассматривать дела с помощью WhatsApp // URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urgf/> (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

⁷ Информационный бюллетень практики уголовного права и процесса юридической фирмы «Инфралекс». 2020. Вып. 4. Апрель // РБК. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (дата обращения: 7 июля 2020 г.).

С предлагаемой позицией трудно согласиться. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», а не законодательства. Кроме того, разъяснения Верховного Суда РФ относятся лишь к практике предварительного судебного контроля.

Пандемия коронавирусной инфекции породила острую потребность в дистанционных технологиях. В соответствии с планом мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Министерство юстиции РФ подготовило законопроект о внесении изменений в Гражданский и Арбитражный процессуальные кодексы, а также в Кодекс административного судопроизводства РФ, предусматривающих внедрение в работу судов, допуск участников в судебное заседание с помощью веб-конференций через смартфоны или планшеты, а также предоставление доказательств в электронном виде. План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика» предусматривает возможности предоставления доказательств в электронной форме.

При этом возможность подачи документов на бумажном носителе и личное участие в судебном заседании сохраняются⁸. Вместе с тем в Министерстве юстиции РФ отметили, что законопроект и паспорт нацпроекта «Цифровая экономика РФ» не предусматривают изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, напомнив, что действующий УПК допускает возможность применения видео-конференц-связи в заседании суда для: допроса свидетеля и потерпевшего; дистанционного участия подсудимого по некоторым категориям уголовных дел и при рассмотрении ходатайств об изменении территориальной подсудности уголовного дела; участия осужденного при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора; при рассмотрении дела в судах апелляционной и кассационной инстанции⁹. Но вот достаточно ли этого для решения проблем в складывающихся нестандартных ситуациях?

Анализируя ответы Верховного Суда РФ на вопросы, возникающие у судов при рассмотрении дел в связи с пандемией, содержащиеся в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 1, опубликованном 21 апреля 2020 г., адвокаты отметили, что режим самоизоляции серьезным образом повлиял на процессуальные сроки: «Сроки следствия по уголовным делам продлены с запасом, нарушаются сроки рассмотрения жалоб и ходатайств, а ссылки на разумность сроков уголовного судопроизводства отменяются по основаниям, не предусмотренным действующим законодательством»¹⁰.

⁸ Участвовать в заседании суда можно будет дистанционно с телефона. 08.10.2020 // url: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48149/>.

⁹ Минюст готовит законопроект о судебных онлайн-заседаниях // URL: <https://pravo.ru/news/221364/> (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

¹⁰ Адвокаты проанализировали ответы ВС на вопросы, возникающие у судов при рассмотрении дел в связи с пандемией. 23.04.2020 // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/> (дата обращения: 13 июля 2020 г.).

Адвокаты сообщают о различных случаях нарушений прав подзащитных: воспрепятствование работе защитников, отложение судебных заседаний, нарушение сроков органами предварительного расследования и т.п. При этом замечено, что ни Следственный комитет, ни МВД, ни прокуратура публично не объясняли, как будет вестись следствие во время карантина. В связи с этим адвокаты приводят в пример принятые Украиной поправки в Уголовно-процессуальный кодекс, которые подразумевают продление сроков следствия на время пандемии¹¹.

Анализ сложившейся ситуации в условиях пандемии дает основание говорить о необходимости переоценки некоторых устоявшихся институтов уголовного и уголовно-процессуального права. В частности, требуют переосмысления институт сроков давности, институты отложения и приостановления производства по уголовному делу, требуют корректировки правила продления сроков и применения мер пресечения.

Разъяснения Верховного Суда РФ по вопросу о сроках исковой давности в период коронавируса коснулись только гражданского судопроизводства: в соответствии с п. 1, абз. 2 ст. 202 ГК РФ, карантин, самоизоляция и пандемия могут признаваться форс-мажорными обстоятельствами при условии доказанности ряда установленных законом фактов¹². Однако в уголовном судопроизводстве таковых обстоятельств не существует.

Представляется, что усилия законодателя должны быть направлены на переосмысление института сроков давности в уголовном праве. В связи со сказанным автором предложено, опираясь на Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», внести в ст. 78 УК РФ изменения правил освобождения от уголовной ответственности за истечением сроков давности применительно к *тяжким и особо тяжким преступлениям*.

Для лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление, в норму уголовного закона необходимо включить *положение о приостановлении течения сроков давности в условиях чрезвычайных ситуаций, в том числе связанных с угрозой неконтролируемого распространения опасного для жизни заболевания (пандемии)*. Одновременно должны быть внесены изменения в ст. 208 УПК РФ. Пункт 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ следует дополнить указанием на невозможность участия подозреваемого или обвиняемого в производстве по делу не только ввиду тяжелого заболевания, но и *ввиду его пребывания на карантине или самоизоляции*.

Кроме того, приостановление производства по уголовному делу как в стадии предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве в чрезвычайных условиях, диктуемых конкретной ситуацией, требуют установления нового основания приостановления производства по уголовному делу. Статьи 208 и 253 УПК РФ должны быть дополнены основанием, определяющим правила

¹¹ Как коронавирус изменил работу полиции, СК, судов и адвокатуры // URL: <https://yandex.ru/turbo/s/zona.media/article/2020/04/06/covid-19-siloviki/> (дата обращения: 15 августа 2020 г.).

¹² Верховный Суд России выпустил новый обзор судебной практики с разъяснениями, как применять законодательство в период пандемии // URL: <https://rg.ru/2020/05/06/> (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

приостановления производства в связи с отсутствием реальной возможности участия в уголовном деле не только обвиняемого или подозреваемого, но и иных участников процесса в силу обеспечения их безопасности в условиях угрозы инфицирования¹³.

Требуется, на наш взгляд, переосмысления и правовая природа института приостановления производства по делу: в настоящее время он привязан к определенному положению (состоянию) обвиняемого в процессе, препятствующему его участию в деле. Но в условиях действующих ограничений режима продолжение процесса или невозможность дальнейшего движения дела зависят и от иных обстоятельств, иногда вовсе не связанных с обвиняемым.

Подведем итоги анализа.

Механизм обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве должен неукоснительно предоставлять возможность каждому на доступ к правосудию.

Доступ к правосудию равным образом должен соблюдаться и при осуществлении судебного контроля. В связи с этим необходим перечень безотлагательных производств для чрезвычайных ситуаций, подобных сложившейся в наши дни. Он не может быть исчерпывающим, но, безусловно, придаст упорядоченность уголовно-процессуальной деятельности.

Весьма значимую роль приобретает в подобных условиях деятельности правоохранительных органов прокурорский надзор, призванный обеспечить законность и обоснованность уголовно-процессуальных действий и принимаемых решений органов предварительного расследования. И здесь вновь встает вопрос о значимости инструментария, используемого прокурором в рамках его компетенций. Иначе говоря, функционирование системы зависит от того, насколько продуманно и слаженно действуют все ее звенья, или, говоря языком социологов, эффективность системы определяется функциональной взаимозависимостью ее элементов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адвокаты проанализировали ответы ВС на вопросы, возникающие у судов при рассмотрении дел в связи с пандемией. 23 апреля 2020 г. // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/> (дата обращения: 13 июля 2020 г.).
2. Верховный Суд России выпустил новый обзор судебной практики с разъяснениями, как применять законодательство в период пандемии // URL: <https://rg.ru/2020/05/06/> (дата обращения: 9 июля 2020 г.).
3. Володина Л. М. Проблемы защиты прав человека в уголовном судопроизводстве в условиях пандемии // Право и политика. — 2020. — № 9 (206).
4. Как коронавирус изменил работу полиции, СК, судов и адвокатуры // URL: <https://yandex.ru/turbo/s/zona.media/article/2020/04/06/covid-19-siloviki/> (дата обращения: 15 июля 2020 г.).
5. Как работают суды во время пандемии // URL: <http://www.19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/> (дата обращения: 7 августа 2020 г.).

¹³ Володина Л. М. Проблемы защиты прав человека в уголовном судопроизводстве в условиях пандемии // Право и политика. 2020. № 9 (206).

6. Минюст готовит законопроект о судебных онлайн-заседаниях // URL: <https://pravo.ru/news/221364/> (дата обращения: 9 июля 2020 г.).
7. Пандемия может стать основанием для освобождения некоторых арестантов из-под стражи // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b2176714bf161ea0168d783/> (дата обращения: 05.07.2020).
8. Суды начали рассматривать дела с помощью WhatsApp // URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urfo/> (дата обращения: 09.07.2020).
9. Теория организации : учебник / Д. Б. Олянич [и др.]. — Ростов н/Д : Феникс, 2008.
10. Теория организации : учебник / под ред. В. Г. Алиева. — М. : Экономика, 2003.
11. Участвовать в заседании суда можно будет дистанционно с телефона. 08.10.2020 // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48149/>.

Международные аспекты уголовного судопроизводства

**Артем Леонидович
ОСИПОВ,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
osipov1280@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье приводится обзор современного состояния имплементации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в законодательстве и правоприменительной практике российского уголовного судопроизводства. Значительное внимание уделено эволюции правовых подходов Конституционного Суда РФ, который, являясь важнейшим актором в национальной системе имплементации прецедентной практики ЕСПЧ, за последние годы обозначил целый ряд проблем функционирования концепции «диалога Судов». Исследуется значение поправок к Конституции РФ 2020 г. для дальнейшего развития процесса реализации правовых позиций ЕСПЧ в российском уголовном судопроизводстве. На примере актуальной практики ЕСПЧ по делам в отношении России выявляются укоренившиеся проблемы в национальном правовом регулировании отдельных стадий и институтов уголовного судопроизводства, анализируются тенденции судебной практики, рассматриваются различные предложения по ее гармонизации с европейскими правовыми стандартами.

Ключевые слова: ЕСПЧ, уголовное судопроизводство, правовые позиции, суд, имплементация, контроль, гарантии.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.116-125

A. L. OSIPOV,

Associate Professor of the Chair of Criminal Procedural Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

osipov1280@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

IMPLEMENTATION OF THE LEGAL POSITIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. The article offers an overview of the modern state of affairs in the field of the implementation of legal positions of the European Court of Human Rights (ECtHR) in Russian criminal procedural law and law-enforcement

practices. Significant attention is paid to the legal approaches of the Russian Constitutional Court as one the main actors in the national implementation system who pointed out a series of problems in functioning of the conception known as «dialog between the Courts». We research the amendments to the Russian Constitution of 2020 year in respect of it's meaning to the process of realization of the legal positions of ECtHR in the Russian criminal procedure. With the examples from the modern ECtHR case-law in respect of the Russia root problems in the law regulation of different stages and institutions of criminal procedure are being revealed. The article also offers analysis of the trends in national courts practices with proposals of it's harmonization with the European legal standards.

Keywords: ECtHR, criminal procedure, legal positions, court, implementation, control, guarantees.

С момента ратификации Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее — Конвенции) и признания нашей страной ipso facto обязательности юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по вопросам толкования и применения положений данного регионального международного договора прошло более 20 лет. Данный период развития в истории российской правовой системы ознаменовался многими политическими, экономическими и сугубо правовыми событиями, которые породили много вопросов, как с точки зрения концептуальных основ применения международных норм и практики межгосударственных органов по защите прав человека в системе внутреннего права, так и с точки зрения практических аспектов реализации позиций ЕСПЧ в правоприменительной практике российских государственных органов.

После вступления в силу на территории РФ положения Конвенции и некоторых дополняющих ее Протоколов успели воплотиться в тексте ряда правотворческих актов и актов, разъясняющих российское право. В серии своих решений Конституционный Суд РФ разъяснил конституционно-правовые основы имплементации правовых позиций ЕСПЧ в российской судебной практике.

Верховный Суд РФ наряду с рассмотрением конкретных дел с учетом правовых позиций ЕСПЧ принял имеющее системное значение постановление Пленума от 27.06.20013 № 21, которое содержит ряд революционных для своего времени разъяснений. В качестве примера можно привести разъяснение о толковании положений российских нормативных правовых актов с учетом того значения, которое им придается в практике ЕСПЧ, а также положение о допустимости учета в российской судебной практике правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в его решениях в отношении других государств — участников Конвенции.

Эти и другие положения российских «имплементационных актов» имеют наиболее важное значение для системы уголовного судопроизводства, в рамках которой права и свободы, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней, подвергаются наиболее серьезным ограничениям, а причиняемый при этом вред зачастую остается невосполнимым.

Положения Конвенции сыграли роль важного правового инструмента на этапе трансформации уголовно-процессуального законодательства постсоветского

периода, выступая своеобразным драйвером его обновления в духе расширения состязательных начал, обеспечения сторонам равных возможностей по отстаиванию своих законных интересов перед независимым судом. На этом историческом этапе имплементации конвенционных норм Конституционный Суд РФ эпизодически ссылался на положения Конвенции без отсылок к конкретным решениям из практики ЕСПЧ.

Подобная модель аргументации встречается в таких поворотных решениях Конституционного Суда РФ постсоветского периода, как его постановление от 02.07.1998 № 20-П¹ и постановление от 23.03.1999 № 5-П². Данные решения органа конституционного контроля, вынесенные с учетом положений ст. 6 Конвенции, создали основу для понимания конституционно-правового смысла современных уголовно-процессуальных норм о предмете и пределах судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Это подтверждает тот факт, что с конца 1990-х гг. Конституционный Суд РФ начал использовать текст Конвенции для выявления конституционно-правовых смыслов норм отраслевого законодательства, включая и УПК РФ.

С каждым последующим годом семантическая роль отсылок к содержанию конвенционного текста в решениях Конституционного Суда РФ все более возрастает. Абстрактные ссылки на те или иные статьи Конвенции дополняются уточняющими формулировками и цитированием из практики ЕСПЧ, появляются ссылки на его решения, принятые в отношении других государств. Причем с юридико-технической точки зрения ссылки на практику ЕСПЧ оформляются гораздо эффективнее, чем в предыдущий период: воспроизводятся не только дата вынесения соответствующего решения, но и конкретные параграфы с релевантными правовыми позициями ЕСПЧ³.

По мере накопления решений Страсбургского суда в отношении России правовые позиции из них также включаются в аргументацию Конституционного Суда РФ по ключевым вопросам уголовно-процессуального регулирования. Ярким примером в этом отношении является постановление Конституционного Суда РФ от

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 14.07.1998. № 131.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»» // Российская газета. 15.04.1999. № 72.

³ В качестве примера можно сослаться на п. 2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 01.04.2005. № 66.

20.11.2007 № 13-П, в котором рассматривается вопрос уголовно-процессуальной дееспособности лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Центральным звеном в системе аргументации этого постановления стали правовые позиции, сформулированные ЕСПЧ в постановлении по делу «Романов против России» от 20.10.2005. Через несколько лет после принятия данного постановления в гл. 51 УПК РФ были внесены изменения, корреспондирующие смыслу правовых позиций ЕСПЧ из постановления по делу «Романов против России», предполагающие индивидуальный подход правоприменителя к учету психических способностей душевнобольного лица участвовать в уголовном судопроизводстве и использовать процессуальные права обвиняемого⁴.

Начиная с 2013 г., Конституционный Суд РФ выносит несколько решений, которые направлены на формализацию критериев разграничения компетенций российского органа конституционного контроля и ЕСПЧ. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, высказанные в данных решениях, имели системные и долгосрочные последствия для правовой системы Российской Федерации.

Конституционные поправки 2020 г. в той части, в которой Конституционный Суд РФ наделяется правом рассмотрения вопросов о неисполнимости решений межгосударственных органов по защите прав человека, являются закономерным следствием указанных правовых позиций. Постановление ЕСПЧ, выявившее нарушение конвенционных прав заявителя в связи с применением того или иного российского закона, стало трактоваться как повод для обращения суда общей юрисдикции, рассматривающего вопрос о возобновлении производства по новым обстоятельствам, в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии Конституции РФ этих положений российского законодательства.

Данная правовая позиция, изначально сформулированная применительно к выявлению конституционно-правового смысла ст. 392 ГПК РФ, вскоре приобрела черты универсального подхода, эволюция которого привела к появлению концепта «конвенционно-конституционных коллизий».

В постановлении от 23.09.2014 № 24-П Конституционный Суд РФ закрепил позицию, согласно которой «нельзя признать обоснованным и представление об инстанционной и содержательной взаимозависимости постановлений Конституционного Суда РФ, который осуществляет проверку конституционности норм закона, примененных в конкретном деле судом, и Европейского Суда по правам человека, который устанавливает наличие нарушения в этом деле прав и свобод, получивших закрепление в Конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина»⁵.

Признавая постановления ЕСПЧ, вынесенные в отношении России, «частью российской правовой системы», Конституционный Суд РФ в получившем широ-

⁴ Федеральный закон от 29.11.2010 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 03.12.2010. № 274.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Российская газета. 03.10.2014. № 226.

кую известность постановлении от 14.07.2015 № 21-П провозгласил приоритет Конституции РФ над нормами Конвенции и практикой ЕСПЧ. Отдельные формулировки данной правовой позиции позволяли предполагать, что конституционный приоритет распространяется на случаи, когда правовые позиции ЕСПЧ содержат оценку национального законодательства либо касаются необходимости изменения его положений⁶.

По мнению российского органа конституционной юстиции, Россия вправе отказать от исполнения решения ЕСПЧ в части мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы Конвенции, на котором основано соответствующее решение ЕСПЧ, нарушает положения Конституции РФ. Как известно, прямым следствием данных правовых позиций Конституционного Суда РФ стали два его постановления, которые на основе обновленной редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» позволили сделать вывод о неисполнимости в России двух постановлений ЕСПЧ⁷.

Более сложная конструкция правовой нормы, определяющей полномочия Конституционного Суда РФ в сфере идентификации и разрешения конвенционно-конституционных коллизий, была предложена конституционным законодателем в 2020 г. в тексте Закона РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О поправке к Конституции РФ». Согласно п. «б» ч. 5 ст. 125 УПК РФ Конституционный Суд РФ разрешает вопрос о возможности исполнения «решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Согласно действующей редакции ст. 79 Конституции РФ «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Интересна интерпретация этого положения Европейской комиссией за демократию через право, одной из экспертно-консультативных организаций Совета Европы. Эксперты данной организации сошлись во мнении, что если вопрос применения

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. П. 2.2 // Российская газета. 27.07.2015. № 163.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 05.05.2016. № 95 ; постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 03.02.2017. № 24.

общих мер на основе того или иного решения ЕСПЧ еще может быть предметом рассмотрения в конституционном суде соответствующего государства, то этого нельзя сказать о реализации мер индивидуальных, в том числе связанных с выплатой денежных компенсаций жертвам нарушения Конвенции.

Кроме того, эксперты обратили внимание на то, что предлагаемая на тот момент редакция ст. 79 Конституции РФ существенно расширяла сферу дискреции государства в разрешении вопроса о неисполнимости своих международных обязательств путем установления в качестве единственного основания для принятия такого решения противоречия между Конституцией РФ и решением межгосударственного органа⁸.

Не вдаваясь в системный анализ всевозможных правовых последствий указанных конституционных поправок для имплементации правовых позиций ЕСПЧ в систему российского уголовного судопроизводства, обратимся к текущим проблемам уголовно-процессуального регулирования на основе обзора актуальных постановлений ЕСПЧ. Большинство данных постановлений не выявляет прямого противоречия с содержанием российских законодательных актов, относящихся к источникам уголовно-процессуального права.

Вместе с тем практика ЕСПЧ может являться маркером отдельных лагун в правовом регулировании. Одной из нерешенных на сегодняшний день проблем остается ограниченный потенциал доследственной проверки, регулируемой ст. 144, 145 УПК РФ. На фоне доктринальных дискуссий о возможности или необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела, в повседневной практике ЕСПЧ с привычной уже регулярностью продолжают появляться постановления, констатирующие ответственность российских властей за нарушение своих процессуальных обязательств по ст. 2 и ст. 3 Конвенции.

Суть данных нарушений сводится к неэффективности проведенного «расследования» по заявлениям или сведениям о применении представителями власти недозволенных методов расследования, в том числе физического насилия и угроз. Рассматривая данную категорию дел, ЕСПЧ вполне традиционно проверяет тот объем мероприятий, который был проведен следственными органами государства в ходе проверки сообщения о должностном преступлении. Сам термин «расследование» в данном случае понимается автономно от российских уголовно-процессуальных институтов, и обозначает урегулированную законом деятельность государства, направленную на всестороннее установление обстоятельств произошедшего, изобличение виновных, установление степени их вины и компенсацию причиненного пострадавшему вреда.

Несмотря на соответствие иным критериям эффективности, российские правоохранительные органы *de jure* в ходе проверок сообщений о преступлениях не уполномочены проводить такие следственные действия, как проверки показаний на месте, очные ставки или предъявления для опознания, что с точки зрения ЕСПЧ существенно снижает эффективность таких проверок.

⁸ Мнение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) по законопроекту о поправках к Конституции РФ // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)009-e&fbclid=IwAR18I-IemLyL-oQE6Qzj963HyJZqkgcluK_yUlvS6kib_du0DDhLNASPri0](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)009-e&fbclid=IwAR18I-IemLyL-oQE6Qzj963HyJZqkgcluK_yUlvS6kib_du0DDhLNASPri0) (дата обращения: 24.10.2020).

Свидетельством актуальности данной проблемы может послужить совсем свежее постановление ЕСПЧ по делу «X. и Y. против России» от 22.09.2020. Рассматривая жалобу осужденного на применение к нему физического насилия в отделе полиции в первые часы после задержания, ЕСПЧ в очередной раз цитирует свою прецедентную позицию о том, что «простое проведение доследственной проверки является недостаточным в тех случаях, когда власти должны выполнить свои процессуальные обязательства по ст. 3 Конвенции, связанные с проведением эффективного расследования заявлений о насилии, которому заявитель подвергся в помещении органа полиции».

Впрочем, в данном конкретном деле нарушение государством своих процессуальных обязательств по ст. 3 Конвенции было обусловлено не столько правовой регламентацией доследственных проверок по УПК РФ, сколько недостатком тщательности при производстве такой проверки. По данному факту не были опрошены ключевые очевидцы предполагаемого насилия в полицейском участке, включая лиц, которые содержались там под стражей, также не был проведен осмотр места происшествия⁹. В других решениях ЕСПЧ по данной проблематике обнаруживается узость рамок правового регулирования перечня следственных и иных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела.

Так, в постановлении по делу «Попов против России» от 02.07.2019 при оценке исполнения российскими властями своих процессуальных обязательств по ст. 3 Конвенции ЕСПЧ обратил внимание на такие недостатки доследственной проверки, как непроведение очных ставок между «подозреваемыми» и заявителем, а также отсутствие попыток воспроизвести обстановку на месте происшествия (можно предположить, что речь здесь идет о проверке показаний заявителя на месте либо о проведении следственного эксперимента)¹⁰. В указанном постановлении отмечены и иные нарушения, снизившие эффективность доследственной проверки, однако вопрос ограниченности перечня допустимых в ходе такой проверки следственных действий остается одной из нерешенных на сегодняшний день проблем по делам о «полицейском насилии».

Поверхностность и неполнота доследственных проверок имеют еще один немаловажный аспект. В некотором смысле данные недостатки подрывают эффективность институтов ретроспективного судебного контроля, когда жалобы на насилие в полицейском участке заявляются уже в ходе рассмотрения дела по существу в контексте рассмотрения вопроса о допустимости признательных показаний обвиняемого.

К числу несомненных достоинств постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» можно отнести его пункт 12, в котором суды ориентируются на принятие достаточных и эффективных мер по проверке заявления подсудимого о применении к нему насилия со стороны пред-

⁹ Постановление ЕСПЧ по делу «X. и Y. против России» от 22.09.2020 г. // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁰ Постановление ЕСПЧ по делу «Попов против России» от 02.07.2019 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

ставителей власти при получении показаний в присутствии защитника. Этот же пункт рассматриваемого постановления рекомендует судам направлять такие заявления руководителю органа предварительного расследования и не ограничиваться результатами такого расследования при разрешении вопроса о допустимости спорных показаний. Оценка судом результатов доследственной проверки должна найти отражение в приговоре.

Можно высказать некоторое сожаление о том, что в тексте рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ не нашли отражения более четкие критерии, которыми мог бы руководствоваться суд первой инстанции при оценке эффективности проведенной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. Отсутствие ясных представлений о данных критериях, а также неверное распределение судом бремени доказывания в спорах о допустимости доказательств приводит к увеличению решений ЕСПЧ, в которых нарушение процессуальных обязательств по ст. 3 Конвенции связывается именно с неэффективностью судебного контроля.

К числу таких критериев можно отнести, среди прочего, своевременное проведение судебно-медицинской экспертизы по жалобам на телесные повреждения, наличие в решении, вынесенном по результатам проверки, детальных сведений о действиях сотрудников полиции по применению физического принуждения, которые позволяли бы оценить необходимость и соразмерность этих действий¹¹. Таким образом, даже в отсутствие глубоких институциональных реформ стадии возбуждения уголовного дела включение в текст разъяснений Пленума Верховного Суда РФ соответствующих критериев проверки заявлений подсудимых о применении к ним насилия со стороны представителей власти может обеспечить гармонизацию российской правоприменительной практики со стандартами ЕСПЧ в данной сфере.

Другой нерешенной на сегодняшней день проблемой являются недостатки правового регулирования порядка получения и использования заявления о явке с повинной. Отсутствие в законе требования о необходимости оформления такого заявления в присутствии адвоката рассматривается ЕСПЧ как фактор, который требует особенно тщательной проверки доводов обвиняемого о недобровольном характере такого заявления. При его использовании в доказывании на сторону обвинения переходит бремя доказывания того, почему исключительно в обстоятельствах конкретного дела общая справедливость судебного разбирательства не нарушается использованием заявления о явке с повинной.

При этом ЕСПЧ учитывает такие факторы, как: 1) нахождение обвиняемого в уязвимом положении в силу здоровья, возраста или иных причин; 2) наличие сведений о применении к обвиняемому насилия в период времени, относящийся к получению заявления о явке с повинной; 3) опровержение обвиняемым содержания заявления о явке с повинной; 4) наличие других доказательств в отношении обвиняемого; 5) оценка профессиональным судьей всех доказательств по делу; 6) публичный интерес в уголовном преследовании обвиняемого (характер и степень общественной опасности инкриминируемого ему преступления).

¹¹ Постановления ЕСПЧ по делам «Коняев против России» от 26.03.2019 ; «Габбазов против России» от 05.03.2019 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

Довольно показательным в этом отношении является постановление ЕСПЧ по делу «Балбашев против России», в котором установлено, что заявление обвиняемого о явке с повинной в связи с совершением разбоя и убийства явилось центральным доказательством, вокруг которого возникло уголовное дело. В отсутствие орудия преступления или тела жертвы суд первой инстанции в данном деле ориентировался главным образом на признательные показания двух соучастников заявителя, которые впоследствии изменили свои показания. Ни одно из этих доказательств не являлось прямым. В такой ситуации ЕСПЧ пришел к выводу о том, что заявление о явке с повинной играло значительную роль в доказательственной базе обвинения. Наличие возможностей оспорить данное заявление в суде не рассматривается ЕСПЧ как эффективное средство защиты в связи с отсутствием в законодательстве требования о присутствии защитника во время получения данного заявления¹².

Не утрачивают своей актуальности правовые позиции ЕСПЧ, определяющие стандарты судебного контроля за законностью производства оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права личности на неприкосновенность жилища и уважение частной жизни. Результаты данных оперативно-розыскных мероприятий используются в качестве доказательств по уголовным делам, а следственные действия, проводимые в целях их проверки, не обеспечивают контроля в отношении пропорциональности ограничения конституционных прав обвиняемых.

В целой серии своих решений ЕСПЧ отмечал отсутствие в России нормативной основы, определяющей стандарты судебной проверки необходимости и пропорциональности ограничений права на уважение частной жизни. Типичными недостатками судебных решений являются отсутствие в них обоснования разумности подозрений в отношении «заподозренного» лица, а также оценки пропорциональности ограничения его прав преследуемой властями законной цели¹³.

ЕСПЧ требует от национальных судов того, чтобы они обеспечивали баланс частных и публичных интересов при принятии решений, санкционирующих производство оперативно-розыскных мероприятий. В деле «Зубков и другие против России» неэффективность национального судебного контроля, среди прочего, была выявлена уже на стадии судебного разбирательства, когда российский суд формально подошел к проверке доводов подсудимого о получении доказательств против него в результате необоснованных оперативно-розыскных мероприятий¹⁴.

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19, посвященного вопросам судебного контроля за производством следственных

¹² Постановление ЕСПЧ по делу «Балбашев против России» от 22.09.2020 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹³ Постановления ЕСПЧ по делам «Дудченко против России» от 07.11.2007 ; «Ахлюстин против России» от 07.11.2017 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Зубков и другие против России» от 07.11.2017 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

действий, не было достаточной мерой для имплементации отмеченных правовых стандартов из практики ЕСПЧ. Разъяснения данного постановления обходят молчанием вопрос о необходимости судебного контроля в отношении пропорциональности вмешательства в осуществление конституционных прав.

Нарастающая цифровизация уголовного судопроизводства, применение и совершенствование технологий удаленного доступа для обеспечения коммуникации между судом и участниками судебных разбирательств актуализируют поиск нормативной основы для использования таких технологий в гармонии с международными стандартами защиты прав человека. В этой связи крайне актуальны сегодня правовые позиции ЕСПЧ, которые могут быть использованы для формирования правовых режимов использования технологий видео-конференц-связи, а также веб-конференций.

В постановлении по делу «Евдокимов и другие против России»¹⁵ ЕСПЧ в очередной раз подчеркнул, что подобная форма участия в судебных заседаниях сама по себе не противоречит требованиям справедливого судебного разбирательства при условии, что заключенный имеет эффективную возможность следить за ходом судебного заседания, видеть его участников и слышать их речь. Не менее важна техническая возможность, позволяющая другим участникам судебного заседания видеть и слышать заключенного.

Постановление по делу «Сахновский против России» до сих пор актуально в части правовых позиций ЕСПЧ, определяющих гарантии защиты права на справедливое судебное разбирательство при удаленной коммуникации обвиняемого с судом. К числу таких гарантий относятся: 1) наличие достаточного времени и возможности проконсультироваться со своим защитником лично до момента начала судебного заседания; 2) наличие у защитников возможности присутствовать в помещении, в котором находится заявитель (на случай необходимости предоставления ему конфиденциальных кратких консультаций); 3) наличие возможности организовать устное общение между обвиняемым и его защитником посредством защищенных телефонных каналов связи (в той ситуации, когда защитник и обвиняемый находятся в разных помещениях).

Очевидно, что данные правовые позиции ЕСПЧ нарушаются в гораздо большем числе дел, чем это видно из его судебной практики. Имплементация данных правовых позиций, на наш взгляд, требует создания качественной правовой базы применения технологий удаленного доступа в судебных заседаниях, а именно отдельной правовой нормы, которая определяла бы условия, основания применения данных технологических решений в уголовном судопроизводстве, права участников судебного заседания и гарантии их защиты, вытекающие из соответствующих постановлений ЕСПЧ.

¹⁵ Постановление по делу «Евдокимов и другие против России» от 16.02.2016 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

**Сергей Владимирович
МАТВЕЕВ,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
svmatveev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Светлана Михайловна
КОЛОТОВА,**

помощник Мещанского
межрайонного прокурора
г. Москвы, юрист 3 класса
svfdn@bk.ru
127051, Россия, г. Москва,
ул. Трубная, д. 19/12, стр. 1

ИНСТИТУТ ЭКСТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Институт экстрадиции является одним из самых важных направлений интернационального сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, поскольку с помощью данного инструмента обеспечивается достижение основополагающих принципов уголовного процесса, к которым относятся: восстановление нарушенных совершенным преступлением прав потерпевшего, применение справедливого наказания к преступнику, несмотря на различия в правовом регулировании данного вопроса в юрисдикции различных государств. Вместе с тем должной правовой регламентации в настоящее время указанный институт не имеет, в связи с чем деятельность правоохранительных органов в данной части вызывает определенные затруднения.*

В статье проанализированы некоторые особенности правового регулирования института экстрадиции в уголовном процессе Российской Федерации, определены актуальные проблемы теории и практики применения. Кроме того, предложены пути разрешения проблем правового регулирования указанного института. Акцентируется внимание на необходимости не только внесения изменений в законодательную базу, но и модернизации самого механизма экстрадиции. Рассматриваются актуальные вопросы, возникающие при осуществлении процедуры экстрадиции по запросу как Российской Федерации, так и иностранных государств.

Ключевые слова: *экстрадиция, выдача лиц, совершивших преступления, нормативно-правовое регулирование, условия выдачи, основания выдачи, мера пресечения, заключение под стражу, требование о выдаче, предварительное следствие, дознание, цифровые технологии.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.126-135

S. V. MATVEEV,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University(MSAL),
Cand. Sci. (Law)
svmatveev@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

S. M. KOLOTOVA,

Assistant to the Meshchansky interdistrict prosecutor
of Moscow, lawyer of the 3 class
svfdn@bk.ru
127051, Russia, Moscow, ul. Trubnaya, 19/12, str. 1

CURRENT PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF EXTRADITION IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The Institute of extradition is one of the most important areas of international cooperation in the fight against crime, since this tool ensures the achievement of the fundamental principles of the criminal process, which include: the restoration of the rights of the victim violated by the crime, the application of fair punishment to the criminal, despite the differences in the legal regulation of this issue in the jurisdiction of different States. However, should the legal regulation currently, this institution does not have, and therefore the activities of law enforcement agencies in this part cause certain difficulties.*

The article analyzes some features of the legal regulation of the institution of extradition in the criminal process of the Russian Federation, identifies current problems of theory and practice of application. In addition, the author suggests ways to solve the problems of legal regulation of this institution. Attention is focused on the need to make changes not only to the legislative framework, but also to modernize the extradition mechanism itself. In addition, the current issues that arise in the course of the extradition procedure, both at the request of the Russian Federation and foreign States, are considered.

Keywords: *extradition, extradition of persons who have committed crimes, legal regulation, conditions of extradition, grounds for extradition, preventive measure, detention, extradition request, preliminary investigation, inquiry, digital technologies.*

Институт экстрадиции в настоящее время приобретает особое значение, так как в современном мире преступность является особой проблемой не только для отдельных государств, но и для всех стран мира. Однако, несмотря на большую важность указанного института, его нормативно-правовое регулирование является довольно-таки сложным и массивным.

Институт экстрадиции по правовой природе можно считать межотраслевым. История развития экстрадиционных норм показывает, что указанные нормы, раз-

виваясь, в конечном итоге сочетают в себе уголовное, уголовно-процессуальное и международное законодательство, что предопределяет некоторые особенности и сложности его регулирования. Стоит отметить, что положения национального законодательства не всегда отвечают требованиям международно-правовых актов. Таким образом, факт отсутствия надлежащего правового регулирования и правового сотрудничества между государствами по данному вопросу может использоваться лицами для совершения преступления и избежания впоследствии наказания за содеянное.

В регулировании вопросов, возникающих в ходе экстрадиционных проверок, международный договор является главнейшим источником правовых норм, который может быть двусторонним или многосторонним. Как правило, в международных договорах фиксируются положения, обязывающие стороны по просьбе одного из государств выдавать другой стороне лиц, совершивших преступные деяния с целью привлечь последних к уголовной ответственности или привести приговор в исполнение. Российская Федерация имеет множество двусторонних и многосторонних международных договоров, которые регламентируют вопросы выдачи преступников.

Кроме того, институт экстрадиции закреплен и регламентируется на уровне национального законодательства. Помимо международных договоров, вопросы выдачи также отражают межправительственные соглашения о сотрудничестве, регулирующие борьбу с определенными видами преступлений.

Хотя все перечисленные международные соглашения являются источниками экстрадиционных норм, некоторые из них имеют определенные коллизии в смежных правовых нормах. К примеру, нормы Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее — Минская конвенция) и Европейской конвенции о выдаче 1957 г. регламентируют основания временного задержания лица, подлежащего выдаче.

Противоречия содержат нормы, которые устанавливают сроки освобождения лица, задержанного или взятого под стражу. Так, Минская конвенция 1993 г. определяет этот срок как период времени до поступления требования о выдаче, он не может превышать период, предусмотренный законодательством для задержания¹. В данном случае для Российской Федерации предельный срок задержания будет составлять 48 часов, если этот срок не будет продлен судом на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения. В Европейской конвенции о выдаче 1957 г. содержится положение о том, что временное задержание может быть отменено, если запрашиваемая сторона не получила просьбу о выдаче и необходимых документах в течение 18 дней после ареста².

Указанные международные соглашения, являясь источниками норм, регламентирующих порядок экстрадиции в Российской Федерации, между тем содержат различные положения, устанавливающие порядок ее проведения, что вызывает

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения: 03.10.2020).

² Европейская конвенция о выдаче от 13.12.1957 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121346/ (дата обращения: 03.10.2020).

сложности в применении. В Российской Федерации основным источником правовых норм, регулирующих процесс экстрадиции и определяющих ее сущность, можно назвать Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ), а именно его часть 5, полностью посвященную нормам, устанавливающим правила международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Закрепление основных положений, относящихся к регламентации процедуры экстрадиции в рамках уголовно-процессуального законодательства, является важнейшим шагом в развитии правового регулирования данного института. Однако стоит отметить, что данные нормы требуют определенной коррекции и дополнения.

Несмотря на наличие некоторых пробелов в уголовно-процессуальном регулировании процедуры экстрадиции, наличие данных норм в УПК РФ является целесообразным, поскольку в процессе выдачи реализуются цели и назначение уголовного судопроизводства. Кроме того, стоит отметить, что все действия по реализации на практике процедуры экстрадиции осуществляются лицами, являющимися участниками уголовного судопроизводства (следователь, прокурор, суд) либо в их отношении (обвиняемый). Запуск экстрадиционного механизма возможен только в рамках возбужденного уголовного дела, что входит в непосредственную регламентацию уголовно-процессуального права.

В связи с большим объемом неупорядоченных должным образом источников, в которых содержатся нормы, регулирующие процедуру экстрадиции, нередко у правоохранительных органов Российской Федерации возникает множество вопросов при рассмотрении и разрешении поступивших из других государств запросов о выдаче, а также при направлении аналогичных запросов в правоохранительные органы иных стран, принятии законных решений в ходе и по результатам экстрадиционных проверок. Указанное негативно сказывается на качестве, оперативности и полноте данных проверок.

Следует отметить, что в Российской Федерации нет единого закона, который включал бы в себя все нормы, касающиеся порядка выдачи лиц, совершивших преступные деяния, хотя для этого существуют определенные исторические предпосылки. Так, «в Российской империи существовал закон “О выдаче преступников по требованию иностранных государств”, представлявший собой свод норм, ранее рассредоточенных в заключенных договорах с другими государствами, который был принят Государственной думой 19 марта 1911 года, а после его подписания императором Николаем II опубликован 15 декабря 1911 года и вступил в силу с января 1912 года. В результате Россия оказалась в числе государств, имеющих специальный закон об экстрадиции»³. Однако уже в 1914 г. этот закон практически не применялся, а после 1917 г. полностью утратил свою силу.

Целесообразной является мысль о принятии единого закона, фиксирующего основания и порядок выдачи и передачи граждан, совершивших преступления на территории Российской Федерации и за ее пределами и в связи с этим скрывающихся, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, преследованию, наказанию и исполнению приговора в отношении последних. Представляется, что указанный нормативный правовой акт должен включать в себя нормы как нацио-

³ Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб. : Юрид. центр-Пресс, 2004. С. 64.

нального, так и международного права, иметь общую часть, касающуюся сходных норм в регулировании правоотношений между несколькими государствами, и особенную, касающуюся некоторых особенностей, присущих регулированию правоотношений с отдельными государствами. Указанное поможет устранить проблемы адаптации «старых» международных договоров к потребностям современной правовой системы.

Вместе с тем процесс создания единого закона, регулирующего институт экстрадиции, может стать довольно затяжным, поскольку в ходе его разработки анализу должен подвергаться огромный массив как национального, так и международного законодательства. Кроме того, законодателю необходимо выбрать оптимальную форму, в которую будут обличены скомпонованные нормы, относящиеся к регулированию данного института. Несомненно, также необходимо теоретическое осмысление указанного вопроса. Поэтому для быстрого разрешения вопросов, возникающих при применении действующих правовых норм, в настоящее время имеется объективная потребность во внесении отдельных изменений в уже существующие правовые акты, регулирующие институт экстрадиции.

Несмотря на значительное внимание, уделявшееся вопросам экстрадиции в научном сообществе, существует необходимость переосмысления проблем, возникающих в процессе выдачи лиц, совершивших преступления, с учетом современного развития человеческого общества. Как известно, мировое сообщество вступило на путь массовой информатизации и цифровизации во многих областях общественной жизни. Не обошло данное явление и сферу уголовного судопроизводства Российской Федерации. Институт экстрадиции является одним из важнейших в уголовно-процессуальном праве России, однако должного внимания к модернизации норм, его регулирующих, законодателем не проявляется. В настоящее время процедура экстрадиции является довольно сложной и затяжной, что требует принятия необходимых мер по ее кардинальному изменению.

Немаловажным фактором, влияющим на своевременное исполнение направленного запроса о выдаче лица, является оперативное направление документов в публичные органы власти запрашиваемого государства по соответствующим каналам связи. Такие каналы, а также компетентные органы, ответственные за получение поступивших запросов, по обыкновению определяются государствами самостоятельно при подписании двусторонних и многосторонних соглашений.

Анализ международных договоров показывает, что необходимые документы возможно направить с помощью дипломатических каналов, факсимильной связи, а также с использованием иных средств коммуникации с одновременным направлением оригинала требования с помощью средств почтовой связи. Национальный законодатель от решения вопроса о форме передачи соответствующего пакета документов, необходимых для производства выдачи, устранился.

В настоящее время возросла роль информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Представляется, что достижения в указанной сфере возможно использовать для упрощения процедуры направления соответствующего запроса, а также прилагаемых к нему документов.

Вероятно, также возможно рассмотреть вопрос о создании единой комплексной системы международного электронного документооборота с защитой от несанкционированного доступа к информации. Данный сервис позволит вести

документооборот полностью на веб-интерфейсе. С его помощью можно также создать единую базу лиц, находящихся в международном розыске.

Таким образом, ряд документов, имеющих значение для процедуры розыска и экстрадиции лиц, будет существовать исключительно в одной электронной версии. Также данная цифровая платформа поможет обеспечить защиту персональных данных, предотвратить утечку информации лицам без права на доступ к ней, значительно сократит сроки получения документов. Кроме того, упростится процедура осуществления контроля за исполнением поступивших запросов о выдаче. Указанные меры являются целесообразными для недопущения нарушения основополагающих прав и свобод человека и гражданина, а также предотвращения возможности избежания впоследствии наказания за совершенное лицом преступление.

Особое внимание следует уделить срокам рассмотрения запроса, поступившего в Генеральную прокуратуру РФ, о выдаче лица. В настоящее время национальное законодательство не устанавливает точные сроки такого требования. Если обратиться к положениям международных соглашений, то они также не содержат конкретных норм о сроках исполнения поступившего запроса. Единственным актом, указывающим на конкретные сроки исполнения запросов о выдаче, является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 (Кишиневская конвенция), которая в ч. 1 ст. 71 устанавливает 30-дневный срок после поступления⁴.

Несомненно, такой пробел в законодательстве является недопустимым и подлежит скорейшему восполнению, поскольку факт отсутствия конкретных сроков исполнения полученных запросов может повлечь необоснованное затягивание сроков проведения экстрадиционных проверок, нарушение прав и законных интересов лиц, подверженных выдаче. С учетом существующего в настоящее время механизма экстрадиции представляется возможным внести соответствующие изменения в ч. 4 ст. 462 УПК РФ, установив срок исполнения запроса о выдаче лиц в 30 суток. В дальнейшем данный срок возможно скорректировать в сторону сокращения.

Кроме того, определенные вопросы возникают и при осуществлении процедуры экстрадиции лица, находящегося на территории иностранного государства по запросу Российской Федерации. Анализ норм международно-правовых договоров и положений УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что органы государственной власти Российской Федерации вправе требовать выдачи следующих лиц, находящихся на территории иного государства:

Во-первых, речь идет о лицах, в отношении которых ведется уголовное преследование. Так, некоторые авторы считают, что Российская Федерация может потребовать только выдачи лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого⁵. Однако такое положение стоит считать спорным. Как известно, действующее уголовно-процессуальное законодательство

⁴ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения: 03.10.2020).

⁵ *Строганова А. К.* Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 74.

Российской Федерации предусматривает две основные формы (процессуального порядка) производства предварительного расследования: дознание (упрощенная форма) и предварительное следствие (основная форма)⁶.

При осуществлении следствия процессуальный статус обвиняемого придается путем вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Однако для такой формы расследования, как дознание, не предусмотрено придание процессуального статуса обвиняемого до составления обвинительного акта или обвинительного постановления.

Исключением является случай, предусмотренный ч. 3 ст. 224 УПК РФ, когда дознавателю не представляется возможным составить обвинительный акт не позднее 10 суток со дня заключения под стражу, лицу предъявляется обвинение в порядке, установленном гл. 23 УПК РФ.

Таким образом, исходя из положений авторов, считающих возможным выдать только лиц, получивших статус обвиняемых в установленном законом порядке, необходимо отметить тот факт, что указанным исключается возможность экстрадировать подозреваемых при осуществлении дознания. Данные выводы служат основанием для размышлений о том, что на всем протяжении дознания до составления дознавателем обвинительного акта или обвинительного постановления, если лицо скрылось от органов, осуществляющих предварительное расследование в указанной форме, направление запроса о выдаче такого лица является абсолютно невозможным. Однако ни один международный договор, ни нормы УПК РФ не содержат прямого запрета на требование выдачи лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Именно поэтому стоит считать, что выдаче подлежит любое лицо, совершившее такое правонарушение, наказание за которое может служить основанием для направления запроса об экстрадиции для целей уголовного преследования.

Во-вторых, речь идет о выдаче осужденного, признанного по приговору суда Российской Федерации виновным в совершении преступления и покинувшего территорию государства до окончания его исполнения.

Также важным является вопрос о сроках применения к лицу, подлежащему экстрадиции, мер процессуального принуждения и мер пресечения, поскольку указанное регламентируется многими правовыми актами по-разному. Процесс экстрадиции во всех случаях означает применение к запрашиваемому лицу ограничительных мер. В законодательстве РФ не существует отдельной меры принуждения или меры пресечения в отношении экстрадируемых лиц.

Меры пресечения могут применяться к лицу как до, так и после получения запроса о выдаче. Такие меры применяются в целях осуществления гарантий по предотвращению возможного уклонения лиц, совершивших преступления. В числе мер, применяемых к данным лицам, можно указать задержание, а также заключение под стражу (в международных актах употребляется иной термин — арест).

Согласно ст. 16 Европейской конвенции о выдаче 1957 г., у государств, ратифицировавших данную Конвенцию, существует возможность в случаях, не терпящих отлагательств, применить к разыскиваемому лицу временное задер-

⁶ *Лупинская П. А.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. М. : Норма ; Инфра-М, 2018. С. 454.

жание. Несмотря на различие в терминологии, данная статья предусматривает применение к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Указанное означает, что до получения запроса о выдаче от компетентных публичных органов иностранного государства власти Российской Федерации вправе применить к запрашиваемому лицу меру пресечения.

Возможность избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу до получения запроса предусмотрено Минской конвенцией 1993 г. Однако данная Конвенция связывает избрание меры пресечения с поступлением ходатайства, в котором должны содержаться необходимые сведения, а именно ссылка на постановление о взятии под стражу, приговор, вступивший в законную силу, а также указание на то, что запрос о выдаче данного лица будет представлен компетентными органами. В то же время такое ходатайство в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством не является основанием для применения меры пресечения в соответствии со ст. 108 УПК РФ.

Нормы национального законодательства не содержат положений, в которых устанавливался бы порядок заключения лица под стражу до получения Генеральной прокуратурой РФ запроса о выдаче. Указанное создает определенные проблемы при применении данной меры пресечения на практике. Несомненно, в данной части законодательство РФ также подлежит корректировке путем внесения соответствующей статьи в УПК РФ, регламентирующей порядок задержания и заключения лица под стражу до поступления запроса о выдаче.

В настоящее время порядок заключения под стражу лица, находящегося на территории РФ до поступления соответствующего запроса о выдаче, определен следующим образом. Прокуроры должны избрать в отношении запрашиваемого лица меру пресечения в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ. Этот порядок предусматривает возбуждение перед судом ходатайства об избрании указанной меры пресечения. В необходимых случаях прокуроры вправе обращаться в суд с ходатайством о продлении срока содержания вышеуказанных лиц под стражей.

Национальное законодательство не содержит норм, регламентирующих максимальный срок содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче, что также допускает нарушение прав лиц, подвергшихся применению в отношении них такой меры пресечения. В связи с изложенным также целесообразно изменить законодательство в данной части, указав предельные сроки такого содержания.

Применению к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу предшествует задержание лица, которое применяется для решения ряда процедурных вопросов. Однако нормы уголовно-процессуального законодательства РФ также не содержат правовой регламентации данной процедуры. Вместе с тем указание Генеральной прокуратуры от 05.03. 2018 № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» (далее — Указание) содержит упоминание о задержании лиц, подлежащих выдаче⁷.

⁷ Указание Генеральной прокуратуры от 05.03.2018 № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71807992/> (дата обращения: 03.10.2020).

На практике нередки случаи, когда лицо, подлежащее выдаче, задерживается правоохранительными органами. В таких ситуациях должностными лицами для обоснования задержания указываются различные причины. Однако представляется правильным изменение ст. 91 УПК РФ — дополнение ее новым основанием для задержания. Кроме того, также возможно принятие новой статьи «Задержание лица, находящегося в международном розыске», которая регламентировала бы основание и порядок осуществления такого задержания.

Также в национальном законодательстве существуют определенные пробелы правового регулирования механизма действия правоохранительных органов после разрешения вопроса о выдаче запрашиваемого лица. Действующий УПК РФ не рассматривает процедурные вопросы передачи иному государству лица, в отношении которого удовлетворено требование о выдаче. Так, после принятия решения о выдаче компетентные публичные органы Российской Федерации обязаны принять меры по скорейшей передаче требуемого лица.

Далее Российская Федерация уведомляет иностранное государство о месте, дате и времени передачи. Однако здесь опять же законодатель устраняется от регламентации возможных каналов передачи соответствующей информации. Если лицо не будет принято в течение 15 суток со дня, установленного для передачи, то оно может быть освобождено из-под стражи. Процессуальный порядок передачи лиц, запрос о выдаче которых удовлетворен Генеральной прокуратурой РФ, находится вне рамок уголовно-процессуального регулирования.

Организационно-технические вопросы, возникающие в связи с выдачей лица иному государству, с его последующим этапированием, находятся в компетенции Генеральной прокуратуры РФ. УПК РФ рассматривает только общие положения, касающиеся передачи лиц, вопрос о выдаче которых разрешен положительно. Вместе с тем, несмотря на то, что экстрадиция входит в полномочия Генеральной прокуратуры РФ, в Указании также не оговаривается, каким образом должна осуществляться передача лица и кому именно.

Представляется, что введение в действующий УПК РФ норм, регламентирующих такой процесс, нецелесообразно, поскольку указанные нормы значительно перегрузят существующее уголовно-процессуальное законодательство. Кроме того, закрепление таких важных процессуальных положений в локальных актах является невозможным. Однако при реализации идеи о создании единого закона возможно предусмотреть наличие в нем главы, содержащей нормы, устанавливающие процессуальный порядок передачи лиц, подлежащих выдаче.

Таким образом, обобщая изложенное, можно сделать вывод, что нормы, регламентирующие институт выдачи лиц, совершивших преступления, нуждаются в изменении. Идея о принятии единого закона на уровне Российской Федерации является кардинальным решением, и такие изменения могут принять затяжной характер. Для оперативности реагирования на сложившуюся в настоящий момент ситуацию, связанную с наличием большого объема пробелов правового регулирования в данной сфере, необходима корректировка уже существующего национального законодательства.

Кроме того, изменения необходимы и в части организационно-технического вопроса процедуры экстрадиции. Указанное позволит обеспечить соблюдение

прав граждан при осуществлении выдачи лиц, что положительно скажется на реализации такого важного принципа, как назначение уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бойцов А. И.* Выдача преступников. — СПб. : Юрид. центр-Пресс, 2004. — 795 с.
2. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. — 2019. — № 5. — С. 91—104.
3. *Лупинская П. А.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник — М. : Норма ; Инфра-М, 2018 . — 1008 с.
4. *Строганова А. К.* Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.

Зарубежный опыт

Елена

**Константиновна
АНТОНОВИЧ,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук,
полковник внутренней
службы в отставке
e.ant@inbox.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В НИДЕРЛАНДАХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Аннотация. *Цифровизация различных сфер современной жизни становится все более обсуждаемой. В юридической литературе анализируются различные подходы. Многие государства стремятся радикально улучшить свое судопроизводство посредством использования информационных технологий. В этой связи особый интерес представляет опыт государств, которые эффективно применяют цифровизацию в различных отраслях.*

Нидерланды входят в число мировых лидеров по цифровизации. Получить одно из ведущих положений в этой сфере Нидерландам удалось благодаря реализуемой политике, связанной с переводом государственных коммуникаций в электронный вид, обеспечением оперативной совместимости, конфиденциальности и надежности электронных услуг, открытием доступа к государственной информации. Занимая одно из ведущих мест среди европейских государств, ведущих эффективную борьбу с компьютерными преступлениями, Нидерланды постоянно совершенствуют уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В этой связи опыт Нидерландов представляет особый интерес.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, цифровые технологии, цифровизация, доказательства, информационные технологии, Нидерланды.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.136-149

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по гранту РФФИ на основании договора от 04.10.2018 № 18-29-16041.МК, при информационной поддержке СПС «Консультант-Плюс».

E. K. ANTONOVICH,

*Associate professor of the Department of Criminal Procedural Law
of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), retired colonel of internal service
e.ant@inbox.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

ELECTRONIC CRIMINAL JUSTICE IN THE NETHERLANDS: MODERN CONDITION AND PROSPECTS

Abstract. *The digitalization of various spheres of modern life is becoming more and more discussed. Various approaches are analyzed in the legal literature. Many countries are seeking to radically improve their legal procedures through the use of information technology. In this regard, of particular interest is the experience of those states that effectively use digitalization in various industries.*

The Netherlands is among the world leaders in digitalization. The Netherlands managed to get one of the leading positions in this area thanks to the implemented policy related to the transfer of government communications in electronic form, ensuring interoperability, confidentiality and reliability of electronic services, and opening access to government information. Occupying one of the leading places among European states leading an effective fight against computer crimes, the Netherlands is constantly improving its criminal and criminal procedure legislation. In this regard, the experience of the Netherlands is of particular interest.

Keywords: *criminal justice, digital technology, digitalization, evidence, information technology, Netherlands.*

Уровни внедрения информационных технологий в различных государствах сильно различаются, в некоторых из них информационные технологии все еще в значительной мере используются лишь для обслуживания бумажных процессов. В 2017—2018 гг. проведенный согласно решениям Совета Европы опрос 1 700 работников суда из 12 государств ЕС о перспективах использования искусственного интеллекта (далее — ИИ) показал: более 50 % в качестве первоочередной функции выделили относительно простые служебные функции ИИ, связанные с визуализацией, переводами и т.п. Более 20 % выразили заинтересованность в наличии инструмента, позволяющего распознавать аналоги ситуаций, рассматривавшихся в судебном процессе в прошлом, и создании подборок документов по данным ситуациям. Еще 20 % опрошенных сказали, что им ИИ не интересен и не нужен. Высказывания оставшихся 10 % примерно пополам разделились между поисковой и прогностической функциями ИИ².

² Ларина Е., Овчинский В. Искусственный интеллект. Судебная система. Этика и право // Книжный мир. 2020. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/iskusstvennyj-intellekt-sudebnaya-sistema-etika-i-pravo-glavy-iz-knigi/> (дата обращения: 01.08.2020).

Таким образом, около 80 % опрошенных судебных работников не увидели необходимости использования ИИ в своей работе, а значит, и потребности в повышении уровня своих знаний в этой области. Тем ценнее опыт государств, стремящихся радикально улучшить свое судопроизводство посредством использования информационных технологий.

Согласно рейтингу Digital Economy and Society Index (DESI) 2019, Финляндия, Швеция и Нидерланды «входят в число мировых лидеров по цифровизации»³. Получить одно из ведущих положений в списке из 190 стран Нидерландам удалось благодаря реализуемой более 20 лет политике, связанной с переводом государственных коммуникаций в электронный вид, обеспечением оперативной совместимости, конфиденциальности и надежности электронных услуг, открытием доступа к государственной информации.

Развитие проекта электронного правительства в Нидерландах осуществляется благодаря открытому взаимодействию всех заинтересованных сторон: государственных структур, исследовательских и некоммерческих организаций, бизнеса и рядовых граждан. Важный шаг в этом взаимодействии был сделан благодаря *Хартии e-гражданина* (E-citizen Charter). Этот свод руководящих принципов национальной концепции развития электронного правительства рассматривает гражданина не как пассивного потребителя, а как активного члена общества.

Закон 2003 г. об электронных подписях, принятый в Нидерландах на основании Модельного закона ЕС 1999 г. об электронных подписях, признал электронную подпись на электронном документе равнозначной собственноручной подписи на бумажном документе. Для реализации положений Закона создана инфраструктура открытых ключей, способствующая широкому, но упорядоченному использованию средств криптозащиты. А с 2007 г. в Нидерландах публикация официальных документов в электронном виде стала новым стандартом.

Разнообразные государственные программы и инициативы, проводимые под эгидой программы внедрения электронного правительства, также включают в себя такой важнейший элемент инфраструктуры электронного правительства, как управление электронными документами⁴.

В различных государствах используются разнообразные системы, такие как Case Management / Electronic Case Files (США), Federal Court of Australia (Австралия), Money Claim Online (Великобритания), Canadian Legal Information Institute (CanLII) (Канада), LawNet (Сингапур) и др.; в Нидерландах — Beslissing Ondersteunend Systeem (BOS)⁵.

Открытые данные, объединенные с другими структурированными и неструктурированными данными, составляют то, что называется большими данными, рассматриваемыми как растущая технологическая способность собирать, обрабатывать и извлекать новые данные, в том числе обеспечивать прогноз и знания

³ URL: <https://public.tableau.com/en-us/gallery/?tab=viz-of-the-day&type=viz-of-the-day&page=6> (дата обращения: 01.08.2020).

⁴ Рысков О. И. Управление документами в европейских странах: обзор нормативной базы // Делопроизводство. 2006. № 4. С. 8—14.

⁵ Белоусов Д. В. Электронное правосудие и его роль в организации судебной защиты в России // Администратор суда. 2015. № 3. С. 20—22.

из большого объема быстро изменяющихся и разнообразных данных. Открытые и большие данные не следует путать со средствами их обработки, представляющими собой комплексы или платформы их обработки на основе использования сложных статистических алгоритмов, машинного обучения и нейронных сетей.

Нидерланды являются одним из европейских лидеров по открытым данным и в судебной сфере. Еще в 2016 г. было принято законодательство об обязательном, за исключением особых случаев, определенных законом, опубликовании не только судебных решений, но и сопутствующих документов. Это позволяет развивать систему электронной базы данных на основе анализа открытых данных⁶. Опросы Европейской комиссии по эффективности правосудия показали: в Нидерландах достаточно высокий уровень технологий, обеспечивающих прямую поддержку судей и вспомогательного персонала.

Хотя обработка текста и технологии баз данных не требуют наличия сети, их комбинированное использование в судебной сети привело к крупной инновации. Автоматизация офиса, слияние данных из системы регистрации дел с текстом в текстовом процессоре стали очень популярны при принятии решений с мелкими исками и в случаях взыскания задолженности. В числе инструментов доступа к правосудию Нидерландов есть и «Рехтвейзер-платформа» для примирения и посредничества перед всеми разбирательствами, касающимися споров, особенно связанных с арендой, соседскими или семейными спорами.

Голландские суды используют систему под названием Just Word, поддерживающую использование стандартных текстов и умных слияний с помощью Visual Basic программирования. Эта система впервые разработана в судах в конце 1990-х гг., когда сети с центральными базами данных только начали внедряться. Она была переработана, когда суды получили другую систему обработки текстов, и теперь система распространена на все суды⁷.

Уголовное судопроизводство имеет свои особенности, поэтому для понимания того, каким будет уголовное судопроизводство в Нидерландах в условиях цифровизации, рассмотрим векторы развития уголовно-процессуального законодательства и проанализируем опыт его применения.

Нидерланды занимают одно из ведущих мест среди европейских государств, ведущих эффективную борьбу с компьютерными преступлениями. Консультативный комитет по компьютерным преступлениям предложил конкретные рекомендации по внесению изменений в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Нидерландов⁸, однако толкование самого понятия «компьютерное преступление» предложено не было. По мнению нидерландских ученых, объясняется это множеством трудностей при формулировании определения, которое, с одной стороны, было бы достаточно емким, а с другой — достаточно специфичным.

Между тем в правоприменительной практике используется такое понимание компьютерного преступления: это поведение, которое (потенциально) вредно

⁶ URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/iskusstvennyj-intellekt-sudebnaya-sistema-etika-i-pravoglavyy-iz-knigi/> (дата обращения: 01.08.2020).

⁷ URL: <http://www.ijusticia.org/docs/Dory.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

⁸ Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б. В. Волженкина ; пер. с англ. И. В. Мироновой. СПб., 2000.

и имеет отношение к устройствам, связанным с компьютерами с точки зрения хранения, передачи и обработки данных. При этом делается различие между компьютерными преступлениями, в которых компьютер является объектом преступления, и теми, в которых он использован как орудие преступления.

С 1987 г. в соответствии с предложенной Консультативным комитетом классификацией выделяют пять видов компьютерных преступлений:

- совершаемые обычным способом, но с использованием технической поддержки в компьютерной среде;
- компьютерное мошенничество;
- компьютерный террор (совершение преступлений с целью повреждения компьютерных систем) — использование несанкционированного доступа; использование вредоносных программ типа компьютерных вирусов; совершение других действий, включая физическое повреждение компьютера;
- кража компьютерного обеспечения (пиратство);
- остаточная категория, включающая все другие типы преступлений, которые не подпадают под вышеперечисленные категории.

В 1993 г. в Нидерландах был принят новый закон о компьютерных преступлениях, дополняющий уголовное законодательство новыми составами. На сегодняшний день уголовное законодательство Нидерландов предоставляет достаточно широкие возможности для борьбы с различными видами компьютерных преступлений, устанавливая, помимо специальных норм, дополнительные квалифицирующие обстоятельства в уже существующих уголовно-правовых нормах⁹.

Однако «оцифровка» общества подняла вопрос о применимости положений уголовного законодательства в случае виртуальных фактов. Следствием этого стали разработка и принятие вступившего в силу в марте 2019 г. очередного Закона о компьютерных преступлениях. Помимо изменений в уголовное законодательство, этот Закон предусматривает ряд новелл уголовно-процессуального законодательства, направленных на совершенствование судебного разбирательства и расследования компьютерных преступлений.

Особое внимание в УПК Нидерландов уделено расширению полномочий государственного обвинителя. Так, государственный обвинитель вправе в случае выявления одного из компьютерных преступлений возложить обязанность на поставщика услуг связи немедленно принять все меры в отношении данных, которые хранятся или передаются, чтобы они стали недоступными, если это необходимо для прекращения преступления или предотвращения новых преступлений (ст. 125р). Теперь государственный обвинитель, согласно ст. 126па, вправе поручать назначенному для этой цели сотруднику по расследованию проникать в автоматизированную работу, используемую подозреваемым, в том числе с целью выявления особенностей компьютерного устройства или месторасположения пользователя, с возможностью прикрепления технического устройства.

Ввиду особой опасности преступления законодатель выделил в отдельную статью (ст. 126зра) порядок проникновения в автоматизированную систему в слу-

⁹ Громов Е. В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании, ФРГ, Нидерландах, Польше) // Вестник ТГПУ. 2006. № 11 (62). С. 30—35.

чае признаков террористического преступления. Прокурору отводится ключевая роль в части хранения и использования данных, содержащихся в информационных системах (ст. 126сс).

Вступление в силу Закона о компьютерных преступлениях законодатель обусловил принятием Королевского указа (с учетом разных статей или их частей)¹⁰. В целом действующий в редакции от 01.08.2019 Уголовно-процессуальный кодекс Нидерландов¹¹ предусматривает широкое использование информационных технологий в ходе производства по делу. Кодекс допускает подачу в электронном формате сообщения о преступлении (ст. 163), жалоб в суд, например, когда преступление не преследуется по закону (ст. 12), обращений потерпевшего (ст. 51ас), ходатайства подозреваемого о прекращении производства по делу (ст. 136а), жалобы на проведенные процессуальные действия, в том числе в части производства обыска и доступа к компьютерному произведению (ст. 552а), возражений обвиняемого против решения по уголовному делу в течение 14 дней после того, как копия была вручена ему лично (ст. 257е). В электронном формате может быть направлена и апелляционная жалоба (ст. 410).

Правом составления электронных обращений участников уголовного судопроизводства УПК Нидерландов не ограничивает возможность использования информационных технологий. Принимаемые компетентными органами и должностными лицами решения также возможны в электронном формате. Так, в соответствии со ст. 51g решение о возбуждении уголовного дела оформляется на бланке или в электронной форме.

Информационные технологии используются и при формировании соответствующих баз данных и при получении сведений из них. Например, согласно ст. 450 защита обеспечивается посредством участия в деле не только адвоката, но и представителя, доверенность на участие которого содержится в соответствующем реестре и может представляться в электронном формате.

Отдельные положения УПК Нидерландов регламентируют процедуру производства процессуальных действий с использованием информационных технологий для получения доказательств. Так, в соответствии со ст. 131а допускается допрос с помощью видеоконференции. Помимо дистанционного допроса регламентируется процедура проникновения в автоматизированную работу, о котором указывалось ранее.

В Кодексе раскрываются и понятия, связанные с информационными технологиями. Так, в ст. 138е содержится определение электронной подписи (под электронной подписью понимается подпись, состоящая из электронных данных, которые прикреплены или логически связаны с другими электронными данными и которые подписывающее лицо использует для подписи).

Статья 138g раскрывает такое понятие, как поставщик услуг связи, под которым понимается физическое или юридическое лицо, которое в ходе работы по профессии или бизнесу предоставляет пользователям своей услуги возможность общаться с помощью автоматизированной работы; обрабатывает или хранит дан-

¹⁰ URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/uitgebreidzoeken> (дата обращения: 01.08.2020).

¹¹ URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001903/2019-08-01#BoekEerste> (дата обращения: 01.08.2020).

ные для целей такой услуги или пользователей этого сервиса. А согласно ст. 138h под пользователем службы связи понимается физическое или юридическое лицо, которое заключило соглашение с поставщиком услуги связи относительно использования этой службы или которое фактически использует такую услугу.

Шестой раздел УПК Нидерландов посвящен регламентации процедуры записи конфиденциальной информации с техническим устройством, в том числе хранения и уничтожения информации.

Отдельный восьмой раздел Кодекса посвящен регламентации процедур: проникновения в автоматизированную работу при расследовании конкретного вида преступления, в частности с использованием прикрепления технических средств при подозрении в совершении преступления, предусмотренного п. 1 ст. 67 УК Нидерландов (ст. 126nba), обыска, когда автоматизированное произведение находится в месте, отличном от места обыска (ст. 125j), и доступа к компьютерному файлу в рамках расследования преступления террористической направленности (ст. 126xx).

Особое место в принятии решений при проведении этих процессуальных действий отводится прокурору. Именно прокурор определяет способ проведения операции и гарантирует, что обработка будет осуществляться таким образом, чтобы защита частной жизни людей осуществлялась в максимально возможной степени. Ему надлежит готовить официальный отчет с указанием лиц, в отношении которых проведены процессуальные действия, и описанием проведенной процедуры. На прокурора возложена обязанность обеспечить, чтобы после завершения процессуального действия полученные данные были использованы в соответствии с законом, а не относящиеся к делу данные уничтожены.

Как и по законодательству некоторых иностранных государств, в рамках международного сотрудничества Нидерланды также могут использовать информационные технологии. В частности, запросы могут оформляться в электронном формате. Статья 513a УПК Нидерландов предусматривает возможность проведения видео-конференц-связи при производстве допроса в рамках исполнения запроса о правовой помощи по уголовным делам. Так, допросить можно не только свидетеля и эксперта, но и подозреваемого. Подробно регламентирована и сама процедура производства дистанционного допроса, а также изложены требования, которые предъявляются к используемому в процессе допроса оборудованию.

Таким образом, в соответствии с УПК Нидерландов информационные технологии рассматриваются как средство, обеспечивающее: доступ к правосудию, собирание доказательств, фиксацию следственного действия, производство следственного действия и передачу информации. Но законодатель не ограничился только этими подходами к использованию информационных технологий в процессе перехода к электронному правосудию. Наряду с Законом об исполнении уголовных решений и Законом о пересмотре международного сотрудничества в уголовных делах, инновационный закон представляет полностью модернизированный УПК. Работа по составлению карты реализации нового УПК продолжается, а его представление в парламент планируется в конце 2020 г. Официальная версия нового Уголовно-процессуального кодекса, подготовленного Министерством юстиции и безопасности при интерактивном взаимодействии с правоприемителями и учеными, была опубликована 30 июля 2020 г.

Первая тема инновационного закона касается идентификации аудиовизуальной регистрации в качестве законного доказательства. Речь идет об электронном доказательстве. Вторая тема направлена на то, чтобы сделать возможным применение ряда следственных полномочий, которые все еще сохраняются за прокурором в действующем Кодексе. Третья тема касается продвижения медиации в уголовном судопроизводстве.

Предполагается, что к моменту принятия инновационного закона будет накоплен опыт применения новых процессуальных действий, вытекающих из рекомендаций, изложенных в докладе Комитета по расследованию модернизации в эпоху цифровых технологий (поиск в сети после захвата автоматизированной работы или цифрового носителя данных и просмотра данных, которые все еще поступают на это устройство связи после захвата)¹².

Во многом законодательные новеллы обусловлены проблемами, с которыми за последние годы столкнулся нидерландский правоприменитель при производстве по уголовному делу, обусловленными развитием информационных технологий. Так, в феврале 2019 г. окружной суд Северной Голландии был в центре внимания юристов в связи с решением о законности действий полиции, вынудившей подозреваемого разблокировать свой собственный телефон отпечатком большого пальца. Суд посчитал, что такой порядок действий не нарушает право подозреваемого не быть принужденным активно сотрудничать с полицией, и следователи имели законные основания полагать, что в мобильном телефоне была важная информация для серьезных подозрений. Помещением большого пальца подозреваемого на датчик было сделано лишь ограниченное нарушение его физической целостности, поэтому суд принял решение о законности действий следователей в этом деле¹³.

Не менее интересен вопрос об использовании цифровых технологий при общении подозреваемого и его защитника через My Telio app или по номеру 0900. Это работает следующим образом. Адвокат устанавливает приложение My Telio и после этого пополняет счет путем звонка через iDeal. Только тогда он может оставить сообщение. Затем это сообщение необходимо оставить в учетной записи Telio задержанного клиента (номер которого можно запросить только у самого задержанного). После оставления сообщения задержанный получает уведомление только после входа на так называемый телефон Telio, после чего может сразу прослушать сообщение. Это конфиденциальное сообщение хранится на сервере в течение 90 дней. Проблема, по мнению правоприменителей, возникает в том случае, когда защитник хочет сообщить о предстоящем допросе задержанному. Как связаться с клиентом, если адвокат не знает его номер Telio? И как защитнику можно убедиться, что это сообщение действительно достигнет его клиента? Более того, услуга эта платная¹⁴.

¹² URL: <https://www.bijzonderstrafrecht.nl/home/vijfde-voortgangsrapportage-modernisering-strafvordering-nieuw-wetboek-wordt-pas-eind-2020-aan-parlement-aangeboden> (дата обращения: 01.08.2020).

¹³ URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2017:584> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁴ URL: <https://www.sdu.nl/blog/spreek-je-bericht-in-na-de-piep.html> (дата обращения: 01.08.2020).

В целях обеспечения права на личную неприкосновенность обсуждались и вопросы о хранении данных в телефонных компаниях, которые обязывались хранить информацию обо всех звонках мобильной связи, сделанных их клиентами за год, а интернет-компании должны были сохранять всю историю активности клиентов в Интернете за полгода. Согласно решению судьи, прекращение хранения этих данных «может иметь далеко идущие последствия для расследования преступлений», однако это не оправдывает нарушения права клиентов компаний на частную жизнь. Правозащитники, обратившиеся в суд с ходатайством об отмене этого закона, выразили одобрение решению суда, а правоохранительные органы, напротив, беспокоятся о последствиях воздействия такого решения на состояние преступности¹⁵.

Важное изменение наших дней — это работа удаленно. Из-за особых обстоятельств, связанных с пандемией COVID-19, юристам Нидерландов также часто приходилось работать из дома. Кризис стимулировал использование технологий, позволяющих работать где угодно. Между тем проведенный в этой связи опрос 700 юристов в США и девяти европейских странах позволил оценить надежность и устойчивость юридического сектора в будущем¹⁶.

Когда же дело доходит до ориентации на клиента, многие нидерландские юристы считают, что им сложно успевать за изменениями. Только четверть полагают, что они хорошо подготовлены к использованию технологий для улучшения обслуживания клиентов, расширения специализации или удовлетворения меняющихся потребностей клиентов. Тем не менее две трети юридических фирм инвестируют в новые технологии, чтобы поддерживать деятельность фирмы и работать на клиента. ИИ — это та преобразующая технология, на которую 59 % юридических фирм рассчитывают оказать значительное влияние в ближайшие три года, но только 22 % опрошенных говорят, что правильно понимают ИИ¹⁷.

Дальнейшее увеличение рассмотрения количества уголовных дел, по мнению правоприменителей Нидерландов, не должно происходить в ущерб юридической помощи подозреваемым: они всегда должны иметь право на защиту¹⁸, не должны быть нарушены и такие основополагающие начала, как гласность и равенство сторон при рассмотрении дел в суде. Напомним, что в соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека использование в ходе судебного разбирательства системы видео-конференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подсудимый может следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть беспрепятственно заслушанным сторонами и судьей¹⁹. Что касается

¹⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2685042> 2015 год (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁶ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/06/09/rapport-corona-versnelt-digitale-transitie/> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁷ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/06/09/rapport-corona-versnelt-digitale-transitie/> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁸ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/06/30/kamer-standaard-advocaat-bij-omstrafbeschikking/> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁹ См., например: постановление ЕСПЧ от 16.02.2016 по делу «Евдокимов и другие против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

вопроса об обеспечении достаточного уровня конфиденциальности при видеосвязи, то важно, чтобы подсудимый мог разговаривать со своим защитником посредством телефонной линии, защищенной от любых попыток перехвата²⁰.

Между тем конфиденциальное общение между защитником и подозреваемым в условиях пандемии оказалось не всегда возможным. Сама телефонная связь регулярно была неудовлетворительной. Если юридическая помощь оказывалась через домофон в камере содержания под стражей, то вести внятный разговор было очень сложно. Вариант использования телефона в коридоре противоречит требованию конфиденциальности разговора. Выходом стало размещение перегородки из плексигласа между адвокатом и клиентом в специальных комнатах для консультаций и допросов²¹.

Небезынтересно в этой связи дело, рассмотренное в мае 2020 г. в коллегии уголовных дел районного суда Гронингена. Подсудимый присутствовал по видеосвязи из пенитенциарного учреждения, но по прошествии более часа связь с подозреваемым резко оборвалась. Он так и не успел выступить с последним словом. Эта ситуация достаточно широко обсуждалась в юридических кругах. Позднее суд решил ненадолго возобновить рассмотрение дела в суде²².

Подсудимый был поставлен в зависимость от времени сеанса видеоконференции и, по мнению многих юристов, в этой ситуации было ущемлено право на справедливое судебное разбирательство. По их мнению, говоривший из тюрьмы через видеосвязь подсудимый «менее убедителен», чем тот, «который может смотреть судье глаза». К тому же он не может следить за всем, что происходит в зале суда. И здесь стоит вспомнить, что главным аргументом противников искусственного интеллекта является тот факт, что некоторая часть тех особенных человеческих черт, таких как настроение и эмоции, не могут быть «оцифрованы», а значит, не будут приниматься во внимание машиной.

Еще одна проблема, с которой столкнулся нидерландский правоприменитель в условиях пандемии, — это соблюдение публичности судебного разбирательства. Ее нарушение связывают прежде всего с ограничением доступа журналистов. До недавнего времени не более трех журналистов могли присутствовать при рассмотрении дела в суде, на котором стороны процесса присутствовали физически. Широкую публику в суд пока не приглашают. С 17 августа 2020 г. заинтересованные лица могут присутствовать на судебном заседании, если для этого достаточно места, зарезервировав места минимум за два рабочих дня, отправив электронное письмо в соответствующий суд²³. С момента начала пандемии дела стали больше рассматриваться в письменной форме. На слушаниях по видеосвязи сторонам предлагается заранее предоставить процессуальные

²⁰ Постановление ЕСПЧ от 02.11.2010 по делу «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/05/06/njcm-mensenrechten-binnen-straftketen-ingedrang/> (дата обращения: 01.08.2020).

²² URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/06/24/zittingen-in-coronatijd-water-bij-de-rechtsstatelijke-wijn/> (дата обращения: 01.08.2020).

²³ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/08/11/rechtszaal-weer-beperkt-toegankelijk-voor-publiek/> (дата обращения: 01.08.2020).

документы, что также означает, по мнению защитников, ограничение публичного доступа. Часть информации может быть не услышана, особенно когда заявление на 40 листах, а время на его воспроизведение — 5 минут.

В конце мая 2020 г. количество уголовных дел увеличилось на 13 500 за десять недель борьбы с коронавирусом, а количество нарушений — на 15 000²⁴. В Нидерландах предлагаются следующие выходы из создавшейся ситуации. Для слушаний могут быть выбраны более просторные залы внутри суда или арендованные помещения, которые в настоящее время пустуют. Помимо этого, суды могут публиковать гораздо больше информации о слушаниях в прямом эфире. Журналисты и общественность могут следить за этими сеансами по соответствующей ссылке²⁵.

Вопрос о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в целом и в связи с максимально эффективным использованием информационных технологий в частности очень тесно связан с планами Нидерландов о переходе всего судебного разбирательства в электронный формат. 05.05.2019 был принят Закон, содержащий различные положения о компьютеризации судебной системы, модернизации статуса судей по корпоративным вопросам и о нотариальном деле банка²⁶. Особый интерес представляет принятие в рамках гражданского процесса Закона, вступившего в силу 01.10.2019, который положил конец обязательному цифровому судебному разбирательству²⁷.

Ранее было задумано поэтапное введение цифрового судебного разбирательства и упрощение гражданского процессуального права. Этот процесс начался в судах с 01.09.2017. Однако опыт перехода в цифровой формат, а также правоприменительная практика, в том числе в условиях пандемии, скорректировали планы. Простота и логистика — это ключевые слова планируемого цифрового судебного разбирательства Нидерландов. Поскольку будет возможен выбор, то цифровое судебное разбирательство на добровольной основе станет возможным через пять лет во всех потоках дел, а в некоторых случаях обязательным.

Не только оцифровка, но и частичная автоматизация и увязка внутренних и внешних рабочих процессов стали слишком сложным процессом. Теперь работа фокусируется на внешней цифровой доступности. Документы размещаются в цифровом формате через портал или системную ссылку, а дело помещается в файл. Внутри документы попадают в электронную почту, где они обрабатываются так же, как и бумажная почта. Создается исходный цифровой файл, к которому имеют доступ стороны. Но для юридической обработки по существу бумажный файл все еще используется. Конечная цель состоит в том, чтобы

²⁴ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/06/24/zittingen-in-coronatijd-water-bij-de-rechtsstatelijke-wijn/> (дата обращения: 01.08.2020).

²⁵ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/06/24/zittingen-in-coronatijd-water-bij-de-rechtsstatelijke-wijn/> (дата обращения: 01.08.2020).

²⁶ URL: <https://www.tribunaux-rechtbanken.be/nl/nieuwe-wetgeving/wet-van-5-mei-2019-houdende-diverse-bepalingen-inzake-informatisering-van-justitie> (дата обращения: 01.08.2020).

²⁷ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2019/07/15/digitaal-procederen-stopt-op-1-oktober/> (дата обращения: 01.08.2020).

быстро получить внутренний цифровой рабочий файл и все обработать в цифровом виде.

Еще одно большое отличие от прошлого опыта электронного судопроизводства заключается в том, что ранее в системе использовались фиксированные формы. Это было довольно сложно. В будущем работа будет основана на обмене PDF-файлами. Стиль представленных документов может определить юрист или другой пользователь. Предполагается, что на этой основе можно будет быстро двигаться вперед. Если цифровое судебное разбирательство будет хорошо работать в конкретном потоке дел, базовая версия также может использоваться и для других потоков дел.

Одна из основных проблем прошлого опыта заключалась в том, что цифровое судебное разбирательство в гражданском процессе сразу стало обязательным. Теперь поток цифровых судебных дел будет формироваться в добровольном порядке. Как только это произойдет и сработает, такой судебный процесс станет обязательным. Первые два потока, с которых планируется начать, это государственные налоговые дела (администрирование) и апелляции (гражданские дела).

Цифровая внутренняя обработка также будет формироваться в этот период. В настоящее время реализуется проект, обеспечивающий безопасную рассылку²⁸.

А с 01.02.2020 почта и факс больше не нужны для рассмотрения уголовных дел в Верховном суде Нидерландов. Все типы дел можно подавать, просматривать и обрабатывать в цифровом формате через веб-портал Верховного суда. С декабря 2018 г. веб-портал был открыт для уголовных дел и дел о конфискации. Теперь портал расширен и доступен для принятия решений, в том числе о международной правовой помощи по уголовным делам. Пересмотр дел и запросы о дальнейшем расследовании теперь также будут проводиться в цифровом виде. Защитники и прокуроры, которые занимаются кассационной жалобой, теперь могут просматривать свои цифровые файлы по всем уголовным делам, а также загружать и скачивать документы. Как только в цифровом файле что-то изменяется, автоматически отправляется уведомление по электронной почте. Как сообщил Верховный суд Нидерландов, юристы, положительно отзываясь о портале, отмечают простоту использования, надежность и доступность в течении 24 часов все семь дней в неделю²⁹.

Исследование законодательства и правоприменительной практики, а также существующих подходов к пониманию электронного правосудия в Нидерландах показало, что суть электронного правосудия — не технологии. В первую очередь электронное правосудие создается для граждан, для упрощения доступа к правосудию, для снижения стоимости и увеличения скорости правосудия, а также в целях гармонизации и расширения сотрудничества внутри юридической профессии. Как справедливо отмечалось в юридической литературе, только выявив все возможные риски, можно будет сформулировать техническое задание для выработки адекватных цифровых программ и мер для применения их в уголовном судопроизводстве, чтобы не разрушить, а более полно обеспечить необхо-

²⁸ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/01/16/rechtspraak-kiest-voor-eenvoud/> (дата обращения: 01.08.2020).

²⁹ URL: <https://www.advocatenblad.nl/2020/02/04/strafzaken-hoge-raad-post-en-fax-overbodig/> (дата обращения: 01.08.2020).

димые гарантии и избежать негативных последствий цифровизации. В решении такой задачи наиболее целесообразен метод экспериментального использования цифровых технологий, в том числе предусматривающий согласие участников процесса на проведение такого эксперимента³⁰.

Следовательно, отправной точкой перехода к электронному правосудию должны быть осторожность, поэтапность и выверенность шагов, а не скорость. Опыт Нидерландов, с одной стороны, может быть полезен в процессе дальнейшего совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства, обусловленного развитием цифровых технологий; с другой стороны, учтен в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам при подготовке соответствующих запросов³¹, оценке допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства³², в развитии международных правовых основ по вопросам сотрудничества и закрепления в современном цифровом обществе правового статуса лица, обладающего международной правосубъектностью³³.

В заключение хотелось бы отметить, что, рассматривая те или иные вопросы, связанные с электронным правосудием, нельзя забывать о том, что при всех положительных свойствах искусственного интеллекта и достоинствах современных цифровых технологий правосудие должно сохранить свое человеческое лицо.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонович Е. К. Запрос о правовой помощи, его значение и место в системе принятия решений в уголовном судопроизводстве // Юридическое образование и наука. — 2017. — № 5. — С. 12—16.
2. Антонович Е. К. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. — 2014. — № 4 (32). — С. 41—44.
3. Антонович Е. К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6 (115). — С. 112—124.

³⁰ Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5 (150). С. 91—104. С. 95.

³¹ Антонович Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // Международное публичное и частное право. 2016. № 5. С. 24—27; Она же. Запрос о правовой помощи, его значение и место в системе принятия решений в уголовном судопроизводстве // Юридическое образование и наука. 2017. № 5. С. 12—16.

³² Антонович Е. К. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 41—44.

³³ Антонович Е. К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 121.

4. Антонович Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // Международное публичное и частное право. — 2016. — № 5. — С. 24—27.
5. Белоусов Д. В. Электронное правосудие и его роль в организации судебной защиты в России // Администратор суда. — 2015. — № 3. — С. 20—22.
6. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. — 2019. — № 5 (150). — С. 91—104.
7. Громов Е. В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании, ФРГ, Нидерландах, Польше) // Вестник ТГПУ. — 2006. — № 11 (62). — С. 30—35.
8. Ларина Е., Овчинский В. Искусственный интеллект. Судебная система. Этика и право // Книжный мир. — 2020. — URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/iskusstvennyj-intellekt-sudebnaya-sistema-etika-i-pravo-glavy-iz-knigi/> (дата обращения: 01.08.2020).
9. Рысков О. И. Управление документами в европейских странах: обзор нормативной базы // Делопроизводство. — 2006. — № 4. — С. 8—14.

**Ирина Анатольевна
ДАНИЛЕНКО,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
[irinadanilenko35@
gmail.com](mailto:irinadanilenko35@gmail.com)

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Николай Владимирович
ВАСИЛЬЕВ,**

старший преподаватель
кафедры
уголовно-процессуального
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vasilyevix@gmail.com

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

СОБЛЮДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ЛИЧНУЮ И СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ, ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ ПРИ ОСМОТРЕ МОБИЛЬНОГО УСТРОЙСТВА (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы соотношения конституционных прав личности и проведения осмотра мобильного устройства правоохранительными органами в целях раскрытия и расследования преступлений. Рассмотрены основания и процедура осмотра мобильного устройства. Поднимается вопрос о необходимости получения для этого судебного решения.

Ключевые слова: осмотр мобильного устройства, расследование преступлений, изъятие информации, правоохранительные органы, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.150-157

I. A. DANILENKO,

Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
irinadanilenko35@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

N. V. VASILIEV,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
vasilyevix@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

COMPLIANCE WITH THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF AN INDIVIDUAL TO PRIVACY, PERSONAL AND FAMILY SECRETS, SECRECY OF CORRESPONDENCE, POSTAL, TELEGRAPH AND OTHER MESSAGES WHEN EXAMINING A MOBILE DEVICE (RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE)

Abstract. The article touches upon the issues of correlation of the constitutional rights of the individual and the examination of a mobile device by law enforcement agencies in order to disclose and investigate crimes. The grounds and procedure for examining a mobile device are considered. The question is raised about the need to obtain a court decision for this.

© И. А. Даниленко,
Н. В. Васильев, 2020

Keywords: *mobile device inspection, investigation of crimes, confiscation of information, law enforcement agencies, privacy, personal and family secrets, secrecy of correspondence, postal, telegraphic and other messages.*

Согласно Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого допускается только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23).

Данное право относится к категории личных прав человека — естественных и неотъемлемых прав личности, обретаемых в силу рождения. В его основе — приоритет индивидуального интереса человека перед общественным, гарантия сохранения частной автономии.

Сохранение конфиденциальности коммуникаций, как защита от необоснованного постороннего вмешательства в личную жизнь, с развитием технологий требует дополнительных уточнений. Сама по себе формулировка данного права в ст. 23 Конституции РФ предполагает возникновение все новых видов коммуникаций между людьми: от почтовой переписки, телеграфных сообщений, телефонных переговоров — к иным видам сообщений.

Интернет-коммуникации, распространение персональных компьютеров, а в последнее время — смартфонов существенным образом изменили правовой статус отдельных предметов, находящихся при человеке. Использование сотовых телефонов населением в сочетании с их способностью хранить огромное количество подробной личной информации существенно отличает их от прежних аналоговых телефонов.

В современном мире мобильные телефоны, особенно смартфоны, стали важным инструментом почти для каждого человека. Большинство программных приложений смартфона связаны с обработкой персональной личной информации о владельце и обеспечивают возможность мгновенных коммуникаций между людьми. Указанные коммуникации могут носить как публичный характер (распространяться для широкого доступа — в чатах, на сайтах и т.д.), так и частный (обмен сообщениями с конкретными людьми).

Несмотря на то, что личная информация обрабатывается, передается, хранится определенными поставщиками, такими как поставщики услуг электронной связи и удаленных вычислений, на нее всецело распространяется требование конфиденциальности. Законодательство запрещает поставщикам услуг сознательно раскрывать содержание электронных сообщений или записей абонентов клиентов.

Значительный массив персональной информации, хранящейся на легко передаваемом мобильном устройстве, вызывает у владельцев смартфонов разумное ожидание неприкосновенности своей частной жизни, что, в свою очередь, требует соответствующих гарантий защиты от неправомерного доступа к информации от производителей и государства.

В настоящее время технологически предусмотрены системы, ограничивающие доступ посторонних к данным смартфона: PIN-коды, блокировка, цифровые и графические пароли доступа, электронное дактилоскопирование, видеооцен-

ка биометрических данных, удаленная очистка, шифрование данных и т.п. Это означает, что общество признает и поддерживает право владельца смартфона на конфиденциальность информации, хранящейся в его электронной памяти.

Достигнутый консенсус по поводу строгой защиты информации на мобильном устройстве от других членов общества не влечет столь же единого подхода в понимании, в какой мере эта же информация должна защищаться от правоохранительных органов. Где пределы допустимого вмешательства в цифровую жизнь человека при раскрытии и расследовании преступлений?

Положения уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РФ) допускают производить такие следственные действия, как осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов. Указанные действия производятся в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

При этом закон не требует от сотрудников правоохранительных органов получения разрешения суда на их производство, за исключением осмотра жилища, если проживающие в жилище лица возражают против осмотра (ч. 5 ст. 177 УПК РФ). В этом случае следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 УПК РФ. Остальные виды осмотра не содержат таких ограничений и предполагают возможность визуального доступа к предметам на основании усмотрения лица, производящего предварительное расследование уголовного дела.

Одним из таких предметов может являться находящийся при гражданине карманный персональный компьютер, дополненный функциональностью мобильного телефона — смартфон. Осмотр смартфона, как обычного предмета не обеспечивается гарантиями неприкосновенности переписки и не защищается со стороны УПК РФ предварительным судебным контролем. УПК РФ не требует для осмотра наличия определенных оснований, а лишь формулирует широкую цель: обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 176 УПК РФ).

Сотрудники правоохранительных органов во время осмотра могут свободно проверять физические аспекты телефона, чтобы убедиться, что он не будет использоваться в качестве оружия, что на его поверхности имеются/отсутствуют визуально различимые следы преступления, могут сличить номер, указанный на корпусе. Однако цифровые данные, хранящиеся на смартфоне, в момент изъятия для осмотра либо самого осмотра тоже могут оказаться видны сотруднику правоохранительных органов без согласия владельца. Современные технологии в области криминалистики позволяют получать доступ к этой информации, минуя установленные пароли блокировки.

Ряд авторов считают, что сведения, которые хранятся на телефоне, подлежат строгой защите, поэтому могут быть получены только при добровольном согласии владельца либо на основании судебного решения¹. Другие российские кримина-

¹ Бычков В. В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Российский следователь. 2013. № 24. С. 10—13.

листы уверенно предполагают, что процедура осмотра содержимого смартфона не требует судебного разрешения и не должна существенно отличаться от проведения осмотра обычного предмета, поэтому правоохранительным органам не требуется получение судебного разрешения².

Примечательными в этой связи являются результаты опроса, проведенного одним из исследователей данной тематики в следственных подразделениях МВД России: только 15 % опрошенных считают необходимым получать перед осмотром мобильного смартфона письменное согласие владельца либо судебное решение. Подавляющее большинство (72 %) готовы (и осуществляют) осмотр содержимого смартфонов в общем порядке, руководствуясь требованиями ст. 166, 176, 177 УПК РФ. При этом у них не возникают какие-либо проблемы, связанные с признанием данных доказательств недопустимыми³.

Согласно данным другого исследования, все следственные управления Следственного комитета РФ активно используют в своей деятельности аппаратно-программные комплексы UFED. Это средство для проведения оперативного исследования мобильных устройств. Оно позволяет проводить простое и быстрое извлечение информации из различных мобильных девайсов: мобильных телефонов, смартфонов, планшетов, телефонов китайской сборки на базе микропроцессора, некоторых моделей GPS-приемников, сим-карт мобильных устройств и карт памяти⁴.

В достаточно короткий срок (от 2 до 5 часов) из каждого мобильного устройства (в том числе заблокированного) можно получить следующую информацию: записи телефонной книги, списки и журналы звонков, сохраненные на сим-карте, данные вызовов IP-телефонии, SMS, MMS, журналы средств оперативной пересылки сообщений, пароли, данные телефона (IMEI/ESN), изображения, видео- и аудиофайлы и другие изображения, видео-, системные файлы и картографическую информацию GPS.

Ключевым аргументом сторонников «несудебного осмотра» смартфонов при обсуждении вопроса о судебных гарантиях конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений становится утверждение, что защита переписки обеспечивается лишь на этапе пересылки сообщения. Охранный статус теряется с момента получения письма адресатом, в том числе это касается электронных писем, полученных на смартфон. Следовательно, допустимо получать информацию в порядке ст. 86 УПК РФ в ходе следственных действий без судебного разрешения⁵.

² Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 28—32.

³ Гаас Н. Н. Указ. соч. С. 30.

⁴ Бутенко О. С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // Lex russica. 2016. № 4. (113). С. 49—59.

⁵ Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 46. См. также: Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Пределы ограни-

Следует отметить, что существенный перевес в пользу сторонников несудебного осмотра привнесло определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В данном определении Суд указал, что не требуется вынесение специального судебного решения о проведении осмотра и экспертизы абонентских устройств, изъятых при проведении следственных действий в целях получения информации, которая имеет значение для уголовного дела.

Вместе с тем авторы данной публикации убеждены, что сведения, хранящиеся на мобильном устройстве гражданина, должны подлежать самой строгой защите, а позиция Конституционного Суда должна быть пересмотрена. Любое конституционное право должно быть обеспечено правовыми гарантиями защиты от чрезмерного вмешательства со стороны государства. Тайна коммуникаций в любых формах (переписки, телефонных переговоров и т.д.) должна защищаться судебным контролем. В период создания Конституции РФ (1993 г.) и УПК РФ (2002 г.), «точкой вторжения» в тайну переписки считалось учреждение почтовой связи. Именно там происходила перлюстрация передаваемых сообщений. В дальнейшем этот подход распространился и на поставщиков услуг электронной связи.

Согласно ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи» информация об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, а также сами эти почтовые отправления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения являются тайной связи и без судебного решения могут выдаваться только отправителям (адресатам) или их представителям.

Согласно ст. 185 УПК РФ при наличии достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиограммах, на них может быть наложен арест. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи производятся на основании судебного решения; осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений — следователем в соответствующем учреждении связи.

При наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка.

Вместе с тем развитие технологий в настоящее время позволяет обеспечить указанную «точку вторжения» в находящемся при человеке смартфоне путем доступа к хранящейся в нем информации. В этом случае отсутствует требуемый ст. 185 УПК РФ оператор связи как хранитель и обработчик информации.

чения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 97—103.

Европейский суд по правам человека, толкуя в своих постановлениях право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции, предусмотренного ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, разъяснил, что право на уважение корреспонденции должно защищать личные сообщения независимо от их формы или содержания. В настоящее время понятие «корреспонденция» включает письма по обычной почте, общение по пейджеру, телефонную и факсимильную связь, электронную почту и использование Интернета. Другие формы связи также могут подпадать под правовую защиту ст. 8 Конвенции, хотя соответствующий уровень защиты, требуемый понятием «уважение», должен будет учитывать применяемые методы⁶.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 18.02.2000 № 3-П указал, что законодатель, при определении способов и средств защиты государственных интересов, должен применять лишь те из них, которые исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина для конкретной правоприменительной ситуации.

Законные основания для вторжения в тайну переписки должны не просто существовать в виде цели, но и быть достаточно точными и конкретными в описании способа вмешательства, момента его начала и окончания, а также его пределов.

Законные основания для вторжения в тайну переписки должны быть достаточно точными и конкретными в определении способа вмешательства, момента его начала и окончания, его пределов. Эти основания не могут существовать просто в виде цели. Для того чтобы исключить нарушение ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, необходимо не только «предусмотреть это законом», каждая конкретная мера наблюдения должна соответствовать строгим условиям и процессуальным нормам, установленных законом⁷.

Положения ст. 164, ч. 1 ст. 176, ч. 1—4 и 6 ст. 177 УПК РФ не обладают достаточной конкретностью относительно границ вмешательства органов предварительного расследования в тайну личной жизни, переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проведении осмотра предметов, являющихся персональными компьютерами (смартфонами), используемыми для коммуникации и хранения личной информации.

Тот факт, что Конституционный Суд РФ уже сформулировал правовую позицию по данному вопросу, не означает окончательности разрешения рассматриваемой проблемы. Практика российской конституционной юстиции уже и раньше знала примеры изменения правового подхода, тем более, сформулированного в определении.

Развитые современные демократические государства также не сразу пришли к правовой защите сообщений, передаваемых цифровым способом с помощью технических средств. Характерным примером в этом отношении являются США, где защита тайны переписки обеспечивается в соответствии с четвертой поправкой к Конституции США: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться.

⁶ См.: Halford v. UK, 1997-111, 24 FHRR 523 ; Taylor-Sabori v. UK // HUDOC (2002), 36 EHRR 248 ; Copland v. UK, 2007-1,45 EHRR 858 ; Kennedy v. UK // HUDOC (2010), 52 EHRR 207.

⁷ См.: Klass and Others v. Germany, 6 September 1978. Series A. No. 28.

Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту».

В деле «Olmstead v. United States, 277 U.S. 438 (1928)» Верховный суд США пришел к выводу, что правоохранительным органам можно получать доступ к телефонным переговорам обвиняемого, если это не нарушает его домашний мир и не конфискован какой-либо предмет. Судья Верховного суда Брайндейс в своем особом мнении указал, что в какой-нибудь чудесный день вполне спокойно могут появиться методы, с помощью которых власти смогут воспроизводить в суде документы, не открывая тайников, в которые их спрятали. Скамье присяжных можно будет показать самые интимные события семейной жизни.

В последующих решениях Верховный суд США постепенно перенес акцент с защиты предметов на защиту частной жизни. В деле «Katz v. United States, 389 U.S. 347 (1967)» был сформулирован так называемый «тест Каца», позволяющий оценить во многих случаях, особенно с развитием технологий, границы конфиденциальности. Тест определяет «разумное ожидание неприкосновенности частной жизни». Первая часть теста связана с понятием «на видном месте». Конфиденциальность не предполагается, если человек не совершил разумных усилий, чтобы скрыть что-то от случайного зрителя (в отличие от слежки). Вторая часть текста анализируется объективно: признаются ли обществом ожидания человека о неприкосновенности его частной жизни разумными? Если очевидно, что человек не хранил спорные доказательства в уединенном месте, то для их обнаружения не требуется никакого поиска. Например, как правило, разумный человек не будет ожидать, что предметы, помещенные в мусор, обязательно останутся частными.

В деле «Riley v. California, 573 U.S. (2014)» мобильный телефон арестованного был проверен полицией без судебного ордера. В качестве доказательств участия обвиняемого в преступлении использовались контакты, текстовые сообщения, фотографии и видеоклипы, которые были изъяты со смартфона. Верховный суд США единогласно постановил, что поиск и изъятие цифрового содержимого мобильного телефона во время ареста является неконституционным.

Согласно мнению Суда, высказанному судьей Робертсом, «современные мобильные устройства — это не только еще одно технологическое удобство. Со всем, что они содержат и что они могут раскрыть, они составляют для многих американцев “неприкосновенность жизни”. Тот факт, что технологии теперь позволяют человеку нести такую информацию в своих руках, не делает эту информацию менее достойной защиты, для которой Основатели сражались».

В 2018 г. вышеупомянутое особое мнение судьи Брандейса стало основой решения Верховного суда США в деле «Carpenter v. United States, № 16-402, 585 US (2018)», в котором Суд постановил, что нарушается неприкосновенность частной жизни при получении доступа к историческим записям, содержащим информацию о местонахождении мобильных телефонов, без ордера на обыск.

Подводя итог, можно сформулировать следующую позицию: применение положений ст. 164, ч. 1 ст. 176, ч. 1—4 и 6 ст. 177 УПК РФ при проведении осмотра предметов, являющихся персональными компьютерами (смартфонами), используемыми для коммуникации и хранения личной информации, без получения су-

дебного разрешения вступает в противоречие с Конституцией РФ, Конвенцией о защите прав и свобод человека и международной практикой развитых демократических государств, не предоставляет требуемых гарантий для защиты права на неприкосновенность частной жизни, тайны переписки почтовых, телеграфных и иных сообщений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. — 2017. — № 6. — С. 97—103.
2. Бычков В. В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Российский следователь. — 2013. — № 24. — С. 10—13.
3. Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 4. — С. 28—32.
4. Бутенко О. С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // Lex russica. — 2016. — № 4 (113). — С. 49—59.
5. Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. — 2014. — № 4.

**Андрей Анатольевич
СОБЕНИН,**

старший преподаватель
кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
aasobenin@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

КОМПЛЕКСНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ США¹

Аннотация. В статье проведен анализ существующих информационных систем уголовной юстиции США как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Отмечены особенности функционирования федеральных систем уголовного судопроизводства. Дается оценка деятельности информационных систем штатов, приводятся особенности работы некоторых из них. Выделены критерии, позволившие провести сравнительно-правовой анализ информационных систем штатов. Пристальное внимание уделено деятельности электронных систем органов, осуществляющих предварительное расследование в США. Предложена авторская классификация комплексных информационных систем уголовной юстиции США.

Ключевые слова: информационные системы уголовной юстиции, США, электронный документооборот, предварительное расследование, судебное производство, электронное правосудие.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.158-166

A. A. SOBENIN,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)
aasobenin@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

INTEGRATED INFORMATION SYSTEMS OF THE US CRIMINAL JUSTICE

Abstract. The article analyzes the existing information systems of criminal justice in the United States both at the federal and state levels. The features of the functioning of the federal systems of criminal justice are noted. An assessment of the activities of state information systems is given, the features of the work of some of them are given. The criteria are highlighted that made it possible to carry out a comparative legal analysis of state information systems. Close attention is paid to the activities of electronic systems of bodies carrying out preliminary investigation in the United States. The author's classification of complex information systems of the US criminal justice is proposed.

Keywords: criminal justice information systems, USA, electronic document management, preliminary investigation, litigation, e-justice.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

При исследовании информационных систем в уголовном процессе США следует отметить несколько основных особенностей. В уголовном судопроизводстве США отсутствует обычное для российского уголовного процесса многотомное уголовное дело на бумажном носителе, в американский суд поступают только основные данные об обвиняемом и движении уголовного дела на предварительном расследовании. Собираение доказательств осуществляется параллельно стороной обвинения и защиты. Предварительное расследование в США не имеет четких процессуальных границ, полицейское расследование заканчивается передачей собранных материалов прокурору, который принимает решение о возможности привлечения лица к уголовной ответственности.

В судебном разбирательстве имеют значение непосредственное исследование доказательств: допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей и только уже потом рассматриваются документы и вещественные доказательства. В отличие от российского уголовного судопроизводства, в США разделены уровни производства на федеральное и штатов. Последнее, в свою очередь, отличается значительным многообразием². Указанные специфические черты определили особенности создания электронных систем уголовной юстиции США.

В США на федеральном уровне действуют две такие системы «Управление делами / электронный архив дел» (Case Management / Electronic Case Files — CM/ECF) и «Открытый электронный доступ к судебным материалам» (Public Access to Court Electronic Records — PACER)³.

Автоматизированная система управления делами / электронного дела (CM/ECF) начала действовать в федеральных округах США в 2004 г. Эта система является самой крупной, непрерывной, интегрированной системой управления делами и электронной подачи судебных обращений в мире. Она была разработана собственными силами специализированной группы высококвалифицированных и опытных программистов, системных аналитиков, компьютерных, а также других IT-специалистов, работающих в Административном управлении судов США (AOUSC), Агентстве по обеспечению судебной власти в США, отвечающих за всю административную и управленческую поддержку федеральных судов⁴.

Функционал автоматизированной системы CM/ECF был впоследствии расширен, чтобы включить передовые возможности обработки информации всех 200 федеральных судов США на апелляционном, окружном уровнях, при рассмотрении дел о банкротстве и в нескольких специализированных судах. Более 30 тыс. сотрудников судов, более 650 тыс. юристов, практикующих в федеральных судах США, и более 1 млн зарегистрированных публичных пользователей и организаций пользуются CM/ECF и PACER на протяжении многих лет. В настоящее время

² Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 110 ; Пастухов П. С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 81—87.

³ URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150521/273766738.html (дата обращения: 22.10.2020) ; URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2016-05-13_kak_sudy_mira_otkazyvayutsya_ot_bumagi (дата обращения: 22.10.2020).

⁴ Wessels B., Harry Leverette. Data Quality Management for Courts. March 2009.

базы данных CM/ECF содержат более 47 млн дел и более 600 млн юридических документов. Приблизительно 2 млн новых дел и десятки миллионов новых судебных документов вводятся в автоматизированную систему каждый год. Также суды передают более 500 млн судебных уведомлений по всем делам участникам и заинтересованным сторонам ежегодно⁵.

Система электронного документооборота (Case Management / Electronic Case Files) — это комплексная система, которая позволяет судам осуществлять электронную регистрацию и вести производство дел в электронном виде. Система также предоставляет возможность немедленного обновления загрузки и обновления документов и их печать с сайта судебной системы.

Если вначале система электронного документооборота наиболее широко применялась по делам о банкротстве, нарушениях законодательства о ценных бумагах, то в настоящее время эта практика распространилась на все уголовные дела. Сейчас судебная система переходит к следующему поколению автоматизированной системы CM/ECF. Пилотный проект впервые был запущен в отдельные суды в 2014 г., а полный переход должен завершиться в течение нескольких лет.

Веб-приложение реализовано в виде «личного кабинета», доступ к которому предоставляется по выданному государством паролю, а все документы должны быть отправлены в pdf-формате. Если другие фигуранты дела зарегистрированы в системе, то они получают мгновенные уведомления о регистрации обращения⁶.

PACER — один из двух основных элементов электронного правосудия США. С помощью системы можно ознакомиться с реестром принятых заявлений, изучить ход рассмотрения своего дела и историю принятых решений, а также заглянуть в календарь назначенных заседаний. Регистрация доступна каждому, а вот за распечатку документов американцы платят от 8 центов до 2,4 долларов, но только в том случае, если общая стоимость заказов за год превышает 10 долларов.

Информационная система PACER федеральных судов обеспечивает онлайн-платный публичный доступ к электронным материалам дел в судах первой инстанции, апелляционной инстанции. Суды штатов все чаще предоставляют удаленный онлайн-доступ, а некоторые дают полный доступ к файлам, аналогичный PACER (за исключением некоторых типов дел, защищенных законом или постановлением суда). В некоторых штатах сетевой доступ в режиме онлайн или доступ к судебному делу есть только в здании суда⁷.

Специальное исследование, проведенное в 27 судебных системах штатов Коннектикут, Делавэр, Джорджия, Гуам, Айдахо, Иллинойс, Индиана, Кентукки, Мэн, Мэриленд, Массачусетс, Мичиган, Миннесота, Миссури, Монтана, Нью-Гемпшир, Нью-Мексико, Нью-Йорк, Северная Каролина, Северная Дакота, Орегон, Пенсильвания, Южная Каролина, Техас, Юта, Вермонт, Западная Вирджиния, показало различные подходы к формированию автоматизированных информационных си-

⁵ *Clarke T. M., Jannet Lewis, Di Graski. Best Practices in Court Privacy Policy Formulation. 2017. P. 104.*

⁶ *Broderick Jr., Hon J. T. The Changing Face of Justice in a New Century: The Challenges It Poses to State Courts and Court Management. 2011. P. 184.*

⁷ *Webster L. P. Technology: The NCSC Court IT Governance Model. 2006.*

стем обеспечения судебной деятельности в каждом из них⁸. Для сравнительного анализа использовалось несколько критериев: 1) определение объема доступа к электронной судебной системе; 2) возможности для массового доступа к системе; 3) конфиденциальность в использовании системы; 4) модель финансирования и управления системой.

Нью-йоркская система обеспечения электронного доступа к судопроизводству по объему функций имеет такой охват, как и PACER, если исходить из того, что все судебные дела доступны, за исключением тех случаев, когда категория специально не исключается⁹.

Судебная система штата Юта предоставляет онлайн публичный доступ к электронным записям, за исключением тех, которые хранятся в опечатанном виде, и другим документам, обозначенным как частные или конфиденциальные. Закон штата Юта предусматривает четыре вида классификации для различных степеней конфиденциальности, в том числе публичный (все лица имеют открытый электронный доступ), частный (только стороны процесса имеют доступ), защищенный (только учреждения, имеющие законное право на доступ, могут видеть защищенные записи) и закрытый (никто, даже судья, не может видеть такие документы в деле)¹⁰.

Автоматизированная судебная система штата Вермонт — Vermont Courts Online («VT Courts Online») предоставляет доступ к информации о датах слушаний по всем уголовным, семейным и гражданским делам судов Вермонта; а также подробную информацию о других делах (гражданские и мелкие иски) для всех подразделений Верховного суда Вермонта. Однако не все судебные дела доступны через VT Courts Online. Записи, которые не открыты для публичного ознакомления на основании закона или распоряжения суда, не содержатся на этом веб-сайте¹¹.

Другие судебные системы штатов дают возможность веб-доступа к судебным делам только для адвокатов¹².

Суды штата Массачусетс предоставляют открытый доступ к электронным судебным делам только в терминалах в здании суда. Суд штата Массачусетс, входивший в состав комитета, который рассматривал вопрос о публичном доступе к электронным судебным записям, постановил ограничить доступ к терминалам здания суда, чтобы защитить людей от компаний, которые собирают информацию в коммерческих целях за счет потребителей.

Адвокаты в штате Массачусетс имеют доступ к полной неконфиденциальной информации о судебных делах через веб-платформу. Массачусетский судебный

⁸ URL: <https://courtechbulletin.blogspot.com> (дата обращения: 22.10.2020).

⁹ Broderick Jr., Hon J. T. The Changing Face of Justice in a New Century: The Challenges It Poses to State Courts and Court Management. 2010. P. 87.

¹⁰ Performance Measures Evaluation for the Utah Drug Court, 2017.

¹¹ State Probate Court E-Filing and Consulting Services for the Connecticut Office of the Probate Court Administrator, 2017—2019. Operations and E-Courts Planning Project for the Alberta, Canada Courts, 2017—2019.

¹² Information Technology (IT) Utilization and Gap Analysis Research Conducted for the Pinal County, Arizona Superior Court, 2018—2019; Case Management System (CMS) Procurement Consulting for the North Carolina Administrative Office of the Courts, 2018—2019.

комитет посчитал, что предоставление адвокатам такого доступа должным образом уравнивает необходимость раскрытия публичных судебных разбирательств с целью помешать определенным субъектам использовать судебную систему для эксплуатации наиболее уязвимых слоев населения¹³.

Некоторые верховные суды, устанавливая политику публичного доступа, разрешают нижестоящим судам самостоятельно определять, предоставлять ли электронный доступ к материалам судебных дел. Если они это не делают, верховный суд штата определяет степень доступа, предоставляемого к различным категориям документов различным группам заявителей.

Еще более сложная ситуация в штатах Арканзас, Аризона, Иллинойс и Техас, где каждый округ может определить, какая степень доступа предоставляется участникам процесса, причем определение возможностей электронного доступа часто остается за представителем судебной власти округа. Это объясняется тем, что отдельные округа сами обеспечивают финансирование и работу автоматизированных систем управления судебной деятельностью¹⁴.

Помимо информационных судебных систем, в США получили развитие комплексные программы правоохранительных органов, которые осуществляют предварительное расследование по уголовному делу, сбор информации для последующего представления прокурору для привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Информационная система управления уголовными расследованиями Налоговой службы США (Criminal Investigation Management Information System, CIMIS) — это база данных, которая отслеживает статус и ход уголовных расследований, а также время, затраченное на расследование. Она также используется в качестве инструмента управления, который обеспечивает основу для решений как местного, так и национального масштаба¹⁵. В разделах базы можно найти необходимую следственную информацию, которая отслеживается для общих расследований (GI), первичных расследований (PI), предметных уголовных расследований (SCI), а также запроса и утверждения следственной деятельности по изъятию (SIA) в информационной системе управления уголовными расследованиями (CIMIS)¹⁶.

Специальные агенты несут ответственность за инициирование вышеупомянутых типов расследований, обновление статуса этих расследований и обновление CIMIS для любой другой необходимой информации расследования. Обновленная информация о расследованиях должна поступать в CIMIS в тот же день, когда проводится расследование. Когда расследование иницируется в CIMIS, система автоматически генерирует номер расследования. Этот уникальный номер будет сопровождать расследование на протяжении всего следственного

¹³ *McMillan J. E.* Digital Rights Management (DRM) Technology Will Change the Way Courts Work. 2005.

¹⁴ Privacy Policy Guidance (October 2006). Illinois Integrated Justice Information System Privacy Policy Subcommittee.

¹⁵ *Hekim H., Gul S. K., Akcam B. K.* Police use of information technologies in criminal investigations // *European Scientific Journal*. 2013. P. 85 ; *Eck J. E., Rossmo D. K.* The new detective: Rethinking criminal investigations // *Criminology & Public Policy*, 2019. P. 45.

¹⁶ URL: https://www.irs.gov/irm/part9/irm_09-009-004 (дата обращения: 22.10.2020).

процесса. Если расследование инициировано как PI и повышено до SCI, оно сохранит тот же номер.

Информационная система управления уголовным расследованием будет отражать, в каком состоянии находится расследование в настоящее время. Число само по себе не является показателем того, какое расследование было начато и какие виды следственных действий были санкционированы. Система дает самые полные данные о личности, в отношении которой ведется расследование. Подозреваемый может быть классифицирован как основной или ассоциированный для расследования. Первично для расследования — это лицо или предприятие, в отношении которых проводится расследование, а ассоциированные личности — это люди и (или) предприятия, связанные с основным подозреваемым.

Свидетели не должны указываться как ассоциированные личности. Согласно Директиве 55-01 Министерства финансов США, свидетель определяется как лицо, располагающее информацией или доказательствами о преступлении и предоставляющее такую информацию или доказательства правоохранным органам. Если свидетель является несовершеннолетним, термин «свидетель» включает соответствующего члена семьи или законного опекуна. Термин «свидетель» не включает свидетелей защиты или лиц, причастных к преступлению в качестве исполнителей или соучастников. Термин «свидетель» не включает конфиденциальных информаторов.

Если человек введен в CIMIS как ассоциированный подозреваемый, но позже будет определен как свидетель, соответствующая идентификационная запись для этого человека должна быть удалена из CIMIS. Соответствующее поле идентификации позволит каждому структурному подразделению определить, связано ли физическое или юридическое лицо с расследованием в любой точке страны. Это также помогает в запросах FOIA и Министерства юстиции.

Система содержит специальные программы уголовного расследования и схемы связанного с ними мошенничества: программа злоупотребления налоговой схемой, программа противодействия банкротству, программа корпоративного мошенничества, программа мошенничества с налогами на занятость, программа расследования случаев мошенничества в сфере здравоохранения и множество других.

RMS — это система для всех подразделений ФБР США, которая обеспечивает хранение, извлечение, сохранение, архивирование и просмотр информации, записей, документов или файлов, относящихся к правоохранительной деятельности¹⁷. RMS охватывает весь период внесения записей — от первоначальной программы до последней редакции. Эффективный RMS позволяет однократно вводить данные, поддерживая при этом поиск по нескольким механизмам отчетности. RMS ограничивает записи, непосредственно связанные с операциями правоохранительных органов. Такие записи включают в себя отчеты о происшествиях, аресты, ордера, расследуемые дела, контакты и другие записи, ориентированные на следственную деятельность.

¹⁷ Investigative Uses of Technology: Devices, Tools, and Techniques. Washington, DC: U. S. Dept. of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice. 2007. P. 13. URL: www.ojp.usdoj.gov (дата обращения: 22.10.2020).

В Системе управления данными правоохранительных органов Федерального бюро расследований США включается несколько подсистем, по которым одновременно осуществляется поиск при запросе, в том числе:

- Интегрированная автоматизированная система идентификации по отпечаткам пальцев Integrated Automated Fingerprint Identification System (IAFIS);
- Идентификация следующего поколения — Next Generation Identification (NGI);
- Индекс межгосударственной идентификации — Interstate Identification Index (III);
- Национальный центр информации о преступности — National Crime Information Center (NCIC);
- Национальный обмен данными правоохранительных органов — The Law Enforcement National Data Exchange (N-DEX);
- Национальная система мгновенной проверки криминального прошлого — National Instant Criminal Background Check System (NICS);
- Программа единой отчетности о преступности — Uniform Crime Reporting (UCR) Program;
- Система сводной отчетности Национальной системы о происшествиях — Summary Reporting System National Incident-Based Reporting System (NIBRS);
- Программа статистики преступлений на почве ненависти — Hate Crime Statistics Program;
- Программа по убийствам и нападениям на сотрудников правоохранительных органов — Law Enforcement Officers Killed and Assaulted (LEOKA) Program.

В некоторых штатах получили развитие комплексные информационные системы уголовной юстиции, которые интегрируют в себе деятельность как на предварительном расследовании, так и в ходе разбирательства уголовного дела по существу и последующее исполнение судебного решения.

В Нью-Гемпшире была запущена программа, объединяющая все компоненты системы уголовного правосудия штата: Правосудие — единая сетевая среда (J-ONE)¹⁸. Цель программы — повысить эффективность и действенность государственных органов уголовного правосудия и предоставить все данные уголовного правосудия в электронном виде уполномоченным субъектам. J-ONE объединяет компьютерные системы и данные судебных органов, автомобильных отделов, прокуратуры, исправительных учреждений и правоохранительных органов от местного до государственного уровня.

Органы уголовного правосудия Нью-Гемпшира предоставляют данные уголовного правосудия в электронном виде только уполномоченным членам. J-ONE финансируется за счет государственных и федеральных грантов. Федеральные гранты, являющиеся основным источником финансирования, поступают от Министерства юстиции США и Национального управления безопасности дорожного движения¹⁹.

В 2017 г. совместным решением судей Верховного суда округа, шерифа, окружного прокурора, государственных защитников, Совета уполномоченных округа была начата работа по созданию Интегрированной системы управления делами уголовного правосудия для улучшения автоматизации процессов правосудия, сбо-

¹⁸ Caradonna P. New Hampshire E-Court Project: e-court issues and choices. Part 2. 2017. P. 146.

¹⁹ URL: <https://www.courts.state.nh.us/press/2016/j-one.htm> (дата обращения: 22.10.2020).

ра данных, межведомственного взаимодействия, обращения в суды и улучшения доступа к судебным документам в рамках уголовного правосудия округа Кэрролл²⁰. Система предусматривает интеграцию с Управлением делами Верховного суда округа Кэрролл, системой управления тюрьмами шерифа округа Кэрролл, с управлением окружного прокурора округа Кэрролл, с Управлением государственного защитника округа Кэрролл. Система включает себя несколько модулей.

Подсистема MicroPact предназначена для облегчения передачи документов и информации по уголовным делам в суд и из суда, подсистема Interop — для облегчения передачи ордерных документов и данных ордера от шерифа в офис секретаря Верховного суда штата, подсистема TRACKER — для облегчения передачи ордеров, документов и информации по делу, отправляемой секретарем Верховного суда штата, подсистема JCATS — для облегчения передачи ордеров, данных о наказаниях, документов и информации по делу, отправляемой в канцелярию Верховного суда и из нее.

Система позволяет идентифицировать учетные данные пользователей в зависимости от статуса (например, прокуроры, адвокаты, судья), возможность подавать документы в электронном виде, отслеживать их статус, принятые решения по ним, уведомлять пользователей, подписанных на уголовное дело, о происходящих изменениях, получать и передавать ордера на арест обвиняемых в электронном виде, просматривать и загружать документы, находящиеся в судебном деле.

Обобщая опыт создания и функционирования электронных систем уголовной юстиции США, можно прийти к выводу о наличии трех групп систем:

- 1) системы уголовного правосудия, где основным субъектом является суд, содержание системы определяет процессуальная деятельность суда. Например, федеральные автоматизированные системы судебных дел: Case Management / Electronic Case Files (CM/ECF) и Public Access to Court Electronic Records (PACER), а также подавляющее большинство систем штатов;
- 2) системы, созданные для осуществления предварительного расследования, использование которых ограничено сотрудниками правоохранительных органов. Например, информационная система управления уголовным расследованием Налоговой службы США — Criminal Investigation Management Information System (CIMIS), система управления данными правоохранительных органов Федерального бюро расследований США — Law Enforcement Records Management Systems (RMSs);
- 3) системы, имеющие комплексный характер, включающие в себя не только судебную деятельность, но и деятельность других субъектов уголовно-процессуальной деятельности: шерифа, окружного прокурора, государственных защитников. Такие системы получили наименование электронной интегрированной системы возбуждения и ведения уголовных дел, как, например, автоматизированная система уголовного правосудия штата Нью-Гемпшир J-ONE, электронная интегрированная система возбуждения и ведения уголовных дел округа Кэрролл штата Джорджия Integrated Criminal Justice Case Management System (ICMS).

²⁰ Court Technology Process Assessment for the Rockdale, Georgia Courts, 2018—2019. E-Filing Assessment for the Georgia AOC, 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2016.
2. *Пастухов П. С.* Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 4 (19).
3. *Broderick Jr., Hon John T.* The Changing Face of Justice in a New Century: The Challenges It Poses to State Courts and Court Management. — 2010.
4. *Broderick Jr., Hon John T.* The Changing Face of Justice in a New Century: The Challenges It Poses to State Courts and Court Management. — 2011.
5. *Caradonna P.* New Hampshire E-Court Project: e-court issues and choices. — Part 2. — 2017.
6. *Clarke Th. M., Jannet Lewis, Di Graski.* Best Practices in Court Privacy Policy Formulation. — 2017.
7. *Hekim H., Gul S. K., Akcam B. K.* Police use of information technologies in criminal investigations // European Scientific Journal. — 2013.
8. Investigative Uses of Technology: Devices, Tools, and Techniques. — Washington, DC: U. S. — Dept. of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice. — 2007.
9. *Eck J. E., Rossmo D. K.* The new detective: Rethinking criminal investigations // Criminology & Public Policy. — 2019.
10. Performance Measures Evaluation for the Utah Drug Court. — 2017.
11. *Webster L. P.* Technology: The NCSC Court IT Governance Model. — 2006.
12. *Wessels B., Harry Leverette.* Data Quality Management for Courts. — March 2009.

Современные проблемы развития уголовно- процессуального права

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ¹

Аннотация. В статье показаны основные модели построения досудебного производства в Российской Федерации и зарубежных государствах, проведен анализ обеспечения доступа к правосудию в каждой из моделей. Предложен ряд мер по построению досудебного производства по уголовным делам, эффективно обеспечивающего доступ к правосудию, включая отказ от стадии возбуждения уголовного дела и ведение отсчета предварительного расследования с момента регистрации сообщения о преступлении, производство досудебной познавательной деятельности (расследования) под руководством прокурора, выдвижение прокурором обвинения по результатам расследования, предоставление участникам, не наделенным властными полномочиями, права обращаться в суд для депонирования доказательств и для оказания судом содействия этим участникам в защите их интересов в связи с отказом органа предварительного расследования в удовлетворении ходатайств, связанных с процессом доказывания, внедрение эффективных упрощенных и ускоренных процедур в досудебном производстве, установление цифрового взаимодействия государственных органов и населения через единую защищенную цифровую онлайн-платформу; создание механизма подачи заявлений о преступлении через специальный онлайн-сервис, интегрированный в указанную цифровую платформу.

Ключевые слова: доступ к правосудию, уголовное судопроизводство, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, регистрация сообщения о преступлении, цифровые технологии, цифровая онлайн-платформа.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.167-179

**Татьяна Юрьевна
ВИЛКОВА,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
tvilkova@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий».

T. Yu. VILKOVA,

*Associate Professor of the Criminal Procedure Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)*

tvilkova@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

ORGANIZATION OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES IN RUSSIA AND ABROAD AS A FACTOR IN ENSURING ACCESS TO JUSTICE

Abstract. *The article shows the main models of building pre-trial proceedings in the Russian Federation and foreign countries, analyzes the provision of access to justice in each of the models. A number of measures have been proposed to build pre-trial proceedings in criminal cases that effectively ensure access to justice, including abandoning the stage of initiating a criminal case and keeping a countdown of the preliminary investigation from the moment of registration of a crime report, conducting pre-trial cognitive activity (investigation) under the guidance of a prosecutor, and bringing charges by the prosecutor based on the results of the investigation, granting participants who are not vested with authority the right to apply to the court to deposit evidence and to assist the court in protecting their interests in connection with the refusal of the preliminary investigation body to satisfy motions related to the process of proving, the introduction of effective simplified and accelerated procedures in pre-trial proceedings, the establishment of digital interaction between government agencies and the population through a single secure digital online platform; creation of a mechanism for filing reports of crime through a special online service integrated into the specified digital platform.*

Keywords: *access to justice, criminal proceedings, pre-trial proceedings, initiation of a criminal case, preliminary investigation, registration of a crime report, digital technologies, digital online platform.*

Конвергенция права различных государств является закономерным итогом послевоенных процессов середины и второй половины XX в., характеризовавшихся созданием международных организаций гуманитарной направленности и принятием ряда важнейших актов в области прав человека. В последние десятилетия большое значение приобрело расширение Совета Европы, членами которого стало большинство государств постсоциалистического пространства, а также создание Европейского Союза и принятие им ряда актов в сфере правосудия. Это оказало существенное влияние на национальное законодательство различных государств — членов международных организаций, принявших на себя обязательства по исполнению этих актов.

Указанные процессы привели к распространению универсальной гуманитарной системы ценностей, созданию международных стандартов в сфере правосудия и имплементации их в национальное законодательство, к изменению во

взаимоотношениях национального и наднационального уровней правосудия, к сближению континентальной и англосаксонской правовой семьи, а также отдельных институтов, которые их характеризуют².

При этом в сфере уголовного судопроизводства конвергенция затронула преимущественно судебные стадии, и в значительно меньшей степени — досудебное производство.

Причинами неравномерности процессов сближения национальной уголовно-процессуальной формы в досудебном (предварительном) и судебном производстве можно назвать две: во-первых, сами уголовно-процессуальные нормы международных актов преимущественно направлены на определение важнейших черт отправления правосудия, а еще точнее — правил главного (основного) судебного разбирательства (*main hearing*); во-вторых, досудебное производство различных государств само по себе меньше подвержено процессам сближения вследствие принадлежности к различным правовым системам и сложившимся в силу этого традициям.

Одно из важнейших отличий уголовного судопроизводства государств англосаксонской и континентальной правовых систем, придерживающихся, соответственно, состязательного и смешанного типа процесса, заключается в разных характеристиках досудебного (предварительного) производства при единстве подходов к судебным стадиям.

Тем не менее сближение порядка досудебного производства возможно и необходимо. Такая необходимость обусловлена значением предварительного производства как начального этапа уголовного процесса, обеспечивающего доступ к правосудию³.

О важности права на доступ к правосудию свидетельствует то, что оно закреплено во многих международных актах, гарантируется практически всеми государствами на конституционном уровне⁴, а его содержание, объем и пределы анализируются во многих решениях Европейского суда по правам человека и рекомендациях Комитета по правам человека ООН⁵.

Это предъявляет особые требования к современному досудебному производству по уголовным делам. Его построение должно эффективно обеспечивать

² Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных стран: Англия и Уэльс, Германия и Франция. Красноярск : СФУ, 2008. С. 8, 16, 23—24 ; Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. М. : Восход-А, 2016. Т. 1 (15) : Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. С. 292.

³ Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. 2019. № 6. С. 12—17 ; Масленникова Л. Н., Таболина К. А. Оптимизация надзора прокурора за принятием решений, обеспечивающих доступ к правосудию, в условиях развития цифровых технологий // Законность. 2019. № 7 (1017). С. 18—22.

⁴ Вилкова Т. Ю. Закрепление права на доступ к правосудию в конституциях государств — членов Организации Объединенных Наций. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020620648 от 08.04.2020.

⁵ Вилкова Т. Ю. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Lex russica. 2019. № 12 (157). С. 56—67.

доступ к правосудию, что означает отсутствие неоправданных препятствий к своевременному инициированию уголовно-процессуальной деятельности, быстрое и эффективное расследование и создание условий для начала судебного разбирательства, установление гарантий законности и обоснованности решений, ограничивающих доступ к суду (об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу, о признании лица подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и др.)⁶.

Рассмотрим основные модели построения досудебного (предварительного) производства в России и зарубежных государствах и обеспечение доступа к правосудию в каждой из моделей.

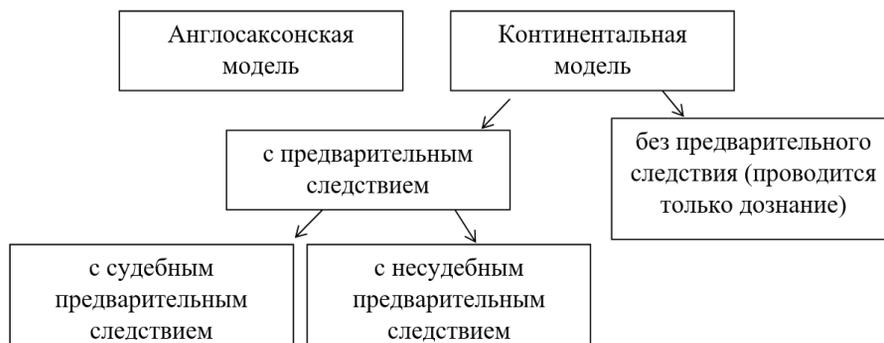
Организация предварительного производства по уголовному делу (до передачи дела в суд) отличается чрезвычайным разнообразием в разных государствах. Принципиальное различие заложено уже на уровне принадлежности государства к англосаксонской или континентальной правовой системе с состязательным и смешанным типом уголовного процесса, соответственно. Но и в рамках одного типа процесса подходы к формам досудебной познавательной деятельности и предъявлению обвинения существенно разнятся.

Можно выделить следующие разновидности досудебного (предварительного) производства⁷ (см. схему).

А. Англосаксонский подход к предварительному производству заключается в отсутствии традиционного для континентального процесса досудебного возбуждения дела и расследования. Состязательный процесс в государствах англо-американской правовой семьи предполагает, что дело к судебному разбирательству должны готовить не наделенные специальными полномочиями должностные лица, а сами стороны — обвинение и защита.

⁶ *Воскобитова Л. А.* Кризис уголовного судопроизводства и некоторые предложения к концепции реформирования досудебного производства // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / под ред. Н. Г. Стойко. СПб., 2015. С. 105—119 ; *Она же.* Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 24—37.

⁷ Заметим, что единого подхода к выделению моделей предварительного производства нет. Мы опирались на опыт классификации моделей предварительного расследования следующих авторов: *Головки Л. В.* Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Кн. 11. М. : Правоведение, 2009. С. 325—347 ; *Смирнов А. В.* Российский уголовный процесс: необходима новая модель // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 22.01.2015. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 01.10.2020) ; *Трефилов А. А.* Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. С. 292—316 ; *Он же.* Уголовный процесс зарубежных стран : в 15 т. М. : Восход-А, 2020. Т. 3 : Уголовно-процессуальная компаративистика. Правоохранительные органы в Лихтенштейне. Уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. Ювенальное уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. С. 212.

Тем не менее познавательная деятельность начинается отнюдь не в суде, а значительно раньше: проводится досудебное полицейское расследование⁸ (производство следственных действий, применение мер процессуального принуждения), по завершении которого материалы передаются в уполномоченные государственные органы (атторнейскую службу в США, Королевскую службу уголовного преследования в Англии), которые либо прекращают производство, либо передают дело в суд; началом уголовного процесса считается выдвижение обвинения конкретного лица в совершении преступления перед судом.

Если говорить более подробно о досудебном (предварительном) производстве, то можно привести пример поэтапного развития уголовно-процессуальной деятельности в США.

По мнению ряда американских юристов, все производство по уголовному делу подразделяется на 17 этапов: 1) получение информации о преступлении и ее регистрация; 2) расследование, предшествующее аресту (предарестное расследование); 3) арест; 4) оформление ареста; 5) сбор данных после произведенного ареста; 6) принятие решения об обвинении; 7) представление дела в суд; 8) первая явка подозреваемого (обвиняемого) в суд; 9) предварительное слушание дела в суде; 10) проверка дела большим жюри присяжных; 11) регистрация в суде обвинительного акта или информации о совершенном преступлении; 12) выявление мнения обвиняемого об обвинительном заключении или информации о совершенном преступлении; 13) ходатайства, заявляемые до начала судебного разбирательства; 14) разбирательство судом первой инстанции по существу предъявленного обвинения; 15) определение меры наказания; 16) обжалование; 17) рассмотрение судом вопросов после вступления приговора в законную силу⁹. Из указанных 17 этапов первые 7 образуют досудебное (предварительное) производство.

⁸ Его часто называют дознанием, но не в привычном для современного российского уголовного процесса значении, а как деятельность, предшествующую либо судебным стадиям (в англосаксонском судопроизводстве), либо предварительному следствию (в континентальном судопроизводстве).

⁹ Процедура возбуждения уголовных дел в законодательстве современных зарубежных государств и России (Материал к парламентским слушаниям) // Аналитический вестник. 2003. № 4. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4414/14373> (дата обращения: 01.10.2020).

Б. В государствах *континентальной системы права* уполномоченные государственные органы, как правило, обязаны провести предварительное расследование, которое может быть судебным (классический подход) либо несудебным.

В уголовно-процессуальной компаративистике выделяют следующие доктринальные модели построения ординарного предварительного расследования в зависимости от соотношения между различными формами предварительного расследования, круга субъектов, уполномоченных инициировать и впоследствии осуществлять дознание и предварительное следствие, их взаимоотношений, последовательности процессуальных действий, а также количества органов, ведущих производство по делу на данной стадии:

1. *Континентальная модель предварительного производства с судебным предварительным следствием* имеет следующие разновидности:

- а) все предварительное производство (предварительное следствие) ведет независимый следственный судья, дифференциации форм предварительного производства нет. Прокуратура вступает в процесс, лишь когда следственный судья передает ей документы, отражающие результаты расследования, и она либо утверждает обвинительное заключение, либо прекращает уголовное дело.

Преимуществом модели является четкое разграничение полномочий: следственный судья осуществляет только расследование, прокурор — выдвигает и поддерживает обвинение. Кроме того, отсутствует вмешательство органов исполнительной власти в уголовное судопроизводство. К недостаткам относят отсутствие состязательности в ходе предварительного производства, необходимость передачи дела от органов, осуществляющих расследование, к органам, выдвигающим обвинение, отсутствие отношений подчиненности в судебном корпусе, негативное влияние на беспристрастность следственных судей и судей, рассматривающих дело по существу, ввиду принадлежности к одному ведомству.

В исторической ретроспективе такая модель предусматривалась Каролиной 1532 года. Встречается в некоторых швейцарских кантонах (Золотурн и др.);

- б) все предварительное производство ведет независимый следственный судья, дифференциации форм предварительного производства нет, но следственный судья обязан выполнять отдельные указания прокурора, перечень которых установлен в законе. Объем полномочий следственного судьи и прокурора могут различаться, но только прокурор утверждает обвинительное заключение и поддерживает обвинение в суде.

Преимущества модели являются ограничение властных полномочий следственного судьи и реализация «концепции четырех глаз», недостатками — необходимость передачи дела от органов, осуществляющих расследование, к органам, выдвигающим обвинение, неопределенность статуса следственного судьи и низведение его до полицейского дознавателя.

В исторической ретроспективе данная модель близка к французскому Кодексу уголовного следствия (расследования) 1808 г., применялась в некоторых немецких княжествах до принятия УПК Германии 1877 г., в некоторых швейцарских кантонах;

в) действует дуализм предварительного расследования, при котором неформализованное дознание ведут полиция и (или) прокуратура, а предварительное следствие — следственный судья, при этом дознание и предварительное следствие последовательно сменяют друг друга (а не являются альтернативными формами расследования). По завершении предварительного следствия дело вновь передается прокурору для утверждения обвинительного заключения или прекращения производства по делу.

К недостаткам модели следует отнести возможные разногласия и длительные сроки предварительного расследования вследствие неоднократной передачи дела от одних государственных органов другим.

В исторической ретроспективе такая модель близка к российскому Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и к Уставу уголовного судопроизводства Германии 1877 г. (до «большой реформы уголовного процесса» 1974 г.). В настоящее время предусмотрена УПК Франции 1958 г., УПК Лихтенштейна 1988 г., применяется в Бельгии, Нидерландах, Люксембурге;

г) в самостоятельную модель А. В. Смирнов выделяет используемый в Испании порядок производства предварительного следствия, но лишь по наиболее серьезным делам, подсудным суду присяжных. Эта модель отличается от предыдущих тем, что хотя она и предусматривает активную роль следственного судьи, но построена на основе состязательности.

Расследование таких дел производится следственным судьей. Как только судья принимает решение о передаче дела суду присяжных, он заслушивает ходатайства сторон о необходимости прекращения дела либо направления его для судебного разбирательства, а также о проведении дополнительных следственных действий. Если дело не прекращено, или после завершения дополнительных следственных действий прокурор составляет обвинительный документ, а защита — заявление защиты. По завершении указанных действий проводится предварительное слушание с участием сторон для обсуждения возможности прекращения дела или передачи его для дальнейшего судебного разбирательства. По окончании предварительного слушания следственный судья принимает решение о прекращении дела или о его передаче для судебного разбирательства, в последнем случае он формулирует основания обвинения (*auto de hechos justificables*) и направляет дело в Суд провинции согласно ст. 25—32 Органического закона о суде присяжных 1995 г.¹⁰

2. *Континентальная модель предварительного производства с несудебным предварительным следствием* заключается в том, что предварительное расследование целиком проводится полицейскими органами (под которыми понимается широкий круг государственных органов, а не только полиции в буквальном значении) под руководством прокурора; дифференциация дознания и

¹⁰ Органический закон Испании от 22.05.1995 о суде присяжных (*Ley Organica del Tribunal del Jurado*) (в ред. от 06.07.2007) // URL: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file898.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).

См. об этом: Ромей Ф. Р. Реализация принципа равенства сторон на досудебных стадиях по уголовному процессу Испании // *Lex russica*. 2012. № 1 (71). С. 155.

предварительного следствия может иметь место (Швейцария), а может и отсутствовать (Германия, Австрия)¹¹; судья (не специализированный следственный судья, а обычный) осуществляет лишь судебный контроль за соблюдением конституционных прав личности.

Так, согласно ст. 299 УПК Швейцарии «предварительное производство состоит из полицейского дознания и предварительного следствия, производимого прокуратурой. В предварительном производстве, исходя из существующего подозрения о совершении преступного деяния, производится сбор сведений и доказательств, чтобы установить наличие оснований для: а) вынесения приказа о наказании в отношении обвиняемого; б) предъявления обвиняемому обвинения; с) прекращения производства по делу»¹². По завершении предварительного следствия прокуратура самостоятельно решает, следует ли предать обвиняемого суду или прекратить дело.

В Германии существует единственная форма предварительного производства — прокурорское дознание, которое производится полицией (либо иными уполномоченными органами, например, предварительное расследование по делам о налоговых преступлениях вправе проводить финансовые органы¹³) под контролем прокурора.

В Австрии, как и в Германии, предварительное производство состоит исключительно из дознания, проводимого полицией под руководством прокурора. В ходе реформы 2004 г. было принято решение отказаться от прежнего следственного судьи и передать его функции по руководству предварительным производством прокурору. В настоящее время прокурор дает указания уголовной полиции, принимает решение об обвинении либо о прекращении уголовного преследования. Ранее все эти функции исполнялись следственным судьей¹⁴.

В Японии предварительное производство осуществляется полицией, действующей под контролем прокурора. Прокурор вправе принять любое дело к собственному производству¹⁵.

Разновидностью этой модели¹⁶ является предварительное производство, где роль судьи не сводится только к осуществлению судебного контроля в досудеб-

¹¹ Л. В. Головки относит предварительное производство, состоящее только из дознания, к самостоятельной континентальной модели предварительного производства без предварительного следствия. Именно так эта модель отражена на схеме, однако здесь мы рассматриваем ее как разновидность континентальной модели предварительного производства с несудебным предварительным следствием.

¹² Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. С. 799—800.

¹³ Седелкина В. В. Уголовно-процессуальные особенности борьбы с налоговыми преступлениями в Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 98—103.

¹⁴ См.: Ильютченко Н. В. Оптимизация уголовного процесса: опыт Австрии // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 180.

¹⁵ Волосова Н. Ю., Волосова М. В. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 126—127.

¹⁶ А. В. Смирнов относит эту разновидность к самостоятельной, промежуточной модели. См.: Смирнов А. В. Указ. соч.

ном производстве за применением мер процессуального принуждения, производством действий, ограничивающих важнейшие права и свободы личности, но также включает (как правило, по требованию сторон) получение (так называемое депонирование) судебных доказательств. Заметим, что наличие у суда такого полномочия не связано с типологизацией моделей предварительного производства, поскольку присуще государствам, применяющим различные модели и даже принадлежащим к различным системам права (возможность депонирования доказательств судом предусмотрена ст. 15 Федеральных правил уголовного процесса США¹⁷, § 162, 165, 166, 168с, 168d УПК ФРГ, ст. 217 УПК Республики Казахстан и др.).

Помимо указанных *ординарных* форм предварительного производства, почти повсеместно существуют исключительно разнообразные *упрощенные* формы.

В целом современными взаимосвязанными *тенденциями* в развитии предварительного производства зарубежных государств являются:

- сближение англосаксонский и континентальный моделей предварительного производства;
- более последовательная реализация состязательности;
- сокращение деятельности следственных судей, осуществляющих расследование;
- одновременное расширение судебного контроля в досудебном производстве: суд (ординарный) осуществляет контроль за применением мер принуждения, производства следственных действий, ограничивающих основные права и свободы личности, рассматривает жалобы на действия (бездействие) и решения органов, осуществляющих предварительное производство; в ряде государств осуществляет депонирование доказательств (депонирование показаний, осмотр вещественных доказательств) и др.;
- упрощение и ускорение производства.

Российское предварительное производство относится к континентальной модели с несудебным предварительным расследованием, которое проводится различными органами, преимущественно относящимися к органам исполнительной власти (исключение — Следственный комитет РФ), под руководством прокурора (при существенных различиях объема его полномочий для двух форм расследования) и при наличии судебного контроля в досудебном производстве.

При этом российское предварительное расследование имеет существенное отличие от применяемого во многих иных государствах, избравших эту же модель, поскольку предусматривает две близких формы, одна из которых — дознание, хотя и рассматривается как упрощенная и ускоренная, но фактически утратила эти черты, сближившись за последние годы с предварительным следствием по всем важнейшим характеристикам. Важным обстоятельством, в отличие от большинства зарубежных государств, является сохранение двух (а с учетом сокращенной формы дознания — трех¹⁸) форм расследования, которые не сменяют

¹⁷ Гамбарян А. С., Симонян С. А. Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе / под науч. ред. С. С. Аветисяна. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 5.

¹⁸ В доктрине уголовно-процессуального права по-прежнему выделяют только две формы расследования, относя дознание в сокращенной форме к разновидности дознания.

последовательно друг друга, как это было в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а представляют собой дихотомию.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы (наличие нескольких различных процедур: общего порядка, упрощенных, усложненных), заложенная Концепцией судебной реформы 1991 г., в значительно большей степени затронула стадию судебного разбирательства, чем досудебное производство. Введение сокращенной формы дознания в 2013 г. не стало серьезной альтернативой общему порядку: объем и характер условий и процессуальных гарантий, установленных для обеспечения законности и обоснованности принимаемых решений и совершаемых действий, оказались столь велики и трудны для исполнения, что нивелировали потенциальное преимущество этой формы в виде упрощенного и ускоренного производства (здесь мы не даем содержательной оценки этой разновидности дознания, вызывающей серьезные и обоснованные нарекания с точки зрения отхода от классических основ процесса доказывания) и привел к редкому применению дознания в сокращенной форме.

Многочисленные дискуссии об объеме полномочий следователя, дознавателя, руководителя следственного органа и прокурора и характере взаимоотношений между ними, ставшие особенно острыми после реформирования следственного аппарата в 2007 г., могут быть решены при трансформации предварительного производства, в том числе с учетом зарубежного опыта, включая отказ от стадии возбуждения уголовного дела и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, производство досудебной познавательной деятельности (расследования) под руководством прокурора, выдвижение прокурором обвинения по результатам расследования, некоторое расширение судебного контроля в досудебном производстве (для рассмотрения ходатайств участников, не наделенных властными полномочиями, в удовлетворении которых отказано органами предварительного расследования), разработка эффективных упрощенных и ускоренных процедур в предварительном производстве.

Заметим, что и ряд государств постсоветского пространства, для которых, как и для России, традиционно были присущи двухстадийность досудебного производства, наличие двух форм расследования, движутся в этом направлении. Примером может служить проект УПК Республики Армения¹⁹.

При этом ряд указанных мер будет содействовать обеспечению доступа к правосудию в досудебном производстве:

- отказ от стадии возбуждения уголовного дела и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, что исключит из уголовного процесса одно из решений, преграждающих возможность для дальнейшей деятельности, а следовательно, и к правосудию;

Однако отличия дознания в сокращенной форме и от дознания в общем порядке, и от предварительного следствия столь существенны (они даже превышают отличие дознания в общем порядке от предварительного следствия), что правомерно говорить о трех формах предварительного расследования в России.

¹⁹ См.: *Смбатян А. М.* Некоторые вопросы регламентации дознания в проекте нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения // Академическая мысль. 2018. № 1 (2). С. 125—127.

- производство досудебной познавательной деятельности (расследования) под руководством прокурора;
- выдвижение прокурором обвинения по результатам расследования;
- расширение состязательности в досудебном производстве за счет возможности участников со стороны обвинения и защиты, не наделенных властными полномочиями, при определенных условиях обращаться к суду: а) для депонирования доказательств в виде показаний различных лиц, заключения специалиста, осмотра вещественных доказательств и др.; б) для оказания судом содействия этим участникам в защите их интересов в связи с отказом органа предварительного расследования в удовлетворении ходатайств, связанных с процессом доказывания.

Это позволит сторонам более аргументированно добиваться дальнейшего движения дела (возражая против приостановления производства по делу, заявляя ходатайства в ходе и по окончании предварительного расследования о прекращении уголовного преследования полностью или в части, о дополнении расследования, о переквалификации действий обвиняемого и др.)²⁰;

— продолжение поиска эффективных упрощенных и ускоренных процедур в предварительном производстве в самом широком смысле, включая, возможно, альтернативные уголовному преследованию формы, медиацию и др. Работа в этом направлении ведется. Примером может служить (пусть и неоднозначно воспринятое юридической общественностью и правоприменительной практикой) производство по применению судебного штрафа. Цель любого упрощенного и ускоренного производства как раз и заключается в устранении неоправданных препятствий доступа к правосудию.

Самостоятельным направлением совершенствования досудебного производства должны стать внедрение цифровых технологий, включая установление цифрового взаимодействия государственных органов и населения через единую защищенную цифровую онлайн-платформу; создание механизма подачи заявлений о преступлении через специальный онлайн-сервис, интегрированный в указанную цифровую платформу²¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вилкова Т. Ю.* Закрепление права на доступ к правосудию в конституциях государств — членов Организации Объединенных Наций. — Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020620648 от 08.04.2020.
2. *Вилкова Т. Ю.* Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // *Lex russica*. — 2019. — № 12 (157). — С. 56—67.

²⁰ Возможны и иные формы легализации судом доказательств: назначение судом экспертизы и др. См.: *Лазарева В. А.* Досудебное производство: перспективы развития // *Юридический вестник Самарского университета*. 2019. Т. 5. № 4. С. 67—73.

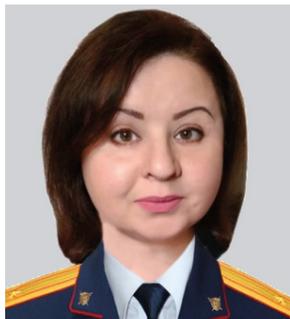
²¹ См.: *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Зарубежный опыт использования онлайн-сервисов для подачи сообщения о преступлении // *Законность*. 2020. № 6 (1028). С. 61—65.

3. *Волосова Н. Ю., Волосова М. В.* Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 236 с.
4. *Воскобитова Л. А.* Кризис уголовного судопроизводства и некоторые предложения к концепции реформирования досудебного производства // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / под ред. Н. Г. Стойко. — СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. — С. 105—119.
5. *Воскобитова Л. А.* Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 2 (42). — С. 24—37.
6. *Гамбарян А. С., Симонян С. А.* Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе / под науч. ред. С. С. Аветисяна. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 156 с.
7. *Головки Л. В.* Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. — Кн. 11. — М. : Правоведение, 2009. — С. 227—360.
8. *Ильютченко Н. В.* Оптимизация уголовного процесса: опыт Австрии // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12 (61). — С. 178—183.
9. *Лазарева В. А.* Досудебное производство: перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5. — № 4. — С. 67—73.
10. *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. — 2019. — № 6. — С. 12—17.
11. *Масленникова Л. Н., Таболина К. А.* Оптимизация надзора прокурора за принятием решений, обеспечивающих доступ к правосудию, в условиях развития цифровых технологий // Законность. — 2019. — № 7 (1017). — С. 18—22.
12. *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Зарубежный опыт использования онлайн-сервисов для подачи сообщения о преступлении // Законность. — 2020. — № 6 (1028). — С. 61—65.
13. Процедура возбуждения уголовных дел в законодательстве современных зарубежных государств и России (Материал к парламентским слушаниям) // Аналитический вестник. — 2003. — № 4. — URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4414/14373> (дата обращения: 01.10.2020).
14. *Ромеу Ф. Р.* Реализация принципа равенства сторон на досудебных стадиях по уголовному процессу Испании // Lex russica. — 2012. — № 1 (71). — С. 145—171.
15. *Седелкина В. В.* Уголовно-процессуальные особенности борьбы с налоговыми преступлениями в Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 2. — С. 98—103.
16. *Смбатян А. М.* Некоторые вопросы регламентации дознания в проекте нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения // Академическая мысль. — 2018. — № 1 (2). — С. 125—127.

17. *Смирнов А. В.* Российский уголовный процесс: необходима новая модель // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ), 22.01.2015. — URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 01.10.2020).
18. *Стойко Н. Г.* Уголовный процесс западных стран: Англия и Уэльс, Германия и Франция. — Красноярск : СФУ, 2008. — 139 с.
19. *Трефилов А. А.* Уголовный процесс зарубежных стран : в 15 т. — М. : Восход-А, 2016. — Т. 1 : Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. — 1019 с.
20. *Трефилов А. А.* Уголовный процесс зарубежных стран : в 15 т. — М. : Восход-А, 2020. — Т. 3 : Уголовно-процессуальная компаративистика. Правоохранительные органы в Лихтенштейне. Уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. Ювенальное уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. — 1020 с.

**Наталья
Александровна
МИХАЙЛИЧЕНКО,**

преподаватель
кафедры правового
обеспечения национальной
безопасности
Российской академии
народного хозяйства
и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации
(РАНХиГС), кандидат
юридических наук
**mikhaylichenko-na@
ranepa.ru**
119571, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 82

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье исследуется вопрос отсутствия надлежащего нормативно-правового регулирования требований к результатам оперативно-розыскной деятельности, используемым в сфере уголовного судопроизводства. Отдельное место отводится проблеме оценки представленных результатов оперативно-розыскной деятельности. На основе практики Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека предлагается решение рассмотренной проблемы. При этом за основу принимается положение о том, что любое, в прямой или косвенной форме, затрагивание конституционных прав граждан в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий влечет необходимость получения судебного решения для проведения таких мероприятий. Обозначается вопрос о необходимости реформирования уголовного законодательства.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскные мероприятия, доказательства, собрание доказательств, технические средства, допустимость доказательств, уголовный процесс.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.180-185

N. A. MIKHAILICHENKO,

lecturer of of the Chair of legal support
of national security of Russian academy of National Economy and State Service
under the President of the Russian Federation (RANEPА),
Cand. Sci. (Law)

mikhaylichenko-na@ranepa.ru

119571, Russia, Moscow, prosp. Vernadsky, 82

TO THE QUESTION ABOUT THE POSSIBILITY OF USING THE RESULTS OF THE OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article analyzes the issue of the lack of proper legal regulation of requirements for the results of operational-search activities used in the field of criminal proceedings. A separate place is given to the problem of assessing the presented results of operational-search activities. On the basis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, a solution to this problem is pro-

posed. At the same time, the provision is taken as a basis that any, in direct or indirect form, affecting the constitutional rights of citizens in the course of operational-search activities, entails the need to obtain a court decision for such activities. The question of the need to reform the criminal legislation is outlined.

Keywords: *Results of operative-investigative activity, operational-search activities, evidence, collection of evidence, technical means, admissibility of evidence, criminal procedure*

Уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность находятся в тесной и неразрывной взаимосвязи, подчинены решению общих задач, при этом существенно отличаются в плане требований к правовому режиму их осуществления, что порождает правовую неопределенность и, как следствие, множество проблемных вопросов использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Противоречия нормативно-правового регулирования вопросов формирования доказательств на основе материалов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) привлекают внимание многих исследователей. Актуальность проблемы обусловлена прежде всего необходимостью формирования эффективного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе единообразных требований к проверке и оценке результатов ОРД, которые могут быть в дальнейшем использованы в доказывании фактов преступной деятельности, на практике приводит к злоупотреблениям, нарушениям прав и законных интересов участников уголовного процесса и, как следствие, к низкому качеству работы судебной системы.

На практическую необходимость кардинального решения назревших проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе делают акцент все ученые. В многочисленных работах, посвященных проблемам использования результатов оперативно-розыскной деятельности, обращается внимание на сложность обеспечения баланса между защитой конституционных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и требований соблюдения режима секретности оперативно-розыскной деятельности.

Большинство авторов едины во мнении о несоответствии требований уголовно-процессуального закона к получению, проверке и оценке доказательств, основанных на результатах ОРД, с одной стороны, и требований законодательства, регламентирующего осуществление оперативно-розыскной деятельности, к самим результатам ОРД, с другой стороны¹.

При этом, как отмечается в научных работах, непреодолимым препятствием для эффективного применения материалов оперативно-розыскной деятельно-

¹ См.: Крапива И. И. К проблеме использования результатов ОРД в процессе доказывания // Военно-юридический журнал. 2007. № 12. С. 101.

сти является отсутствие однозначных критериев для использования материалов ОРД в доказывании².

Наличие значительного количества научных исследований, а также решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, посвященных обозначенной проблематике, к сожалению, до настоящего времени не привело к законодательному разрешению многочисленных проблемных вопросов использования результатов ОРД в сфере уголовного судопроизводства.

Один из частных вопросов, порожденных правовой неопределенностью, связан с допустимостью использования в процессе доказывания материалов оперативно-розыскных мероприятий, при проведении которых использовались различные технические средства (к примеру, позволяющие оперативным сотрудникам на удаленном расстоянии наблюдать и фиксировать события, происходящие в жилище граждан) в отсутствие судебного решения на производство таких оперативно-розыскных мероприятий.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 8 содержит указание на необходимость получения судебного решения как одного из условий проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), ограничивающий конституционные права и свободы граждан.

В соответствии с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ использование в качестве доказательств результатов оперативно-розыскных мероприятий признается недопустимым при отсутствии судебного решения в уголовном деле³.

По смыслу, на протяжении длительного времени придаваемому правоприменительной практикой положениям части 3 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», применение технических средств используется как дополнительный способ фиксации хода и результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий, следовательно, отдельное судебное решение на применение таких технических средств в рамках оперативно-розыскного мероприятия не требуется.

Вместе с тем на практике складываются и другие ситуации, когда фактически проводится оперативно-розыскное мероприятие, не требующее для его производства судебного решения, однако, исходя из обстоятельств его проведения и технических параметров применяемых средств дополнительной фиксации, такое судебное решение может стать обязательным. К примеру, так называемое «электронное» наблюдение, когда технические средства размещаются в одежде одного из участников беседы либо в сопутствующих предметах.

Подобные мероприятия, активно используемые оперативными сотрудниками в своей деятельности, после придания им огласки в рамках уголовного судопро-

² См.: *Меживой В. П., Грошева В. К., Меживой А. В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 7А. С. 101.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

деятельности значимую роль играет не только проверка оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и оценка условий их проведения. Разрешая вопрос о допустимости использования в доказывании представленных материалов ОРД, необходимо принять во внимание, что, если предоставленные в распоряжение органов предварительного расследования результаты ОРД содержат материалы оперативно-розыскного мероприятия, которое само по себе не требует судебного разрешения на его проведение, но из фактических обстоятельств его проведения и спектра характеристик применяемых для его дополнительной фиксации технических средств следует, что оно повлекло либо могло повлечь нарушение конституционных прав граждан, такое судебное решение является обязательным.

Необходимость сохранения и развития высоких стандартов защиты прав и законных интересов участников судопроизводства требует установления на законодательном уровне подробного перечня условий производства оперативно-розыскных мероприятий. Наличие более четкой законодательной регламентации условий производства ОРМ в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности, а также критериев проверки соблюдения этих условий в уголовно-процессуальном законе могло бы позволить обсуждать возможность прямого использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, в том числе и в качестве доказательств, минуя процедуру «легализации».

Выработанная практикой процедура «легализации» в уголовном судопроизводстве представленных материалов ОРД является в настоящее время вынужденной мерой, позволяющей в определенной степени гарантировать соблюдение конституционных прав и свобод граждан. При этом следователь, проверяя представленные материалы ОРД, должен помнить о многочисленных правовых позициях Конституционного и Верховного судов РФ, ЕСПЧ, содержащихся в разрозненных документах. Консолидация на законодательном уровне всех правовых позиций по вопросам использования результатов ОРД в сфере уголовного судопроизводства существенно облегчит решение задач следователем и судом, а также даст новый толчок развитию эффективного механизма защиты конституционных прав и свобод участников уголовного процесса.

Подводя итог, отметим, что попытка решения рассмотренных вопросов на уровне ведомственных и межведомственных нормативных актов не приведет к устранению существующих проблем. Противоречия между действующим уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативными актами и в дальнейшем будут порождать многочисленные жалобы участников процесса в Конституционный Суд РФ, ЕСПЧ на нарушения конституционных прав.

Устранение имеющейся правовой неопределенности требует реформирования уголовно-процессуального законодательства, пакетного внесения изменений и дополнений в ряд законов, регламентирующих вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азаров В. А., Константинов В. В.* Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. — 2013. — № 11. — С. 20—24.
2. *Бахта А. С., Вагин О. А., Чечетин А. Е.* Вопросы оперативно-розыскной деятельности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : научно-практическое пособие. — Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2012.
3. *Крапива И. И.* К проблеме использования результатов ОРД в процессе доказывания // Военно-юридический журнал. — 2007. — № 12.
4. *Ларинков А. А.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по делам о коррупционных преступлениях // Криминалист. — 2015. — № 1 (16). — С. 26—29.
5. *Малахова Л. И.* Оперативно-розыскное обеспечение процесса доказывания: проблемы нормативного регулирования // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 2. — С. 68—73.
6. *Меживой В. П., Грошевская В. К., Меживой А. В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Вопросы российского международного права. — 2018. — Т. 8. — № 7А. — С. 96—107.
7. *Панько Н. К.* Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 2. — С. 96—103.
8. *Россинский С. Б.* Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica. — 2018. — № 10. — С. 70—84.

**Сергей Александрович
НАСОНОВ,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
sergei-nasonov@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ РОСПУСКА КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ВВИДУ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ СОСТАВА: ЭФФЕКТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ОШИБКИ ИЛИ НЕДОСТАТКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ?

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы теоретического осмысления, законодательного регулирования и применения в судебной практике уголовно-процессуального института роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду ее тенденциозности. Отмечается, что указанный институт не реализуется в судебной практике в позитивном аспекте, поскольку все варианты проявления возможной тенденциозности коллегии отвергаются судами апелляционной и кассационной инстанций. Сделан вывод о наличии в основе процессуального закрепления этого института двух неустранимых противоречий, которые детерминируют неэффективность его позитивного применения. Первое противоречие, рассмотренное в статье, возникает между необходимостью мотивирования заявления о роспуске коллегии присяжных заседателей ввиду ее тенденциозности и аморфностью (неопределенностью) оснований такого группового отвода. Второе противоречие возникает между отсутствием оснований для мотивированного отвода каждого из кандидатов в присяжные заседатели и наличием основания для роспуска коллегии в целом. В статье сделан вывод, что рассматриваемый институт адекватно не выполняет функцию правового средства, обеспечивающего беспристрастность и объективность коллегии присяжных заседателей и должен быть исключен из законодательной модели производства в суде присяжных РФ.

Ключевые слова: производство в суде присяжных, тенденциозность коллегии присяжных, присяжный заседатель, роспуск коллегии присяжных, отвод присяжного заседателя.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.186-193

S. A. NASONOV,

Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
sergei-nasonov@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

**PROBLEMS OF THE PRACTICE OF THE DISMISSAL
OF THE JURY DUE TO THE TENDENTIOUSNESS
OF THE COMPOSITION: THE EFFECT OF A LEGISLATIVE
ERROR OR DEFECTS OF JUDICIAL PRACTICE?**

Abstract. *The article examines problematic issues of theoretical understanding, legislative regulation and application in judicial practice of the criminal procedure the institute of the dismissal of the jury in view of its tendentiousness. The article notes that this institution is not implemented in judicial practice in a positive aspect, since all variations for the manifestation of a possible tendentiousness of the collegium are rejected by appeal and cassation courts. It is concluded that there are two irreparable contradictions in the basis of the procedural consolidation of this institution, which determine the ineffectiveness of its positive application. The first contradiction, considered in the article, arises between the need to motivate the application for the dismissal of the jury in view of its tendentiousness and the amorphousness (uncertainty) of the grounds for such a group challenge. The second contradiction arises between the absence of grounds for peremptory challenge of each of the candidates for jury and the existence of grounds for the dismissal of the jury as a whole. The article concludes that the institution under consideration does not adequately fulfill the function of a legal means ensuring the impartiality and objectivity of the jury, and should be excluded from the legislative model of proceedings in the jury trial of the Russian Federation.*

Keywords: *proceeding in jury trial, jury tendentiousness, juror, dismissal of the jury, challenge of a juror.*

Существенным элементом механизма формирования коллегии присяжных заседателей является процессуальный институт роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава, закрепленный в ст. 330 УПК РФ. Реализация норм этого процессуального института в судебной практике характеризуется ярко выраженной двойственностью. С одной стороны, положения ст. 330 УПК РФ применяются в каждом судебном заседании с участием присяжных заседателей, поскольку председательствующий обязательно выясняет у сторон наличие такого ходатайства перед приведением отобранных кандидатов в присяжные заседатели к присяге.

С другой стороны, количество случаев удовлетворения судом подобных ходатайств столь ничтожно мало, что его невозможно выявить традиционными способами исследования судебной практики. Суды апелляционной и кассаци-

онной инстанций отвергают все гипотетические варианты проявления подобной тенденциозности, применительно к различным формам однородности коллегии присяжных заседателей.

Например, по одному из дел Верховный Суд РФ отметил, что формирование коллегии присяжных заседателей из подавляющего большинства женщин само по себе не может служить основанием для признания факта тенденциозности коллегии присяжных заседателей, поскольку, в соответствии со ст. 19 Конституции РФ, все равны перед законом и судом, мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации¹.

В другом случае Верховный Суд РФ подчеркнул, что избрание в состав присяжных заседателей лиц калмыцкой национальности в большем количестве, чем других национальностей, не противоречит требованиям закона². По одному из дел Верховный Суд РФ, оставляя приговор без изменения, указал, что «доводы жалобы о том, что большая часть присяжных заседателей была заинтересована в исходе дела, так как они имеют близких родственников в системе МВД и Минюста России, нельзя признать убедительными... действующее законодательство прямо не предусматривает, что такие кандидаты не могут участвовать в качестве присяжных заседателей, а стороны в уголовном процессе, в том числе подсудимый и его защитник, не заявили ходатайств об отводе этим присяжным заседателям, то они судом обоснованно были оставлены в числе присяжных заседателей»³.

В научной литературе отношение к рассматриваемому институту характеризуется определенным дуализмом.

Ряд авторов выступают сторонниками законодательного закрепления роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду ее тенденциозности, подчеркивая гарантийное значение этого процессуального института. Так, С. А. Пашин указывает, что институт заявления о тенденциозности позволяет предотвратить необъективность коллегии присяжных по отдельным категориям преступлений, поскольку по делам о преступлениях, связанных с национальными столкновениями, и о половых преступлениях опасным может быть не только стопроцентное участие в процессе присяжных одной национальности или одного пола, но даже их большинство⁴.

По мнению А. А. Горовко, этот институт имеет ярко выраженный компенсаторный характер, восполняющий возможные пробелы случайной выборки, результатов разрешения мотивированных и немотивированных отводов, поскольку в коллегии присяжных могут преобладать лица, чья способность объективно разрешить дело вызывает у сторон сомнения, которые позволяют предположить, что данный состав присяжных не сможет вынести объективный вердикт⁵. А. Н. Чашин,

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.04.2003 № 32кпо03-3сп // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.12.2006 № 42-о06-18сп // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.05.2006 № 77-о06-2сп ; от 20.12.2007, дело № 16-О07-50сп // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Пашин С. А. Судебная реформа и суд присяжных. М., 1995. С. 12—13.

⁵ Горовко А. А. Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемные вопросы // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей :

полагая, что заявление стороны о тенденциозности вызывает риск возникновения предубеждения у присяжных, тем не менее возражает против исключения института заявления о тенденциозности из отечественного уголовно-процессуального законодательства⁶.

Противники рассматриваемого процессуального института, помимо указания на его очевидную неэффективность, акцентируют внимание на рисках, порождаемых заявлением ходатайства о роспуске коллегии присяжных, в случае его отклонения председательствующим. Например, С. И. Добровольская считает, что рассматриваемый институт следует упразднить, поскольку у присяжных может сложиться неприязненное отношение к подсудимому, заявившему о тенденциозности сформированной коллегии, если заявление подсудимого не будет удовлетворено⁷.

Приведенное основание критики рассматриваемого института является дискуссионным. Очевидно, что процедура заявления подобного ходатайства может быть модифицирована настолько, что риск предубеждения у присяжных к заявившей его стороне будет минимизирован. Вместе с тем, на наш взгляд, позиция, состоящая в необходимости законодательного упразднения института роспуска сформированной коллегии присяжных заседателей по мотивам ее тенденциозности, является верной, однако по совершенно иным основаниям, чем те, которые приводятся в научной литературе.

Представляется, что в основе рассматриваемого процессуального института, являющегося рецепцией англо-американского отвода всего списка присяжных заседателей (*challenge to the array*)⁸, лежат два существенных и неустранимых противоречия, которые детерминируют неэффективность его применения в судебной практике.

Первое противоречие возникает между необходимостью мотивирования заявления о роспуске коллегии присяжных заседателей ввиду ее тенденциозности и аморфностью (неопределенностью) оснований такого группового отвода. Суждение о том, что заявление о роспуске коллегии присяжных заседателей ввиду ее тенденциозности должно быть мотивированным, разделяется большинством авторов⁹, как вытекающее из буквального смысла ч. 3 ст. 330 УПК РФ и разъяснения, изложенного в постановлении Пленума Верховного Суд РФ¹⁰, однако взгляды на содержание оснований этого заявления существенно различаются.

научно-практическая конференция. Владивосток, 19—21 сентября 2012 г. Владивосток : ИД Дальневост. федер. ун-та, 2013. С. 43.

⁶ Чашин А. Н. Суд присяжных в России : учебное пособие. М., 2013. С. 88.

⁷ Добровольская С. И. Суд присяжных: актуальные проблемы организации и деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 8.

⁸ См.: Зивс С. Л. Современный уголовный суд присяжных в Англии. М. ; Л. : АН СССР, 1948. С. 20.

⁹ Золотых В. В. Формирование коллегии присяжных заседателей : научно-практическое пособие. М. : РГУП, 2017. С. 162 ; Артемьев Н. С., Розуван А. М., Тайгозин Ю. А. Организация судопроизводства с участием присяжных заседателей. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. С. 35.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих

По мнению Н. В. Радутной, заявление о тенденциозности подлежит удовлетворению в случае, если все присяжные заседатели знакомы с подсудимым или были очевидцами происшедшего¹¹ либо когда состав коллегии проявил сильную эмоциональную реакцию, узнав, в рассмотрении какого дела им предстоит принять участие¹².

В. В. Воскресенский считает, что заявление о тенденциозности сформированной коллегии присяжных заседателей может быть обоснованным, если выясняется, что были допущены серьезные нарушения при составлении списков присяжных заседателей, порядка, в соответствии с которым граждане призываются к исполнению обязанностей присяжных заседателей, либо в подготовительной части судебного разбирательства существенно нарушена процедура формирования скамьи присяжных и в результате появились веские основания сомневаться в объективности жюри¹³.

Оригинальную позицию по рассматриваемому вопросу высказывает В. В. Золотых, который отмечает, что такое заявление должно быть основано не на обстоятельствах, исключающих участие судьи в производстве по делу, а лишь на *предположении* той или иной стороны о возможном предвзятом мнении всей коллегии присяжных заседателей в целом в связи с особенностью рассматриваемого дела и особенностью состава коллегии. Подобное предположение, по мнению автора, делается на основе какой-либо противоположности или резкого контраста (например, подсудимый — сотрудник пенсионного фонда, а коллегия присяжных состоит из пенсионеров, недовольных работой фонда). По мнению автора, в ст. 330 УПК РФ факт тенденциозности *предполагается*, и для ее роспуска не требуется установления факта тенденциозности¹⁴.

Оценивая эти точки зрения, отметим, что в позиции Н. В. Радутной, на наш взгляд, допускается смешение между основаниями отвода отдельных кандидатов в присяжные заседатели и признания коллегии тенденциозной в целом. Если кандидат в присяжные заседатели демонстрирует негативную эмоциональную реакцию в отношении подсудимого, знаком с ним или, тем более, был очевидцем события преступления — он подлежит мотивированному отводу.

Вряд ли является верной позиция В. В. Воскресенского, поскольку процессуальные ошибки, допущенные на этапе формирования коллегии, не имеют никакого отношения к тенденциозности коллегии. Наконец, позиция В. В. Золотых представляется дискуссионной по причине того, что одно лишь предположение вряд ли может выступать в качестве основания отвода кандидата в присяжные заседатели (или всей сформированной коллегии), поскольку этот фактор, по нашему мнению, определяет логическую границу между мотивированным и не-

судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Российская газета. 02.12.2005. № 272.

¹¹ Радутная Н. В. Зачем нам нужен суд присяжных. М., 1995. С. 29.

¹² Радутная Н. В. Формирование состава присяжных заседателей // Рассмотрение дел судом присяжных : научно-практическое пособие для судей. Варшава, 1997. С. 73.

¹³ Воскресенский В. Участие прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей // Законность. 1994. № 3. С. 21.

¹⁴ Золотых В. В. Указ. соч. С. 162.

мотивированным отводами. Очевидно, что немотивированный отвод может базироваться на предположениях, интуиции, догадках, но мотивированный отвод предполагает доказанность определенных фактов, создающих достаточное основание полагать, что присяжные заседатели (каждый в отдельности и все вместе) не смогут объективно выполнить свою функцию.

Кроме того, один лишь резкий контраст между присяжными заседателями и подсудимым (потерпевшим) отнюдь не свидетельствует о неспособности коллегии вынести необъективный вердикт. Таким образом, однозначные и бесспорные представления об основаниях заявления о тенденциозности коллегии в научной литературе отсутствуют.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ была предпринята попытка определить термин «тенденциозность состава коллегии присяжных» как предполагаемую неспособность сформированной коллегии всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого дела и вынести справедливый вердикт¹⁵. Однако, какова природа обстоятельств, порождающих такую неспособность, как они должны быть связаны с особенностями рассматриваемого дела, в постановлении не говорится, а приведение Верховным Судом РФ в качестве примера однородности коллегии, на наш взгляд, является не вполне корректным, поскольку возрастная, профессиональная, социальная, гендерная и т.д. однородность коллегии сама по себе не является причиной неспособности коллегии к правосудному разрешению дела.

Конституционный Суд РФ, рассматривая данный вопрос, увязал тенденциозность коллегии с конкретными обстоятельствами, выясняемыми сторонами во время опроса кандидатов в присяжные, которые препятствуют участию лица в качестве присяжного в рассмотрении данного уголовного дела либо могут повлиять на принятие решения по делу¹⁶. При всей логичности этого подхода, он не позволяет установить причину, по которой указанные конкретные обстоятельства не могут являться достаточным основанием для отвода каждого конкретного кандидата в присяжные заседатели в отдельности.

Таким образом, ни в законодательстве, ни в теоретических исследованиях, ни в судебной практике основания роспуска сформированной коллегии присяжных ввиду ее тенденциозности четко не обозначены, что не обеспечивает должного мотивирования подобного заявления.

Второе противоречие в рассматриваемом процессуальном институте возникает между отсутствием оснований для мотивированного отвода каждого из кандидатов в присяжные заседатели и наличием основания для роспуска коллегии в целом. Как уже отмечалось выше, в судебной практике основание роспуска коллегии присяжных ввиду ее тенденциозности нередко отождествляется с ординарными основаниями мотивированного отвода кандидатов в присяжные заседатели, предусмотренными ст. 61 УПК РФ.

Так, Верховный Суд РФ признал законным отказ председательствующего удовлетворить заявление о роспуске коллегии, поскольку при формировании коллегии присяжных (подсудимый и его защитник) не заявляли ни мотивированных,

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005. № 23.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 № 1441-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

ни немотивированных отводов кандидатам в присяжные заседатели¹⁷. Указанное отождествление приводит к тому, что заявление о роспуске коллегии присяжных заседателей становится *дублированием* мотивированных отводов отдельным кандидатам в присяжные заседатели, отклоненных председательствующим.

Представляется, что сформировавшийся на практике подход является теоретически несостоятельным по следующим причинам. Во-первых, концепция дублирования оснований предполагает произвольное изменение оценки судом одного и того же обстоятельства, которое сначала не признается председательствующим основанием для мотивированного отвода конкретного кандидата в присяжные заседатели, но впоследствии признается основанием отвода всей коллегии присяжных заседателей.

Очевидно, что подобная трансформация оценки не имеет никакой объективной основы и противоречит самой логике принятия судебных решений. В. В. Золотых справедливо отмечает, что если определенные факты являются основанием для отвода конкретного кандидата в присяжные заседатели и он не был отведен персонально, маловероятно, что те же факты могут стать основанием для отвода коллегии присяжных заседателей в целом¹⁸. На наш взгляд, подобное совпадение недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Во-вторых, рассмотрение заявления о роспуске коллегии присяжных ввиду ее тенденциозности происходит в финальной части этапа формирования коллегии, после опроса сторонами кандидатов в присяжные, разрешения председательствующим самоотводов, мотивированных и немотивированных отводов. Представляется, что ни стороны, ни председательствующий никаких новых сведений ни о кандидатах, ни о коллегии в целом получить уже не могут, а полученные данные в полной мере реализованы сторонами, заявившими отводы. Это полностью исключает появление случайной судебной ситуации, реакцией на которую могло бы стать заявление о роспуске коллегии.

Минимизирует появление таких ситуаций сокращение случайных компонентов в механизме формирования коллегии присяжных заседателей по УПК РФ (например, жеребьевки оставшихся кандидатов в присяжные заседатели). Таким образом, основание роспуска коллегии присяжных заседателей по мотивам ее тенденциозности не может быть установлено на завершающей фазе формирования коллегии.

Рассмотренные выше противоречия порождают на практике феномен крайне редкого удовлетворения заявления о роспуске коллегии по мотиву тенденциозности. Вследствие этого институт роспуска коллегии присяжных применяется на практике лишь в негативном формате, когда факт отказа от заявления подобного ходатайства стороной рассматривается апелляционной инстанцией как основание отклонения доводов жалобы или представления о необъективности коллегии присяжных¹⁹.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.07.2004 № 7-о04-18сп // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Золотых В. В. Указ. соч. С. 168.

¹⁹ См.: апелляционные определения Верховного Суда РФ от 03.11.2016 № 44-АПУ16-21СП ; от 21.03.2017 № 5-АПУ17-13СП ; от 15.06.2017 № 44-АПУ17-9СП ; от 29.06.2017 № 78-АПУ17-16СП // СПС «КонсультантПлюс».

Вряд ли в таком контексте рассматриваемый институт адекватно выполняет функцию правового средства, обеспечивающего беспристрастность и объективность коллегии присяжных заседателей. Именно поэтому, на наш взгляд, положения ст. 303 УПК РФ, закрепляющие институт заявления о роспуске коллегии присяжных заседателей по мотиву ее тенденциозности, должны быть исключены из УПК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемьев Н. С., Розуван А. М., Тайгозин Ю. А.* Организация судопроизводства с участием присяжных заседателей. — Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. — 104 с.
2. *Воскресенский В.* Участие прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей // *Законность*. — 1994. — № 3. — С. 18—21.
3. *Горовко А. А.* Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемные вопросы // *Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей : научно-практическая конференция, Владивосток, 19—21 сентября 2012 г.* — Владивосток : ИД Дальневост. федер. ун-та, 2013. — С. 30—50.
4. *Добровольская С. И.* Суд присяжных: актуальные проблемы организации и деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1995.
5. *Зивс С. Л.* Современный уголовный суд присяжных в Англии. — М. ; Л. : АН СССР, 1948. — 107 с.
6. *Золотых В. В.* Формирование коллегии присяжных заседателей : научно-практическое пособие. — М. : РГУП, 2017. — 287 с.
7. *Пашин С. А.* Судебная реформа и суд присяжных — М. : РПА Минюста РФ, 1995. — 76 с.
8. *Радутная Н. В.* Зачем нам нужен суд присяжных. — М., 1995. — 39 с.
9. *Радутная Н. В.* Формирование состава присяжных заседателей // *Рассмотрение дел судом присяжных : научно-практическое пособие для судей.* — Варшава, 1997.
10. *Чашин А. Н.* Суд присяжных в России : учебное пособие. — М., 2013. — 128 с.

Артур Геннадьевич БЕЗВЕРХОВ,
декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор
bezverkhov_artur@rambler.ru
443011, Россия,
г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1

Борис КРИВОКАПИЧ,
профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор
krivokapichboris@yahoo.com
443011, Россия,
г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) КРИМИНАЛЬНЫХ ДОХОДОВ: КОМПЛЕКСНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Аннотация. Проблематика отмывания преступных доходов рассматривается в социально-экономическом, криминологическом, международно-правовом, сравнительно-правовом, уголовно-правовом и общеправовом (межотраслевом) аспектах. Показано, что отмывание денег сопровождается развитием общества, имеющего рыночную организацию хозяйствования, где действуют механизмы по обеспечению прозрачности экономического оборота. Доказывается, что отмывание денег тесно связано с различными видами преступного поведения, провоцирует их рост, питается из других криминальных источников. Установлено, что предупреждение легализации доходов от преступной деятельности должно быть для международного сообщества совместным и осуществляться по возможности посредством разработки одинаковых правил по противодействию отмыванию «грязных» денег. Утверждается, что современное уголовное право России стоит перед необходимостью усовершенствования юридической конструкции отмывания преступных доходов в целях обеспечения стабильности правового регулирования. Дополнительно аргументирована постановка вопроса о целесообразности и необходимости принятия федеральных законов о противодействии организованной преступности и об уголовной ответственности юридических лиц, имеющих важное значение в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) криминальных доходов.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики; преступления в сфере экономической деятельности; конвенционные преступления; легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем; отмывание криминальных доходов.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.194-204

A. G. BEZVERKHOV,

*Dean of the Faculty of Law, Samara National Research
University named after academician S. P. Korolev,
Dr. Sci. (Law), Professor
bezverkhov_artur@rambler.ru
443011, Russia, Samara, ul. Academician Pavlov, 1*

B. KRIVOKAPICH,

*Professor of the Department of theory and history of the state
and law and international law, Samara National Research
University named after academician S. P. Korolev,
Dr. Sci. (Law), Professor
krivokapicboris@yahoo.com
443011, Russia, Samara, ul. Academician Pavlov, 1*

THE COUNTERACTION TO LEGALIZATION (LAUNDERING) OF CRIMINAL INCOMES: A COMPREHENSIVE LEGAL APPROACH

Abstract. *The problem of money laundering in socio-economic, criminological, international legal, comparative legal, criminal law and general legal (intersectoral) aspects. It is shown that “money laundering” accompanies the development of a society with a market-based management organization, where mechanisms are in place to ensure the transparency of economic turnover. It is proved that “laundering” is closely related to various types of criminal behavior, provokes their growth, “feeds” on other criminal sources. It has been established that the prevention of money laundering should be joint for the international community and, whenever possible, be carried out through the development of the same rules for combating money laundering. It is argued that modern Russian criminal law is faced with the need to improve the legal structure of the “laundering” of criminal proceeds in order to ensure the stability of legal regulation. In addition, the statement of the question of the feasibility and necessity of adopting federal laws on combating organized crime and on the criminal liability of legal entities that are important in the field of combating the legalization (laundering) of criminal proceeds is substantiated.*

Keywords: *crimes in the field of economics; crimes in the field of economic activity; convention offenses; legalization of money or other property acquired by criminal means; laundering of criminal proceeds*

Легализация криминальных доходов, или, по-другому, отмывание «грязных» денег, — категория, которой обозначается процесс использования легального имущественного оборота в целях сокрытия, утаивания преступного происхождения капитала, придания ему внешне правомерного вида. В результате источник происхождения криминального имущества приобретает легальный вид; самому имуществу придается видимость законных доходов; не представляется

возможным установить лицо, совершившее преступление; создаются условия для продолжения осуществления преступной деятельности¹. По многим причинам это явление представляет собой важную проблему всех современных обществ, в том числе и России².

Затрагиваемая тематика относится к числу многогранных. Мы остановимся на пяти аспектах: 1) социально-экономическом, 2) международно-правовом, 3) сравнительно-правовом, 4) уголовно-правовом и 5) общеправовом (межотраслевом).

1. Социально-экономический аспект

Проблема противодействия отмыванию теневых капиталов имеет прежде всего общественно-экономическую составляющую. Нормы о их легализации, как и сами эти социально негативные формы поведения, связаны с предпринимательским типом экономической системы. Отмывание денег сопровождается развитием общества, имеющего рыночную организацию хозяйствования. Легализация криминальных доходов — это своего рода криминогенное следствие экономики, базирующейся на частной собственности, частном капитале, частном интересе. В других экономических порядках это негативное поведение либо вообще не проявляет себя, либо не получает широкого распространения. Но, поскольку сегодня капиталистические отношения и рыночная экономика господствуют практически во всем мире, это негативное явление характерно для подавляющего большинства существующих обществ. Современная Россия не представляет собой исключение в этом отношении.

Проблема теневых капиталов в известной своей части связана с интенсивностью экономического оборота, с развитой банковской и финансовой системой, с господствующим типом экономико-правового сознания. С ускорением движения капиталов (приток, отток из страны, транзит) увеличивается и пространство («поле») для легализации преступных доходов. Неразвитая рыночная экономика определяет вялый имущественный оборот, а соответственно, и сужение сферы для отмывания, особенно иностранных теневых капиталов.

В одних обществах действуют механизмы по обеспечению прозрачности экономического оборота. Такие общества беспокоит проблема загрязнения экономической атмосферы; они заботятся о чистоте экономики. Между тем есть общества, где людей мало интересует источник происхождения капиталов, где к такому вопросу относятся равнодушно, живут по принципу «деньги не пахнут». Очевидно, что отношение к анализируемой проблематике разнится в зависимо-

¹ См.: *Зубков В. А., Осипов С. К.* Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. М.: Спецкнига, 2007; *Жубрин Р. В.* Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М.: Волтерс Клувер, 2011.

² По оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности, сумма денег, отмываемых во всем мире за один год, составляет 2—5 % мирового ВВП, или 800 млрд — 2 трлн долл. США (см.: *Money-Laundering and Globalization*, UN Office on Drugs and Crime // URL: www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/globalization.html).

сти от типа общественного сознания и отражаемого им характера социально-экономических отношений.

Одно из старых правил гласит: «Бей противника его же оружием». Точно так же, как легализация преступных доходов имеет свою экономическую сторону, так и для борьбы с ней пользуются различными экономическими способами, такими как: контроль и ограничение государствами средств, разрешенных к выводу или депонированию в стране; контроль над определенными денежными валютами, особенно за банкнотами высокой стоимости, которые по своему номиналу позволяют скрывать и переводить большие суммы денег³; замораживание средств на счетах лиц, подозреваемых в участии в преступной деятельности или финансировании терроризма; и т.д. Но в то же время это означает, что в противодействии отмыванию теневых капиталов непременно должны участвовать не только государственные органы, но и различные субъекты, в частности банки и другие коммерческие структуры.

2. Международно-правовой аспект

Отмывание денег — это негативное явление, которое в принципе выходит за пределы национальных границ по двум причинам. Во-первых, оно присутствует во всех современных обществах и представляет проблему для всего мира. Во-вторых, очень часто деньги отмываются за границей или «отмытые» деньги используются для незаконных предприятий за рубежом (например, для военной подготовки террористов, финансирования крупных террористических актов в других странах и т.п.)⁴.

Это привело к регулированию данного вопроса посредством ряда важных международных договоров, принятых на универсальном (мировом) уровне. Это (в хронологическом порядке): Конвенция ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988), Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999) и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000), Конвенции ООН против коррупции (2003).

Разумеется, этот перечень не исчерпывает целый ряд международных документов, касающихся сотрудничества государств в области борьбы с отмыванием денег. Эти вопросы решаются рядом международных организаций и органов на мировом и региональном уровнях, в рамках которых были достигнуты различные

³ По этим причинам, например, в Евросоюзе изъяты из обращения купюры номиналом 500 евро (с 27.04.2019 их больше не печатают и постепенно выводят из обращения).

⁴ О международно-правовом аспекте борьбы с отмыванием «грязных» денег см.: Денисов И. К. Международно-правовое регулирование в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем, и его влияние на национальное законодательство // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2011. № 3. С. 148—156.

соглашения⁵, приняты декларации⁶, резолюции Совета Безопасности и других международных органов, директивы⁷, руководства⁸, рекомендации, глобальные и региональные программы⁹ и т.д.

Среди региональных документов, имеющих особое значение для России, следует выделить договоры, подписанные в рамках Совета Европы, такие как: Европейская конвенция о пресечении терроризма (1977), Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990) и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005).

По многим причинам особое место занимают такие соглашения между странами СНГ, как Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере экономики (1996), Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом (1999), Договор государств — участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма (2007). Есть, конечно, и другие международные договоры, имеющие отношение к России¹⁰

Среди международных органов и организаций, через которые осуществляется международное сотрудничество по борьбе против легализации незаконных доходов, важное место отводится Управлению по наркотикам и преступности, созданному в ООН, Международному валютному фонду, Всемирному банку,

⁵ См., например: Соглашение о принципах регулирования работы банков, осуществления практического контроля за их деятельностью и предупреждения криминального использования банковских систем для «отмывания денег» (1988), подписанное в Базеле руководителями центральных банков стран «Большой семерки», которое затем приобрело важное значение.

⁶ См., в частности: Политическая декларация и план действий по борьбе с отмыванием денег (приняты на 27-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной «совместной борьбе с мировой проблемой наркотиков» (1998)); Неапольская политическая декларация и глобальный план действий против организованной транснациональной преступности (приняты на Всемирной конференции на уровне министров по организованной транснациональной преступности, проходившей в Неаполе (1994)).

⁷ См.: Директива Совета ЕС о предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег (1991); Директива Европейского парламента и Совета о предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег и финансирования терроризма (2005).

⁸ См.: Руководство по применению подхода, основанного на оценке рисков, для сектора страхования жизни. Отчет ФАТФ 2009 // URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/FATF_Guidances/typ_1.pdf.

⁹ Глобальная программа по борьбе с отмыванием денег, доходами от преступной деятельности и финансированием терроризма (ООН, 1997).

¹⁰ См., например: Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999), Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001).

Международной организации уголовной полиции (Интерпол), Эгмонтской группе¹¹ и др.

Особо следует упомянуть Группу разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), основанную еще в 1989 г. Речь идет о международной организации, членом которой является Россия, принявшей 49 различных рекомендаций, касающихся эффективных финансовых мер для противостояния легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Конечно, также важны различные двусторонние договоры. На практике многие такие договоры подписаны и действуют не только между государствами¹², но и между государствами и определенными международными организациями и органами¹³.

В региональных рамках для России особый интерес представляет Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), созданная в 2004 г.¹⁴ Ее основной целью является обеспечение эффективного взаимодействия и сотрудничества на региональном уровне и интеграции государств — членов ЕАГ в международную систему противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в соответствии с Рекомендациями ФАТФ и стандартами противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма других международных организаций, участниками которых являются государства — члены ЕАГ.

Россия является участником самых важных упомянутых договоров, в частности всех четырех конвенций, принятых на международном уровне. Это означает, что она должна имплементировать, т.е. реализовывать, в них содержащиеся решения. Конечно же, это не препятствует нашей стране предусматривать дополнительные (более широкие или более точные) правила в своем законодательстве при условии, что они не нарушают принятые международно-правовые обязательства.

Несмотря на то, что постоянно растет число международных договоров, касающихся рассматриваемой проблемы, в них до сих пор нет единого, общепринятого, достаточно четкого и точного определения понятия «отмывание денег»¹⁵.

¹¹ Неофициальная международная ассоциация подразделений финансовой разведки. См. подробнее: Подразделения финансовой разведки : обзор / Международный валютный фонд — Всемирный банк, 2004 // URL: www.imf.org/external/pubs/ft/FIU/rus/FIUr.pdf.

¹² См., в частности: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в области валютного контроля, контроля за экспортно-импортными операциями и в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем (1996).

¹³ См.: Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией (2003).

¹⁴ См: *Мурадян С. В.* Организационно-правовые основы деятельности государств по противодействию финансированию терроризма и легализации преступных доходов в рамках ЕАГ // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. 262—269.

¹⁵ Достаточно сравнить ст. 3 Конвенции ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988), ст. 6 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000), ст. 14 Конвенции ООН против коррупции (2003),

Возникает вопрос: если до сих пор не все до конца согласовано на международном уровне, можем ли мы быть уверены, что государства всегда правильно интерпретируют и выполняют свои международно-правовые обязательства? Этот вопрос остается открытым, требуя постоянного рассмотрения.

3. Сравнительно-правовой аспект

Проблема отмывания денег возникла прежде всего в обществах с рыночной экономикой¹⁶. В США эта проблема решается двумя способами — предупреждением и уголовным наказанием. В связи с предупреждением уже полвека тому назад был принят Закон о банковской тайне (*Bank Secrecy Act*, 1970)¹⁷, а затем появились и другие правовые нормы. Когда же речь идет о наказании, отмывание денег стало уголовно наказуемым деянием по Закону о контроле операций по отмыванию денег (*Money Laundering Control Act*, 1986). Можно многому научиться из опыта зарубежных стран, для которых издавна характерна рыночная экономика и которые, соответственно, раньше России столкнулись с проблемой отмывания денег¹⁸.

С другой стороны, хотя каждая страна имеет свою специфику, с точки зрения как конкретных форм, в которых возникает и проявляется проблема отмывания денег, так и способов борьбы с ними это одна из сфер общественных отношений, для которых характерна унификация права. В дополнение к уже упомянутым международным договорам и другим международным документам отметим, что особую роль в сближении национальных законодательств в этой области играют различные типовые законодательные акты. Речь идет о документах рекомендательного характера, цель которых — быть образцом для развития соответствующего национального законодательства государств.

ст. 6 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990).

¹⁶ См.: *Филатова М. А.* Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2012. № 5. С. 84—94; *Емцева К. Е.* Компаративный анализ уголовного законодательства об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Уголовная политика: теория и практика. 2015. № 1. С. 132—138; *Муксинова А. Ф.* Легализация доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков, в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 238—245.

¹⁷ History of Anti-money laundering laws, financial crimes enforcement network // URL: www.fincen.gov/history-anti-money-laundering-laws.

¹⁸ Законы об отмывании преступных доходов приняты в 1992 г. в Германии, в 1998 г. — в Швейцарии и Бразилии, а в 2000—2001 гг. — в России и Японии, а затем и в большинстве других стран (см.: *Князева Е. Ю., Владимирова П. М.* Становление и развитие системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Вестник РГГУ. Экономика. Управление. Право. 2013. № 19. С. 97).

В рамках системы ООН укажем на Типовое законодательство об отмывании денег и финансировании терроризма (2005) и Типовые положения о деньгах, отмывании денег, финансировании терроризма, профилактических мерах и доходах от преступления (2009).

Унификация законодательства государств в этой области крайне важна и потому, что это негативное явление, противодействие которому должно быть только совместным, с одинаковыми для всех правилами. В разных странах система правления может быть различной (республика или монархия), но сама по себе она не влияет на отношения в международном сообществе. Зато такая, в принципе малозначимая, деятельность, как вид спорта (например, футбол), всегда и везде должна осуществляться по одним и тем же правилам, так как без этого международные соревнования невозможны. По сути, то же самое можно сказать и про сферу противодействия легализации преступных доходов.

4. Уголовно-правовой аспект

Как известно, нормы об уголовной ответственности за легализацию преступных доходов сегодня помещены в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» разд. VIII «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса РФ. На этом основании объектом анализируемых деяний признается порядок в сфере экономической деятельности, хозяйственный механизм. Вместе с тем опасность отмывания «грязных» денег выражается в причинении существенного вреда множеству других правоохраняемых объектов¹⁹.

Во-первых, криминальные доходы подрывают рыночную экономику в целом, как нарушая экономический порядок, так и посягая на прозрачность имущественного оборота.

Во-вторых, это криминальное явление угрожает общественной безопасности, так как связано с организованной преступностью, в том числе террористического характера.

В-третьих, легализация попирает интересы государственной власти. С одной стороны, она обуславливает рост коррупции, с другой — препятствует реализации задач правосудия, ибо направлена на сокрытие от правосудия теневых капиталов и их владельцев.

Так, в уголовных законах ряда зарубежных стран объективная сторона легализации определяется через термин «сокрытие», а нормы об ответственности за указанное деяние помещены в раздел преступлений против правосудия. К примеру, в УК ФРГ ответственность за легализацию преступных доходов установлена в ст. 261 «Отмывание денег. Укрывательство незаконно полученных имущественных выгод». Эта статья расположена в разд. 21 «Укрывательство преступника, укрывательство имущества, добытого преступным путем».

¹⁹ Подробнее см.: *Пикуров Н. И., Пудовичкин Ю. А.* Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Н. Новгород : Кириллица, 2015.

В УК Швейцарии ст. 305 bis «Отмывание денег», определяющая ответственность того, «кто совершает действие, предназначенное для того, чтобы *скрыть* установление происхождения, нахождение или конфискацию имущественных ценностей», помещена следом за статьей об укрывательстве и расположена в разд. 17 «Преступления и проступки против правосудия». Как видно, отмывание преступных доходов расценивается в качестве одного из самостоятельных видов прикосновенности к преступлению — «сокрытия чужого преступления и приобретенных в результате его совершения преступных доходов от правосудия».

Если отмывание признать вторичной преступной деятельностью, то его сущность состоит во введении любым лицом в любых целях в легальный оборот криминальных доходов, нарушающих чистоту имущественного оборота. В этом случае становится возможным рассматривать легализацию обособленно и независимо от предикатного (основного) преступления.

Если же отмывание — это вид прикосновенности (сокрытия), то его сущность состоит в придании правомерного вида теневым капиталам, во включении криминального имущества в легальный оборот в целях возвращения незаконным владельцам под видом правомерного, нередко для дальнейшего вложения в преступную деятельность. В этом случае отмывание — рациональная деятельность, преследующая ряд целей. Среди последних можно назвать такие, как снижение риска изъятия преступных доходов (воспрепятствование их конфискации), снижение риска привлечения к ответственности владельца преступных доходов, снижение риска пресечения преступной деятельности. По уголовному праву России цель отмывания — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом. Совершение финансовых операций или других сделок с имуществом без указанной цели не образует состав рассматриваемого преступления.

На этой позиции стоит и Пленум Верховного Суда РФ. В пункте 10 постановления от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» им дается следующее разъяснение: «Исходя из положений пункта 1 статьи 6 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. и пункта 1 статьи 9 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него».

Отмывание — это так называемое «конвенционное» преступление. Согласно международно-правовым стандартам не запрещено учитывать основополагающие положения внутреннего права. На этом основании могут не подлежать криминализации действия лиц, совершивших основное преступление (пп. «е» п. 2 ст. 6 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности).

Как известно, ответственность за отмывание установлена в двух статьях УК РФ, отличающихся прежде всего признаками субъекта преступления. В статье 174 УК ответственность предусмотрена за отмывание «чужих» криминальных доходов; в статье 174.1 УК — так сказать, «своих», «собственных», здесь предусмотрен специальный субъект. Подобный законодательный подход представляется небесспорным с точки зрения учения о прикосновенности к преступлению. Как известно, прикосновенность к собственному преступлению уголовно ненаказуема.

5. Общеправовой (межотраслевой) аспект

В Российской Федерации борьба с отмыванием денег регулируется рядом внутренних правовых и политических документов²⁰. Функционирует целая национальная система противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, в которую входят не только правоохранительные органы, но и другие государственные органы и иные субъекты, в том числе Росфинмониторинг, Банк России и кредитные организации²¹.

Однако существование различных нормативных актов также вызывает определенные проблемы в отношении их толкования и возможной коллизии. Здесь мы укажем только на одну проблему. В части 2 ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» понятие легализации определяется как придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления. Между тем придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению имуществом является целью действий виновного при легализации, но не их содержанием. Таким образом, то, что в УК РФ считается преступной целью, в Законе 2001 г. признается противоправным деянием. Налицо межотраслевая рассогласованность, которую следует устранить.

Россия вступила в эту борьбу на рубеже XX—XXI вв., когда перешла на рельсы рыночной экономики, и успешно ведет ее. Об этом свидетельствует, по крайней мере, тот факт, что Российская Федерация в 2019 г. получила высокую оценку соответствия ее «антиотмывочной» системы международным стандартам ФАТФ²². Тем не менее, как говорится, нет предела совершенству. В связи с этим мы должны задаться вопросом о целесообразности принятия законов о противодействии

²⁰ В свете сказанного особо важное значение имеет концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. 30.05.2018 // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5310>.

²¹ См.: Ковалева С. Е. Роль банков в противодействии легализации теневых доходов // Финансовый журнал. 2012. № 2. С. 141—150.

²² FATF высоко оценила российскую систему по борьбе с отмыванием денег // Экономика. 18.10.2019. Интерфакс. URL: www.interfax.ru/business/680910; Россия получила высокую оценку соответствия национальной антиотмывочной системы международным стандартам ФАТФ // Финансовая безопасность. 2019. № 25. С. 10—15. URL: www.fedsfm.ru/content/files/%D1%84%D0%B1%20%E2%84%9625.pdf.

организованной преступности и об уголовной ответственности юридических лиц, имеющих весьма важное значение в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) криминальных доходов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Денисов И. К.* Международно-правовое регулирование в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем, и его влияние на национальное законодательство // Вестник РУДН. — Серия «Юридические науки». — 2011. — № 3. — С. 148—156.
2. *Емцева К. Е.* Компаративный анализ уголовного законодательства об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Уголовная политика: теория и практика. — 2015. — № 1. — С. 132—138.
3. *Жубрин Р. В.* Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 488 с.
4. *Зубков В. А., Осипов С. К.* Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. — М. : Спецкнига, 2007. — 752 с.
5. *Ковалева С. Е.* Роль банков в противодействии легализации теневых доходов // Финансовый журнал. — 2012. — № 2. — С. 141—150.
6. *Муксинова А. Ф.* Легализация доходов, приобретенных в результате незаконного оборота наркотиков, в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2018. — № 2. — С. 238—245.
7. *Мурадян С. В.* Организационно-правовые основы деятельности государств по противодействию финансированию терроризма и легализации преступных доходов в рамках ЕАГ // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 6. — С. 262—269.
8. *Пикуров Н. И., Пудовичкин Ю. А.* Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. — Н. Новгород : Кириллица, 2015. — 264 с.
9. *Филатова М. А.* Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. — Серия 11 «Право». — 2012. — № 5. — С. 84—94.

ПОНЯТИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ РАСХОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Одним из актуальных проблемных вопросов в финансовом праве является определение содержательной характеристики расходных обязательств в структуре бюджета. Обязательства существуют не только в гражданских правоотношениях, они характерны и для публично-правовой сферы в рамках разных видов финансовых обязательств: публичных, бюджетных, расходных, денежных, долговых. Расходные обязательства имеют законодательное закрепление в Бюджетном кодексе РФ и предусматривают обязанности соответствующего публично-правового образования по предоставлению денежных средств из соответствующего бюджета субъекту, указанному в законодательстве (физическому или юридическому лицу, публично-правовому образованию). Анализ содержательной характеристики расходных обязательств свидетельствует о наличии общих и специфических признаков гражданских и расходных обязательств. Среди первых следует выделить имущественный характер, наличие правоотношений, а к специфическим можно отнести основания возникновения обязательств, их характер.

Ключевые слова: расходные обязательства, бюджет, финансовые обязательства, финансовое право, бюджетное право.

**Ольга Сергеевна
ЗАБРАЛОВА,**

докторант Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА),
кандидат юридических наук
zabolovaolga@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.205-211

O. S. ZABRALOVA,

Cand. Sci. (Law), doctoral

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

zabolovaolga@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

CONCEPT AND PURPOSE OF EXPENDITURE OBLIGATIONS

Abstract. One of the topical problematic issues in financial law is the definition of the meaningful characteristics of expenditure obligations in the budget structure. Not only in civil relations there are obligations, they are also characteristic of the public law sphere within the framework of different types of financial obligations: public, budgetary, expenditure, cash, debt. Expenditure obligations are legislatively enshrined in the Budget Code of the Russian Federation, and provide for the obligations of the relevant public law entity to provide funds from the relevant budget to the entity specified in the legislation (natural or legal entity, public entity). An analysis of the content characteristics of expenditure obligations indicates the presence of general and specific signs of civil and expenditure obligations. Among the first, it is

© О. С. Забралова, 2020

necessary to highlight the property nature, the presence of legal relations, and the specific ones include the grounds for the emergence of obligations, their nature.

Keywords: *expenditure obligations, budget, financial obligations, financial law, budget law.*

В современной теории и практике финансового права традиционно принято выделять различные актуальные проблемы, которые затрагивают все институты и подотрасли финансового права¹. Одним из проблемных вопросов является определение содержательной характеристики расходных обязательств в бюджетных правоотношениях.

В теории правоотношений принято в основном отождествлять термин «обязательство» с гражданскими правоотношениями. Однако в ряде случаев данный термин характерен и для публично-правовой сферы, в частности финансово-правовой, поскольку в теории и практике используют такие наиболее распространенные виды обязательств, как финансовые и бюджетные, последние и представляют интерес для настоящего исследования. Следует иметь в виду, что термины «обязательство» и «обязанность» сходны по своей сути, но не являются идентичными².

Обращаясь к трактовке данных понятий в словарях, можно увидеть, что С. И. Ожегов обязательство раскрывает как «официально данное обещание», причем уточняет его письменную форму и указывает на безусловность его выполнения, а также рассматривает его как «документ о займе денег, ценностей»³. Аналогичное понимание обязательства приводит и Д. Н. Ушаков, который указывает на то, что обязательство — это «обещание или договор, ставящий принявшего его в необходимость обязательно выполнить условленное»⁴.

Обращаясь к теории гражданского права, видим, что в гражданском законодательстве указано на сущность обязательства, которая заключается в обязанности лица, выступающего в качестве должника, совершить в пользу другого лица, выступающего кредитором, определенное деяние (чаще всего это может быть передача имущества, выполнение работ, уплата денежных средств и пр.) или воздержаться от активных действий, тогда как кредитор может требовать от должника выполнения его обязанности⁵. Законодатель указывает на то, что в гражданских отношениях обязательства возникают, как правило, из сделок, вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения или в иных случаях, закрепленных в гражданском законодательстве.

¹ См.: Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М., 2020. 256 с.

² См.: Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Е. Ю. Грачевой. М., 2016. С. 22.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2008. С. 573.

⁴ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 2010. С. 632.

⁵ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Анализируя сущность и содержание обязательств в публично-правовой сфере, в частности в финансовом праве, следует иметь в виду, что публичное обязательство имеет немного иную трактовку, в отличие от частного обязательства. Однако для любых видов обязательств характерен ряд общих черт, а именно: имущественный характер, наличие правоотношений, связанных с обязательствами, в некоторых случаях — основания возникновения обязательств⁶.

Легальное закрепление термина «финансовое обязательство» имеется в международных стандартах финансовой отчетности (далее — МСФО). В частности, IAS 32 закрепляет финансовое обязательство в двух аспектах:

- 1) как определенную обязанность, предусмотренную договором совершить следующие действия:
 - передать активы, имеющие финансовое содержание, включая денежные средства, другому юридическому лицу;
 - обменяться подобными активами с иным юридическим лицом;
- 2) как договор, расчеты по которому осуществляются долевыми инструментами юридического лица и который выступает в качестве:
 - непроизводного инструмента, по которому организация имеет обязанность передать определенное количество собственных долевого инструмента;
 - производного инструмента, расчеты по которому не связаны с обменом какого-либо актива на определенное количество долевого инструмента юридического лица⁷.

По мнению некоторых авторов, данная характеристика указанного понятия в общем виде является не определением, а попыткой классифицировать финансовые обязательства, устанавливая признаки, позволяющие отличить их от иных объектов или ресурсов. Сложность заключается еще и в том, что данное определение использует такие термины, как «финансовые активы» и «долевые инструменты», трактовка которых, в свою очередь, определяется через финансовые обязательства, что усложняет и без того непростое понимание данных определений⁸.

В рамках бюджетного законодательства при введении в действие Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ) появляются различные виды финансовых обязательств: публичные, бюджетные, расходные, денежные, долговые, которые более подробно начинают анализироваться в трудах по финансовому праву⁹. В течение

⁶ См. подробнее: Грачева Е. Ю. К вопросу о финансовых обязательствах государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 6 (22). С. 11—12.

⁷ Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» // СПС «КонсультантПлюс». В данном виде документ опубликован не был.

⁸ Луговской Д. В., Абросимова Ю. А. Финансовые обязательства как элемент финансовой отчетности: вопросы идентификации // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 3 (297). С. 20—21.

⁹ См.: Арзуманова Л. Л. Система права денежного обращения как подотрасли финансового права Российской Федерации : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М., 2014 ; Бюджетная система и система налогов и сборов Российской Федерации : учебник для магистратуры / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. М., 2017 ; Цареградская Ю. К. Государственный долг России в системе финансового права : монография. М., 2019 ;

длительного времени их содержание в законодательстве претерпевало различные изменения и корректировку. Рассмотрим каждое из них, чтобы можно было осмыслить содержание и назначение расходного обязательства в системе обязательств, предусмотренных бюджетным законодательством.

Бюджетные обязательства в законодательстве рассматриваются как расходные обязательства, исполнение которых должно произойти в определенном календарном (финансовом) году.

Поскольку сфера бюджетных правоотношений является публичной, то логично, что законодатель вводит в оборот термин публичные обязательства, отграничивая их от частных обязательств и определяя сферу определенных общественных интересов. В бюджетном законодательстве закреплены публичные обязательства и публичные нормативные обязательства.

Легальное закрепление публичных обязательств сводится к пониманию их как расходных обязательств публично-правового образования перед физическими или юридическими лицами или иными публично-правовыми образованиями, которые должны быть исполнены в установленном размере или с учетом определенного порядка расчета или индексации, обусловленных соответствующим нормативным правовым актом.

В качестве публичных нормативных обязательств рассматриваются обязательства только перед физическим лицом, подлежащие исполнению в денежной форме в размере, который устанавливается в определенном правовом акте. Данное правило не распространяется на выплаты физическому лицу в статусе государственного (муниципального) служащего, а также замещающего соответствующие должности в Российской Федерации, работников казенных учреждений, военнослужащих, а также иных лиц, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях¹⁰.

В системе расходных обязательств особое место отводится долговым обязательствам, которые возникают в связи с привлечением государственных или муниципальных займов, принятых на себя Российской Федерацией, субъектом РФ или муниципальным образованием, включая обязательства по государственным (муниципальным) гарантиям¹¹.

Бюджетным обязательствам присущ имущественный характер, следовательно, они имеют денежную форму выражения, поэтому законодатель вводит в оборот понятие «денежное обязательство». Поскольку в теории финансового права различают содержание финансов и денег, то не стоит смешивать данные понятия. В связи с этим в бюджетное законодательство введено понятие таких

Она же. Теоретико-правовые основы государственного долга Российской Федерации: сущность, содержание и функции // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 71—72.

¹⁰ Бюджетный кодекс РФ.

¹¹ См.: Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации. С. 299; Цареградская Ю. К. Государственный долг России в системе финансового права. С. 77—81; *Она же.* Теоретико-правовые основы государственного долга Российской Федерации: сущность, содержание и функции. С. 71—72.

обязательств с соответствующим содержанием, которое разрабатывается и в теории финансового права¹².

В соответствии с Бюджетным кодексом РФ денежные обязательства представляют собой обязанность получателя средств из бюджета уплатить, бюджету, физическому или юридическому лицу за счет средств из бюджета определенной размер денежных средств на основании условий, предусмотренных гражданско-правовой сделкой, заключенной в рамках бюджетных полномочий указанного субъекта или в соответствии с положениями правового акта.

Обращаясь непосредственно к определению расходного обязательства, закрепленному в Бюджетном кодексе РФ, можно увидеть сходное с гражданско-правовой природой содержание, заключающееся в том, что данные обязательства — это обусловленные законом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования или казенного учреждения, действующего от его имени, предоставить физическому или юридическому лицу, а также иному публично-правовому образованию или субъекту международных правоотношений средства из определенного бюджета. В изначальной редакции данного определения вместо казенного учреждения использовалось указание на такой субъект, как бюджетное учреждение.

Бюджетное законодательство предусматривает несколько видов данных обязательств с учетом принципа федерализма: расходные обязательства Российской Федерации, расходные обязательства субъектов РФ, расходные обязательства муниципальных образований.

Расходные обязательства возникают в следующих случаях:

- принятия нормативных правовых актов органов исполнительной власти при осуществлении ими полномочий по вопросам, отнесенным к их предметам ведения, или полномочий по предметам совместного ведения;
- заключения договоров (соглашений) при осуществлении органами государственной власти полномочий по собственным предметам ведения или полномочий по предметам совместного ведения;
- заключения от имени публично-правовых образований договоров (соглашений) с казенными учреждениями;
- принятия нормативных правовых актов органов исполнительной власти, предусматривающих предоставление из бюджета межбюджетных трансфертов в формах и порядке, предусмотренных бюджетным законодательством, в частности субвенций, в связи с осуществлением органами власти переданных им отдельных государственных полномочий¹³.

Расходные обязательства в зависимости от их вида исполняются за счет собственных доходов и источников финансирования дефицита федерального бюджета, бюджета субъекта РФ или местного бюджета. В определенных случаях, установленных законодательством, расходные обязательства исполняются за счет средств бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации.

Положения нормативных правовых актов органов исполнительной власти, предусматривающие предоставление субвенций из бюджета соответствующего уровня бюджетам нижестоящего уровня, должны содержать порядок расчета

¹² Арзуманова Л. Л. Указ. соч.

¹³ Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации. С. 240—249.

нормативов для определения объема субвенций на исполнение указанных расходных обязательств.

В тех случаях, когда в субъекте РФ или в муниципальном образовании превышены установленные нормативы, которые используются в методиках расчета соответствующих субвенций, финансирование дополнительных расходов, необходимых для полного исполнения, осуществляется за счет собственных средств, представленных доходами и источниками финансирования соответствующего бюджета.

Следует иметь в виду, что органы государственной власти субъекта Российской Федерации вправе:

- самостоятельно определять размер и условия оплаты труда государственных гражданских служащих и работников государственных учреждений субъекта Российской Федерации;
- устанавливать и исполнять расходные обязательства, связанные с решением вопросов, не отнесенных к компетенции иных органов государственной власти и местного самоуправления, только при наличии соответствующих средств собственного бюджета¹⁴.

В связи с этим отмечается, что органы государственной власти субъекта РФ не вправе исполнять расходные обязательства, связанные с решением вопросов, отнесенных к компетенции иных органов власти.

Что касается расходных обязательств муниципальных образований, то следует учитывать специфику видов данных образований, предусмотренных законодательством о местном самоуправлении. Расходные обязательства муниципального образования, связанные с осуществлением органами местного самоуправления муниципальных районов части полномочий городских, сельских поселений по решению вопросов местного значения, переданных им в соответствии с заключенными соглашениями, устанавливаются правовыми актами соответствующих органов местного самоуправления и исполняются за счет межбюджетных трансфертов, выделяемых из соответствующего уровня местного бюджета. При превышении нормативов, используемых в методиках расчета межбюджетных трансфертов, обеспечение дополнительных расходов осуществляется за счет доходов местного бюджета и источников финансирования дефицита его бюджета.

Органам местного самоуправления по аналогии с органами государственной власти субъекта РФ предусмотрено право самостоятельного определения размеров и условий оплаты труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, а также муниципальных служащих и работников муниципальных учреждений¹⁵.

Для учета и исполнения расходных обязательств органам власти вменяется в обязанность ведение реестров расходных обязательств, которые представлены сводом (перечнем) нормативных правовых актов, обуславливающих их правовые основания с указанием соответствующих положений правовых актов с оценкой объемов бюджетных ассигнований, необходимых для исполнения обозначенных обязательств¹⁶.

¹⁴ Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации. С. 245.

¹⁵ Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации. С. 248—249.

¹⁶ Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации. С. 250—251.

Порядок ведения реестров расходных обязательств соответствующего бюджета устанавливается, соответственно, высшими органами исполнительной власти. Все реестры расходных обязательств представляются в Минфин России. Относительно реестра расходных обязательств муниципального образования следует иметь в виду тот факт, что он представляется еще и в финансовый орган исполнительной власти субъекта РФ.

Подводя итоги рассмотрению расходных обязательств как виду финансовых обязательств, следует учитывать следующее:

- расходные обязательства являются разновидностью бюджетных обязательств, подлежащих исполнению в определенном финансовом году;
- определение расходного обязательства, предусмотренное бюджетным законодательством, имеет общие признаки с гражданско-правовым обязательством, поскольку представляет собой также обязанности, но уже не частного лица, а публично-правового образования по предоставлению какому-либо субъекту средств из определенного бюджета;
- назначение расходных обязательств заключается в предоставлении средств из соответствующего бюджета для финансирования функций публично-правового образования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики / отв. ред. Е. Ю. Грачева. — М. : Проспект, 2020. — 256 с.
2. *Арзуманова Л. Л.* Система права денежного обращения как подотрасли финансового права Российской Федерации : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. — М. : Проспект, 2014. — 128 с.
3. Бюджетная система и система налогов и сборов Российской Федерации : учебник для магистратуры / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. — М. : Норма ; Инфра-М, 2017. — 272 с.
4. *Грачева Е. Ю.* К вопросу о финансовых обязательствах государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 6. — С. 10—20.
5. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Е. Ю. Грачевой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016. — 688 с.
6. *Луговской Д. В., Абросимова Ю. А.* Финансовые обязательства как элемент финансовой отчетности: вопросы идентификации // Международный бухгалтерский учет. — 2014. — № 3 (297). — С. 19—23.
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М. : Оникс, Мир и образование, 2008. — 976 с.
8. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. — М. : АСТ ; Астрель, 2010. — 912 с.
9. *Цареградская Ю. К.* Государственный долг России в системе финансового права : монография. — М. : Инфра-М, 2019. — 166 с.
10. *Цареградская Ю. К.* Теоретико-правовые основы государственного долга Российской Федерации: сущность, содержание и функции // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 4 (65). — С. 69—76.

**Заур Игоревич
КАЗИМОВ,**

соискатель Российской
академии адвокатуры и
нотариата
zaur.kazimov@mail.ru
105120, Россия, г. Москва,
Малый Полуярский
пер., д. 3/5

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ САНКЦИИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ОТДЕЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ЛИЦ

Аннотация. В общей теории государства и права под санкцией принято понимать часть нормы права, указывающую на неблагоприятные для правонарушителя последствия в виде принудительного воздействия на него. Такому представлению о санкциях противоречат многочисленные научные определения уголовно-правовой санкции, которые основываются на неоднократно использованном в Уголовном кодексе РФ понятии «санкция статьи Особенной части Кодекса». Рассмотрение санкции как части нормы уголовного права об ответственности за определенный вид преступления возможно во взаимосвязи с составом преступления, отраженном в диспозиции этой же нормы уголовного права. Уголовный кодекс РФ содержит нормы права, санкции которых скорректированы с учетом особой характеристики субъекта преступления. Эти санкции можно рассматривать как особую группу уголовно-правовых санкций. И диспозиция (в части характеристики субъекта преступления), и санкция нормы уголовного права конкретизируются в статьях Общей части Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: норма уголовного права, санкция нормы уголовного права, конкретизация санкции нормы уголовного права, специальный субъект преступления.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.212-220

Z. I. KAZIMOV,

Graduant of the Russian Academy of Advocacy and Notariate
zaur.kazimov@mail.ru
105120, Russia, Moscow, per. Maly Poluyaroslavskiy, 3/5

CRIMINAL LEGAL SANCTIONS FOR CRIMES COMMITTED BY SPECIFIC CATEGORIES OF PERSONS

Abstract. In the general theory of state and law, a sanction is usually understood as a part of a rule of law that indicates adverse consequences for the offender in the form of coercive influence on him. This idea of a sanction is contradicted by numerous scientific definitions of a criminal legal sanction, which are based on the concept of "sanction of an article of the Special Provisions of the Penal Code", which is repeatedly used in the Penal Code of the Russian Federation. Consideration of the sanction as a part of a criminal legal norm on liability for a certain type of crime allows us to consider

it in relation to the composition of the crime, reflected in the disposition of the same criminal legal norm. The Penal Code of the Russian Federation contains legal norms where sanctions have been adjusted to consider the special characteristics of the subject of the crime. These sanctions can be considered as a special group of criminal legal sanctions. Both the disposition (In terms of the characteristics of the subject of the crime) and the sanction of the criminal legal norms are specified in the articles of the General Provisions of the Penal Code of the Russian Federation.

Keywords: *criminal legal norm, the sanction of criminal legal norm, the specification of the sanctions of the criminal legal norm, the special subject of the crime.*

Наука уголовного права содержит различные трактовки понятия санкции. Одни говорят о санкции в уголовном праве, другие — об уголовно-правовой санкции, третьи — о санкции уголовного закона, четвертые — о санкции статьи уголовного закона¹, пятые — о санкции как части уголовно-правовой нормы и части статьи уголовного закона, шестые — о санкции как части нормы Особенной части уголовного закона².

В общей же теории права санкция рассматривается как часть нормы права. Так, по мнению М. Н. Марченко, «санкция представляет собой такую часть правовой нормы, в которой указаны последствия ее нарушения или неисполнения, предусматриваются меры государственного воздействия в отношении ее нарушителей»³.

Рассматривая санкцию в качестве части содержания нормы права, Л. А. Морозова отмечает: «Санкция нормы права — указание на неблагоприятные последствия для ее нарушителей»⁴. Аналогично мнение Н. В. Витрука, понимающего под

¹ Чаще всего имеются в виду статьи Особенной части УК РФ. Этому есть простое объяснение: в УК РФ неоднократно упоминается «санкция статьи Особенной части Кодекса» или «санкция, предусмотренная статьей Особенной части Кодекса» (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 62, ч. 1 ст. 65, ч. 2 и 3 ст. 68). Кроме того, общим началом назначения наказания является назначение наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 60).

² См.: Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 196—207 ; Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 119 ; Российское уголовное право : учебник : в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2010. Т. 1 : Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рагога. С. 30 ; Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; Инфра-М, 2013. С. 59 ; Густова Э. В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 13—21.

³ Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Велби ; Проспект, 2006. С. 576.

⁴ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М. : Юрист, 2003. С. 207.

санкцией «часть правовой нормы, которая указывает на последствия, которые наступают в результате нарушения диспозиции данной нормы»⁵.

Полагаем, что нет никаких причин отступать от устоявшегося в общей теории права представления о санкции как части нормы права и придумывать особое понимание санкции в уголовном праве. Необходимо только пояснить, что нормы уголовного права об ответственности за различные виды преступлений состоят из положений Общей и Особенной частей УК РФ. Это касается как диспозиций, так и санкций этих норм.

Положение ч. 1 ст. 60 УК РФ о том, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК, и с учетом положений Общей части УК, предполагает конкретизацию санкции применяемой нормы. При этом одним из критериев конкретизации пределов санкции нормы уголовного права выступает субъект преступления.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что речь идет не об индивидуализации наказания в пределах санкции, а именно о конкретизации санкции нормы об уголовной ответственности за преступление, совершенное субъектом, специально указанным в законе. Конкретизации подвергаются виды и размеры (сроки) основных и дополнительных наказаний за преступления, указанные в статьях Особенной части УК РФ.

Анализ положений Общей части УК РФ позволяет назвать субъектов, относительно которых закон конкретизирует санкции применяемых норм уголовного права. Это:

- 1) мужчина, достигший шестидесятилетнего возраста;
- 2) мужчина, достигший к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста;
- 3) женщина;
- 4) беременная женщина;
- 5) женщина, имеющая детей в возрасте до трех лет;
- 6) женщина, имеющая детей в возрасте до четырнадцати лет;
- 7) женщина, достигшая пятидесятипятилетнего возраста;
- 8) несовершеннолетний;
- 9) лицо, не достигшее к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста;
- 10) лицо, совершившее преступления в возрасте до восемнадцати лет;
- 11) военнослужащий;
- 12) военнослужащий, проходящий военную службу по призыву;
- 13) военнослужащий, проходящий военную службу по контракту на *воинских* должностях рядового *или* сержантского состава, если он на момент вынесения судом приговора не отслужил установленного законом срока службы по призыву;
- 14) военнослужащий, проходящий военную службу по контракту на должностях рядового *и* сержантского состава, если он на момент вынесения судом приговора не отслужил установленного законом срока службы по призыву;

⁵ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2009. С. 50.

- 15) военнослужащий, проходящий военную службу по контракту;
- 16) лицо, признанное инвалидом первой группы;
- 17) лицо, признанное инвалидом первой или второй группы;
- 18) иностранный гражданин;
- 19) лицо без гражданства;
- 20) лицо, не имеющее места постоянного проживания на территории Российской Федерации;
- 21) лицо, выданное Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования.

Перечень довольно большой. Выделение некоторых субъектов вызывает сомнения из-за неудачности их разграничения. Имеются в виду несовершеннолетних, лицо, не достигшее к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, и лицо, совершившее преступления в возрасте до восемнадцати лет, а также военнослужащий, проходящий военную службу по контракту на *воинских* должностях рядового *или* сержантского состава, если он на момент вынесения судом приговора не отслужил установленного законом срока службы по призыву, и военнослужащий, проходящий военную службу по контракту на должностях рядового *и* сержантского состава, если он на момент вынесения судом приговора не отслужил установленного законом срока службы по призыву. Тем не менее мы не можем игнорировать положения действующего уголовного закона.

Нетрудно заметить, характеристики субъектов относятся либо к моменту совершения ими преступлений, либо к моменту назначения судом наказания. Конкретизация санкций норм уголовного права применительно к указанным субъектам осуществлена следующим образом.

Мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, принудительные работы не назначаются (ч. 7 ст. 53.1 УК РФ).

Мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, а также *женщинам* пожизненное лишение свободы и смертная казнь⁶ не назначаются (ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ).

Беременным женщинам не назначаются обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы и арест (ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53.1 и ч. 2 ст. 54 УК РФ).

Женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, не назначаются: обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы (ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50 и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ).

Женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, арест не назначается (ч. 2 ст. 54 УК РФ).

Женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, принудительные работы не назначаются (ч. 7 ст. 53.1 УК РФ).

Особо тщательно, хотя и не без недостатков, решен вопрос о конкретизации санкций уголовно-правовых норм об ответственности несовершеннолетних и лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет. По обще-

⁶ Несмотря на существующий в России мораторий на применение смертной казни, УК РФ содержит этот вид наказания. Поэтому мы не видим основания не учитывать правила неприменения смертной казни к отдельным категориям субъектов преступлений.

му правилу видами наказаний, назначаемых *несовершеннолетним*, являются: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок (ч. 1. ст. 88 УК РФ).

Это в то же время означает, что *несовершеннолетним* не назначаются лишение права занимать определенные должности; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; ограничение по военной службе; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; пожизненное лишение свободы и смертная казнь (ст. 44, ч. 7 ст. 531, ч. 2 ст. 54, ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ)⁷.

Одновременно УК РФ предусматривает ограничения сроков или размеров наказаний в пределах санкций норм уголовного права, которые применяются к несовершеннолетним. Однако не все так просто. Санкции соответствующих норм конкретизированы следующим образом.

Несовершеннолетнему штраф назначается как при наличии у него самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Назначенный несовершеннолетнему штраф по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев (ч. 2. ст. 88 УК РФ; для сравнения см. ст. 46 УК РФ).

Несовершеннолетнему обязательные работы назначаются *на срок* от сорока до ста шестидесяти часов, заключаются в выполнении работ, посильных для него, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время. Продолжительность обязательных работ *лиц в возрасте до пятнадцати лет* не может превышать двух часов в день, а *лиц в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет* — трех часов в день (ч. 3. ст. 88 УК РФ; для сравнения см. ст. 49 УК РФ).

Несовершеннолетнему исправительные работы назначаются на срок до одного года (ч. 4. ст. 88 УК РФ; для сравнения см. ст. 50 УК РФ).

Несовершеннолетнему ограничение свободы назначается в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет (ч. 5. ст. 88 УК РФ; для сравнения см. ст. 53 УК РФ).

Несовершеннолетнему, совершившему преступление в возрасте до шестнадцати лет, наказание в виде лишения свободы назначается на срок не свыше шести лет. *Этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним* наказание назначается на срок не свыше десяти лет и отбывается в воспитательных колониях. Наказание в виде лишения свободы не может быть назначено *несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным*

⁷ В силу того, что несовершеннолетний не является субъектом государственной (гражданской, военной и иной) службы, он в принципе не может быть лишен специального или воинского звания, классного чина, ограничен по военной службе, содержаться в дисциплинарной воинской части.

несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые (ч. 6 ст. 88 УК РФ; для сравнения см. ст. 56 УК РФ).

При назначении *несовершеннолетнему* наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, сокращается наполовину (ч. 6.1 ст. 88 УК РФ; для сравнения см. ст. 64 УК РФ).

Несовершеннолетним принудительные работы не назначаются (ч. 7 ст. 53.1 УК РФ).

Лицу, не достигшему к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, арест не назначается (ч. 2 ст. 54 УК РФ).

Лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, пожизненное лишение свободы и смертная казнь не назначаются (ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ).

Как видим, санкции уголовно-правовых норм формируются с учетом того, что субъектами преступления являются: несовершеннолетний; несовершеннолетний в возрасте до пятнадцати лет; несовершеннолетний в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет; несовершеннолетний в возрасте старше шестнадцати лет; несовершеннолетний в возрасте до шестнадцати лет; совершивший особо тяжкое преступление; несовершеннолетний осужденный, совершивший в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые; несовершеннолетний осужденный, совершивший в возрасте старше шестнадцати лет преступление небольшой тяжести впервые; несовершеннолетний, совершивший тяжкое либо особо тяжкое преступление, за которое ему назначается наказание в виде лишения свободы; лицо, не достигшее к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста; лицо, совершившее преступление в возрасте до восемнадцати лет.

Военнослужащему не назначаются ограничение свободы и принудительные работы (ч. 6 ст. 53 и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ).

Военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, не назначаются обязательные работы и исправительные работы (ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ).

Военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, назначается содержание в дисциплинарной воинской части (ч. 1 ст. 55 УК РФ).

Военнослужащему, проходящему военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если он на момент вынесения судом приговора не отслужил установленного законом срока службы по призыву, обязательные работы и исправительные работы не назначаются (ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ).

Военнослужащему, проходящему военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если он на момент вынесения судом приговора не отслужил установленного законом срока службы по призыву, назначается содержание в дисциплинарной воинской части (ч. 1 ст. 55 УК РФ).

Военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, ограничение по военной службе назначается вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 51 УК РФ).

Лицу, признанному инвалидом первой группы, не назначаются обязательные работы и исправительные работы (ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ).

Лицу, признанному инвалидом первой или второй группы, принудительные работы не назначаются (ч. 7 ст. 531 УК РФ).

Иностранному гражданину ограничение свободы не назначается (ч. 6 ст. 53 УК РФ).

Лицу без гражданства ограничение свободы не назначается (ч. 6 ст. 53 УК РФ).

Лицу, не имеющему места постоянного проживания на территории Российской Федерации, ограничение свободы не назначается (ч. 6 ст. 53 УК РФ).

Лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям, смертная казнь не назначается (ч. 2.1 ст. 59 УК РФ).

Сказанное дает возможность разграничить способы конкретизации санкций норм уголовного права в зависимости от субъекта преступления. Нетрудно заметить, что санкции, применяемые к указанным субъектам: 1) либо не содержат тот или иной вид наказания, который предусмотрен в статье Особенной части УК РФ; 2) либо содержат тот или иной вид наказания, который не предусмотрен в статье Особенной части УК РФ; 3) либо устанавливают иные сроки или размеры видов наказания, которые предусмотрены в статье Особенной части УК РФ; 4) либо устанавливают иное содержательное наполнение видов наказания по сравнению с тем, которое предусмотрено в статье Общей части УК РФ.

Применительно к предмету настоящей статьи актуален вопрос о специальном субъекте преступления. Наиболее распространенным в теории уголовного права является понимание специального субъекта преступления как лица, соответствующего не только общим признакам субъекта преступления, но и дополнительным признакам, которые обязательны для конкретного состава преступления и имеют значение для правильной квалификации преступления⁸. Вместе с тем в уголовно-правовой науке есть существенные разногласия относительно того, где и каким образом закрепляются признаки специального субъекта.

То, что по признаку специального субъекта формулируются не только отдельные статьи, но и главы и разделы Особенной части УК РФ, никто не отрицает. На то, что наличие специального субъекта преступления по отдельным статьям Особенной части УК РФ устанавливается путем толкования текстов этих статей, а также путем обращения к нормам других отраслей права, указывают некото-

⁸ См.: Российское уголовное право : учебник. Т. 1. С. 206—207 ; *Чесноков М. В.* К понятию специального субъекта преступления // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 121 ; *Хлебушкин А. Г.* Субъект преступления : лекция // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 171 ; *Фомин П. П., Кравцов А. С.* К вопросу о признаках специального субъекта преступления в уголовном праве // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38567410> (дата обращения: 14.05.2020). С. 10—11.

рые представители уголовно-правовой науки⁹. А на то, что положения статей Особенной части УК РФ, касающиеся субъекта преступления, могут быть скорректированы с обязательным учетом положений Общей части УК РФ, что, в свою очередь, приводит к корректированию санкций норм уголовного права, не принято обращать внимания. В лучшем случае встречаются общие фразы о признаках специального субъекта (о специальных признаках субъекта) преступления, содержащихся в статьях Общей и Особенной частей УК РФ¹⁰.

Существуют разногласия по поводу конкретных признаков специального субъекта и их классификации. Так, возражая Г. Н. Борзенкову, Н. П. Грабовской, Л. Д. Ермаковой, В. И. Жуковскому, Н. С. Лейкиной и Ш. С. Рашковской, считающим достижение совершеннолетия признаком специального субъекта, О. Ю. Крюкова утверждает, что «возраст лица, совершившего преступление, является общим признаком субъекта преступления»¹¹. При этом она ссылается на ст. 20 УК РФ и делает оговорку, которая опровергает ее же утверждение: «По некоторым преступлениям ответственность может наступить по достижении 18-летнего возраста»¹².

Полагаем, что в приведенных нами законодательных формулировках возраст субъекта преступления, с учетом которого конкретизируется санкция применяемой нормы уголовного права, является признаком специального субъекта.

Таким образом, получается, что специальный субъект преступления и особая санкция характеризуют норму уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Витрук Н. В.* Общая теория юридической ответственности. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма, 2009. — 432 с.
2. *Густова Э. В.* Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации : монография. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 192 с.
3. *Крюкова О. Ю.* К вопросу о классификации признаков специального субъекта преступления в уголовном законодательстве // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сборник материалов Международной научно-практической конференции (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными). — Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. — С. 66—71.

⁹ См.: *Крюкова О. Ю.* К вопросу о классификации признаков специального субъекта преступления в уголовном законодательстве // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сборник материалов международной научно-практической конференции (к 60-летию принятия ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключенными). Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 67 ; *Чесноков М. В.* Указ. соч. С. 122 ; *Фомин П. П., Кравцов А. С.* Указ. соч. С. 11.

¹⁰ См.: *Фомин П. П., Кравцов А. С.* Указ. соч. С. 11.

¹¹ *Крюкова О. Ю.* Указ. соч. С. 68.

¹² *Крюкова О. Ю.* Указ. соч.

4. *Марченко М. Н.* Теория государства и права учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Велби ; Проспект, 2006. — 640 с.
5. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. — М. : Юристъ, 2003. — 414 с.
6. *Непомнящая Т. В.* Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 781 с.
7. Российское уголовное право : учебник : в 2 т. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2010. — Т. 1 : Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. — 528 с.
8. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма ; Инфра-М, 2013. — 592 с.
9. *Филимонов В. Д.* Норма уголовного права. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 281 с.
10. *Фомин П. П., Кравцов А. С.* К вопросу о признаках специального субъекта преступления в уголовном праве // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38567410> (дата обращения: 14.05.2020). 12 с.
11. *Хлебушкин А. Г.* Субъект преступления : лекция // Мир политики и социологии. — 2018. — № 2. — С. 161—177.
12. *Чесноков М. В.* К понятию специального субъекта преступления // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 4. — С. 121—122.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦАМ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМСЯ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, В ПОРЯДКЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы правовой природы права на возмещение вреда, эффективности использования уголовно-процессуального механизма для его защиты и обоснованности включения соответствующих норм в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. На основе анализа судебной практики сделан вывод о наличии у судов трудностей с определением надлежащего способа защиты права на возмещение вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, и с разграничением компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, что приводит к нарушению права заявителей на доступ к правосудию и снижает эффективность судебной защиты. Кроме того, сделан вывод о том, что уголовно-процессуальная форма не адаптирована под рассмотрение гражданско-правовых споров о возмещении вреда, в качестве одного из факторов, снижающих эффективность использования уголовно-процессуального механизма защиты имущественных прав, названа невозможность взыскания упущенной выгоды. С учетом данного в статье толкования норм уголовно-процессуального закона автор приходит к выводу о наличии у юридических лиц возможности использования уголовно-процессуальных средств защиты нарушенных имущественных прав в большем количестве случаев, чем у физических лиц, что нарушает принцип равенства перед законом и судом. В статье приводятся способы решения выявленных проблем.*

***Ключевые слова:** лица, не являющиеся участниками уголовного судопроизводства, юридические лица, имущественные права, возмещение имущественного вреда, реабилитация, уголовно-процессуальная форма, доступ к правосудию, принцип равенства перед законом и судом.*

Виталия Владимировна МУРЫЛЕВА-КАЗАК,

аспирант кафедры
уголовно-процессуального
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

vita.kazak@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.221-230

V. V. MURYLEVA-KAZAK,

*Post-graduate student of the Chair of Criminal Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

vita.kazak@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

COMPENSATION OF PROPERTY DAMAGE CAUSED TO NON-PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEDURE IN ORDER OF REHABILITATION

Abstract. *The article discusses the issue of the legal nature of the right to compensate harm, the effectiveness of usage of the criminal procedure mechanism for its protection and the reasonableness of the inclusion of relevant in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis of judicial practice, it is concluded that the courts have difficulties in determining the appropriate way to protect the right to compensate harm caused in the course of criminal proceedings and the delineation of competence between arbitration courts and courts of general jurisdiction, which leads to a violation of the applicants' right to access to justice and reduces the effectiveness of judicial protection. In addition, it is concluded that the criminal procedure form is not adapted to the consideration of civil disputes on compensation for harm, the author names the impossibility of collecting lost profits as one of the factors that reduce the effectiveness of the use of the criminal procedural mechanism for protecting property rights. Based on the interpretation of the criminal procedure rules provided in the article, the author concludes that legal entities have an opportunity to use criminal procedure remedies for violated property rights in more cases than individuals, which violates the principle of equality before the law and the court. The article provides ways to solve the identified problems.*

Keywords: *non-participants in criminal procedure, legal entities, property rights, compensation of property damage, rehabilitation, criminal procedure form, access to justice, principle of equality before law and court.*

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает основания и различные способы ограничения имущественных прав участников уголовного судопроизводства (прежде всего подозреваемого, обвиняемого), а также лиц, которые, исходя из разд. II УПК РФ, никаким процессуальным статусом не обладают (например, супруги или сожители подозреваемых, обвиняемых, не являющиеся свидетелями по уголовному делу, юридические лица, если есть основания полагать, что их имущество было добыто преступным путем или являлось предметом преступления, и т.п.).

При этом на практике накладываемые органами предварительного расследования и судами ограничения не всегда соответствуют нормам УПК РФ, что в последующем порождает у государства обязанность по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) и решениями его органов и

должностных лиц, ввиду незаконного наложения ареста на имущество; его изъятия с приобщением в качестве вещественного доказательства и передачей на хранение иному лицу.

По общему правилу вопросы возмещения вреда, в том числе причиненного государственными органами и их должностными лицами, регулируются положениями гражданского законодательства, однако гл. 18 УПК РФ «Реабилитация» содержит специальные нормы в отношении вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что традиционно институт реабилитации связывается с возмещением вреда и восстановлением прав лиц, в отношении которых незаконно или необоснованно осуществлялось уголовное преследование¹.

Вместе с тем гл. 18 УПК РФ, помимо регулирования непосредственно процедуры реабилитации, предусматривает два случая возмещения вреда лицам, в отношении которых уголовное преследование не осуществлялось: лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 133), и юридическим лицам, если вред причинен незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя (ст. 139).

В целях настоящей статьи подробно рассмотрим два последних случая, поскольку ими охватываются указанные ранее лица, не имеющие процессуального статуса при производстве по уголовному делу.

Наиболее верное толкование приведенных норм дал Пленум Верховного Суда РФ в п. 6 постановления от 29.11.2011 № 17: «Физические лица, не указанные в части 2 статьи 133 УПК РФ, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу причинен вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица), не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию. Однако в случае причинения вреда указанным лицам, они имеют право на его возмещение в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ»².

В процессуальной литературе возможность возмещения вреда лицам, в отношении которых уголовное преследование не осуществлялось, в рамках гл. 18 УПК РФ неоднократно подвергалась критике. Так, А. Н. Глыбина отмечает, что к субъектам, имеющим право на возмещение вреда в порядке реабилитации, относятся только те лица, которые имеют право на реабилитацию, поскольку иное противоречит сути института реабилитации, в основе которого «лежит признание

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М., 2020. С. 409.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 05.12.2011. № 273.

невинности лица в инкриминируемом ему деянии»³. Все иные лица, независимо от процессуального статуса, должны осуществлять право на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства⁴. Аналогичной позиции придерживаются А. А. Подопригора⁵, М. В. Орлова⁶, Р. В. Гаврилюк⁷.

Следует согласиться с тем, что включение законодателем ч. 3 ст. 133 и ст. 139 в гл. 18 УПК РФ небесспорно. Представляется необходимым разграничивать институт реабилитации, относящийся исключительно к лицам, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, и «институт возмещения вреда, причиненного в рамках правомерного уголовного преследования»⁸, поскольку их реализация обусловлена разными правовыми основаниями и разными субъектами.

С учетом этого ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ должны рассматриваться автономно от реабилитации, а обоснованность наличия данных норм в уголовно-процессуальном законодательстве следует оценивать не столько с точки зрения их соответствия содержанию института реабилитации, сколько исходя из правовой природы регулируемых ими правоотношений, а также возможности эффективно защитить свои права и законные интересы тем лицом, которому был причинен вред. Заметим также, указание в законе на осуществление какого-либо процессуального действия в порядке, предусмотренном для иного действия, является одним из приемов юридической техники и нормой правового регулирования.

Так, например, согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество, представляющего собой меру процессуального принуждения, происходит в порядке, установленном для получения разрешения суда на производство следственного действия. Согласно ч. 4 ст. 172 УПК РФ обвиняемый, находящийся на свободе, извещается о дне предъявления обвинения в порядке, установленном для вызова на допрос, и т.п.

Таким образом, само по себе разрешение вопроса о возмещении вреда лицам, не подвергавшимся уголовному преследованию, в порядке реабилитации, не представляет собой какое-либо отклонение в возможности применения процессуальной аналогии.

Что касается правовой природы отношений, регулируемых ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, то данные нормы закрепляют материальное гражданское право на возмещение вреда, в общем виде сформулированное в ст. 53 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, поэтому в силу своего содержания должны

³ Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 122.

⁴ Глыбина А. Н. Указ. соч. С. 123—124.

⁵ Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 10.

⁶ Орлова М. В. Институт реабилитации в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

⁷ Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 12—13.

⁸ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2017. С. 1185.

охватываться п. 2 ст. 1070 ГК РФ. Данную точку зрения также последовательно отстаивает Л. К. Острикова⁹.

Правовая природа материального права предопределяет процессуальную форму его защиты, исходя из этого возмещение вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, должно осуществляться в гражданско-процессуальной форме. Вместе с тем логика установления уголовно-процессуальной формы для процедуры реабилитации заключалась в том, чтобы создать реабилитированному более простую процедуру возмещения вреда, чем исковое производство¹⁰.

Так, реабилитированные освобождаются «от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, при рассмотрении требований реабилитированных о возмещении такого вреда суд в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным в обоснование своих требований, оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принимает меры к их собиранию»¹¹.

Аналогичные правила распространяются на лиц, возмещающих вред в порядке реабилитации. Однако уголовно-процессуальная форма, как и весь уголовно-процессуальный закон, не адаптирована в полной мере под рассмотрение вопросов, связанных с требованием о возмещении вреда, которые на практике часто представляют собой гражданские споры о размере компенсации, подлежащей выплате из бюджета.

Судам в качестве доказательств причиненного ущерба приходится оценивать такие документы, как договоры хранения в отношении предметов, которые в последующем были признаны вещественными доказательствами; договоры на оказание юридических услуг; договоры с контрагентами заявителей, по которым производятся выплаты за нарушение исполнения обязательств ввиду изъятия имущества как вещественного доказательства или его ареста; счета на оплату; акты об оказании услуг и платежные поручения по таким договорам¹² и т.п. И если в гражданском и арбитражном судопроизводстве перечисленные документы являются доказательствами, то для уголовного процесса данный вывод не так очевиден, поскольку, исходя из п. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами являются сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

⁹ Острикова Л. К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex russica. 2017. № 5. С. 105—115; Острикова Л. К. Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 43—52.

¹⁰ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2017. С. 1194—1195.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17. П. 17.

¹² См., например: постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2019 по делу № А73-4329/2018, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2017 по делу № А56-47799/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Размер ущерба, причиненный незаконными действиями (бездействием) или решениями государственных органов в ходе уголовно-процессуальной деятельности лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, не связан с основным уголовно-правовым спором и не имеет значения для его правильного рассмотрения и разрешения, а также не входит в предмет доказывания по уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и не относится к подлежащим выявлению обстоятельствам (ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Таким образом, формально документы и сведения, обосновывающие размер причиненного ущерба, подлежащего возмещению на основании ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, не являются доказательствами в уголовном процессе.

Более того, в ст. 399 УПК РФ, регулирующей в том числе порядок рассмотрения заявления о возмещении ущерба в порядке реабилитации, используется термин «представленные в суд материалы» (ч. 3, 7), к которым закон требований допустимости, относимости и достоверности не предъявляет, что теоретически может поставить под сомнение выводы суда, сделанные на основе таких материалов.

При этом не совсем ясна логика законодателя в этой части, поскольку, например, размер вреда, причиненный преступлением, устанавливается на основе доказательств, отвечающих указанным требованиям, в то время как с точки зрения гражданского законодательства вред, причиненный преступлением, и вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) и решениями государственных органов и их должностных лиц, по правовой природе не различаются и порождают обязательство вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК РФ).

Закрепленный в ч. 7 ст. 399 УПК РФ порядок проведения судебного заседания, распространяющийся на рассмотрение заявлений о возмещении вреда, не предполагает наличия спора между его участниками (отсутствие сторон, регламентации их прав и обязанностей, предмета и пределов судебного разбирательства и т.д.), но на практике споры существуют, в частности о размере возмещения вреда¹³. В таком случае в законе должны содержаться соответствующие нормы, гарантирующие реализацию прежде всего принципа состязательности, который обеспечивает законность и обоснованность принимаемого судебного акта.

Кроме того, нередко незаконные ограничения имущественных прав могут приводить к неполучению дохода, на которое лицо могло бы рассчитывать при отсутствии соответствующих нарушений. В первую очередь данная проблема касается субъектов предпринимательской деятельности.

Яркие примеры таких случаев содержатся в определении Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 2698-О: на сдаваемое в аренду имущество юридических лиц в рамках производства по уголовным делам был незаконно наложен арест с ограничением правомочий по владению и пользованию, что повлекло невозможность сдачи данного имущества в аренду в период действия меры процессуального принуждения и неполучение соответствующего дохода в виде арендной платы. Компании обратились в суд в порядке гл. 18 УПК РФ с требованием о возмещении указанного дохода, в удовлетворении которого было отказа-

¹³ См., например: постановление Президиума Воронежского областного суда от 05.11.2014 по делу № 44У-58/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

но, поскольку, по мнению судов, в порядке реабилитации возмещению подлежит только реальный ущерб, взыскание же упущенной выгоды может осуществляться в рамках гражданского судопроизводства. Конституционный Суд РФ каких-либо нарушений прав заявителей положениями УПК РФ не выявил. Аналогичный подход содержится в определении Конституционного Суда РФ от 21.12.2006 № 621-О.

Таким образом, юридическое лицо фактически не может при помощи уголовно-процессуальных средств обеспечить восстановление своих прав в полном объеме и вынуждено повторно обращаться в суд, но уже используя гражданско-процессуальные средства защиты. Иными словами, будет дважды «в целях восстановления справедливости “обивать пороги” казенных учреждений, нести бремя доказывания и другие тяготы»¹⁴. В такой ситуации говорить об уголовном судопроизводстве как эффективном механизме защиты прав не приходится.

Наличие норм о возмещении вреда, причиненного в результате незаконных уголовно-процессуальных действий (бездействия) и решений государственных органов и их должностных лиц, одновременно в ГК РФ и в УПК РФ создает трудности у судов в определении надлежащего порядка рассмотрения данного вопроса и разграничении компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Так, Президиумом Ростовского областного суда было отменено решение нижестоящего суда об отказе в принятии к рассмотрению заявления юридического лица о возмещении ему вреда в размере рыночной стоимости теплохода, принадлежащего на праве собственности данному лицу и утраченного в результате незаконной конфискации, вынесенное, несмотря на прямое закрепление соответствующего права в ст. 139 УПК РФ¹⁵.

В другом деле Оренбургский областной суд оставил без изменения определение судьи нижестоящего суда об отказе в принятии искового заявления юридического лица о возмещении ущерба, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, указав, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, поскольку спор связан с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а ст. 139 УПК РФ применению не подлежит, так как в соответствии с ч. 5 ст. 133 УПК РФ возмещение вреда, в случаях, когда оно не связано с реабилитацией, осуществляется в порядке гражданского судопроизводства¹⁶.

В практике арбитражных судов также встречается данная проблема. Например, Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области определением от 31.08.2018 по делу № А56-50657/2018 прекратил производство по делу, возбужденное по заявлению юридического лица, не являвшегося участником уголовного судопроизводства, о возмещении ущерба в виде сумм на оказание юридической помощи, причиненного при производстве по уголовному делу, отметив, что данные суммы являются процессуальными издержками и подлежат

¹⁴ Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2019. С. 263—264.

¹⁵ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 18.05.2017 № 44у-101/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Оренбургского областного суда от 01.10.2014 № 33-6293/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

взысканию в соответствии со ст. 131, 132 УПК РФ, а также сославшись на ст. 139 УПК РФ как на возможность защиты нарушенного права. В последующем данное определение было отменено судом апелляционной инстанции¹⁷.

В сходной ситуации оказался заявитель — юридическое лицо по делу № А11-17909/2019, рассматриваемому арбитражным судом Владимирской области. Однако, как верно отметил Первый арбитражный апелляционный суд, отменяя определение суда первой инстанции об отказе в принятии искового заявления: «Предусмотренная статьей 139 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации возможность юридического лица обратиться за возмещением вреда в связи с производством по уголовному делу по основаниям и в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, не исключает возможности того же юридического лица обратиться за защитой своих нарушенных прав в порядке статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой государство отвечает за неправомерные действия государственных органов и их должностных лиц»¹⁸.

Отказы судов в рассмотрении заявлений лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, о возмещении причиненного ущерба нарушают их право на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ), а также снижают эффективность судебной защиты, в то время как размер причиненного ущерба может быть весьма значительным (например, по упомянутому выше делу № А11-17909/2019 сумма исковых требований составила 2,7 млрд рублей).

Одним из дискуссионных вопросов применительно к рассматриваемой проблеме является круг субъектов, имеющих право на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ. В частности, в литературе обсуждается, что понимать под мерами процессуального принуждения, незаконное применение которых обуславливает возникновение права на возмещение вреда. В. В. Николюк полагает, что данное понятие «можно трактовать расширительно, т.е. как любые принудительные процессуальные (в том числе следственные) действия дознавателя, следователя, либо в узком смысле, т.е. как меры, перечисленные в разделе 4 УПК РФ “Меры процессуального принуждения”»¹⁹.

Ряд ученых выступает за применение расширительного толкования²⁰, обосновывая это тем, что вред физическим лицам может причиняться не только мерами процессуального принуждения, но и иными принудительными действиями, а также тем, что такой подход соответствует ст. 53 Конституции РФ. Верховный Суд РФ, напротив, разъяснил, что меры процессуального принуждения должны

¹⁷ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2018 по делу № А56-50657/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2020 по делу № А11-17909/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Николюк В. В. Субъекты права на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Российский судья. 2011. № 4. С. 13—17.

²⁰ Николюк В. В. Указ. соч. С. 13—17; Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 30—36; Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2017. С. 195.

пониматься в собственном смысле²¹. Данный подход также нашел отражение в решениях судов общей юрисдикции²².

Строго говоря, основания для расширительного толкования понятия «меры процессуального принуждения» действительно отсутствуют, поскольку из текста разд. 4 УПК РФ ясно следует, что под ними понимается. При этом обратим внимание на следующий аспект.

Исходя из буквального смысла ст. 139 УПК РФ, юридические лица имеют право на возмещение вреда, причиненного *любыми* незаконными действиями (бездействием) и решениями, принятыми в ходе уголовного судопроизводства, включая как незаконное применение мер процессуального принуждения, так и иные различные нарушения, например незаконное изъятие имущества в ходе проверки сообщения о преступлении, обыска или выемки и т.д.

В то же время физические лица, подпадающие под действие ч. 3 ст. 133 УПК РФ, имеют право на возмещение в порядке реабилитации вреда, причиненного только в результате незаконного применения мер процессуального принуждения. Вред, причиненный в ходе следственных и иных процессуальных действий, возмещается в порядке гражданского судопроизводства.

Очевидно, что юридические лица, перечисленные в ст. 139 УПК РФ, и физические лица, перечисленные в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, для цели возмещения вреда не имеют каких-либо существенных различий, позволяющих предоставить юридическим лицам привилегию в виде большего количества случаев защиты их прав и законных интересов с помощью уголовно-процессуальных средств.

Наличие такой привилегии в действующем уголовно-процессуальном законе представляет собой нарушение принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Для устранения данного нарушения законодателю необходимо выработать единообразный подход к возмещению вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, но вне рамок уголовного преследования.

Таким образом, на текущий момент гражданское право на возмещение имущественного вреда, причиненного лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, которое должно определять гражданско-процессуальные средства его защиты, может защищаться с помощью уголовно-процессуальных средств.

Однако, уголовно-процессуальная форма не учитывает характер возникающих правоотношений и не ориентирована на разрешение гражданско-правовых споров, которые возникают при рассмотрении заявлений таких лиц о возмещении вреда. Кроме того, УПК РФ ставит в неравное положение физических и юридических лиц, не являвшихся участниками процесса, чьи права были нарушены в связи с производством по уголовному делу.

С учетом этого требуется либо комплексное реформирование УПК РФ в части рассматриваемого вопроса, либо закрепление гражданско-процессуальной формы защиты права на возмещение вреда. При этом второй вариант представляется более предпочтительным, исходя из различий отраслевой принадлежности права на возмещение вреда и предмета уголовно-процессуального права.

²¹ Это следует из п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17.

²² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 № 88-2212/2019 по делу № 2-819/2019, апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 04.02.2014 по делу № 22-257 // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). — М. : Проспект, 2017. — 507 с.
2. *Гаврилюк Р. В.* Реабилитация в российском уголовном процессе: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2008. — 33 с.
3. *Глыбина А. Н.* Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2006. — 192 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2017. — 1280 с.
5. *Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К.* Защита прав личности в уголовном процессе России. — М. : Юрайт, 2019. — 268 с.
6. *Макарова О. В.* Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. — 2014. — № 5. — С. 30—36.
7. *Николюк В. В.* Субъекты права на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Российский судья. — 2011. — № 4. — С. 13—17.
8. *Орлова М. В.* Институт реабилитации в уголовном процессе : автореф. ... дис... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 25 с.
9. *Острикова Л. К.* Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 12. — С. 43—52.
10. *Острикова Л. К.* Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex russica. — 2017. — № 5. — С. 105—115.
11. *Подопригора А. А.* Реабилитация в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2004. — 26 с.
12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — М. : Норма ; Инфра-М, 2020. — 1008 с.

О РОЛИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Аннотация. Активизация процесса цифровизации уголовно-процессуальной деятельности вызывает необходимость переосмысления отношения к сведениям, используемым в процессе доказывания по уголовным делам. Электронная информация активно внедряется в познавательную деятельность, однако специфика ее применения на данный момент недостаточно изучена. Активный технологический прогресс привел к формированию виртуального (цифрового) пространства, особенности функционирования которого должны учитываться в процессе формирования этических правил поведения в цифровой среде.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательства, цифровизация, электронная информация, виртуальное (цифровое) пространство, сведения.

**Кирилл Вячеславович
ОБИДИН,**

адвокат московской
коллегии адвокатов
«Защита»

obidinkirill.2018@gmail.com

125993, Россия, г. Москва,
ул. Зоологическая, д. 30

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.231-236

K. V. OBIDIN,

Moscow Legal Firm «Protection», Lawyer

obidinkirill.2018@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Zoologicheskaya, 30

ON THE ROLE OF DIGITAL INFORMATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. The increased digitalization of criminal procedure activities creates a need to overview the attitude to data used in the process of proving in criminal cases. Electronic (digital) information is actively being implemented in cognitive activity, however the specifics of its use is not analyzed enough. Active technological progress has led to the formation of a cyberspace (digital space). The peculiarities of its functioning should be taken into account in the process of forming ethical rules of behavior in the digital environment.

Keywords: criminal procedure, proving, evidence, digitalization, electronic (digital) information, cyberspace (digital space), data.

Экстраординарная эпидемиологическая обстановка, с которой было вынуждено столкнуться мировое сообщество в 2020 г., продемонстрировала необходимость ускорения процесса внедрения и использования цифровых

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.МК.

технологий во всех сферах жизни². Неудивительно, что деятельность государственных органов, должностных лиц и иных участников уголовного судопроизводства в процессе возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела³ неизбежно подвергается переосмыслению в условиях повсеместной цифровизации. Несмотря на то, что среди представителей научного сообщества встречаются весьма сдержанные оценки влияния этого процесса на современную процедуру доказывания⁴, нельзя не отметить перспективность и востребованность данного направления научных исследований⁵.

Одним из базовых вопросов, требующих изучения на начальном этапе внедрения цифровых технологий в уголовный процесс, является определение значения электронной информации в процессе доказывания по уголовным делам. Необходимы исследования и анализ способов собирания, проверки и оценки информации в условиях возможностей цифровых технологий, а также исследование специфики применения существующих критериев относимости, достоверности, допустимости и достаточности к электронной информации.

Обращая внимание на используемый терминологический аппарат, нельзя не отметить обоснованность высказываний представителей процессуальной науки о широком распространении в законодательстве Российской Федерации определений с прилагательным «электронный», таких как «электронная информация», «электронный документ» и т.д.⁶

Несмотря на это, существующая доктрина познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве отличается стабильностью и достаточно консервативным подходом к необходимости переосмысления основополагающих таких понятий, как доказательство. Представляется, что отчасти это связано с универсальностью закрепленного в законе понятия, максимально расширительно описывающего доказательство как *любые сведения*, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Основы определения, закрепленного в ст. 74 УПК РФ, заложены еще советской научной школой. Они практически не подверглись изменениям с середины XX в., за исключением перехода от «фактических данных» к «сведениям», поскольку, как отмечал Н. М. Кипнис, фактические данные, о которых говорилось в советском законодательстве, в реальной жизни проявлялись в виде сведений о событиях, имевших место в прошлом⁷.

² Путин поручил запустить мощное цифровое развитие во всех сферах жизни россиян. 13.07.2020 // URL: <https://www.interfax.ru/russia/717074> (дата обращения: 17.10.2020).

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 26.

⁴ Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 24.

⁵ Подробнее см.: Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5 (150). С. 91—104.

⁶ Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 74—75.

⁷ Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 12.

При всех достоинствах существующего подхода нельзя не отметить, что формулирование и законодательное закрепление правовой конструкции с потенциально неограниченным кругом применения, в части вариативности сведений, неизбежно создает потребность в разработке дополнительных признаков (свойств), позволяющих, с одной стороны, очертить пределы его использования, а с другой — предусмотреть дополнительные правовые инструменты мобильного реагирования на динамично изменяющуюся объективную действительность.

В случае с доказательством такими «механизмами сдерживания» являются требования об относимости, допустимости, достоверности и достаточности, в достижении которых немаловажную роль играет соблюдение процессуальной формы. На данном этапе развития процессуальной науки можно утверждать, что мир, столь сильно изменившийся под влиянием технологий за последние десятилетия, уже не укладывается в проверенную временем модель познавательной деятельности.

Требования, предъявляемые к процедуре собирания, проверки и оценки сведений, которые предполагается использовать как доказательства, должны учитывать современные реалии, в том числе и получающие широкое распространение цифровые технологии фиксации, сохранения, изъятия информации. В 1945 г. М. М. Гродзинский писал: «Наиболее простым способом установления того или иного факта является непосредственное его наблюдение. Но в уголовном процессе способ этот исключен. Преступление, составляющее предмет судебного исследования, представляет собой факт прошлого по отношению к моменту судебного разбирательства, и, следовательно, непосредственное наблюдение судом данного события не может иметь места»⁸.

Спустя без малого 80 лет общество доходит до такого уровня технологического развития, когда формирование системы видеонаблюдения является направлением общественной политики государства по обеспечению безопасности и борьбе с преступностью⁹, а качество отдельных систем фиксации предоставляет возможности, существенно выходящие за пределы восприятия событий очевидцами преступлений.

Более того, массовое распространение средств аудио- и видеонаблюдения нередко дает возможность конкурирования с традиционными доказательствами. Показательным является пример уголовного дела об обороте наркотических средств, в котором предоставление видеозаписей из учреждения, осуществляющего мониторинг безопасности на улицах города, привело к признанию недопустимыми доказательствами протокола осмотра места происшествия с фототаблицей; справки о результатах исследования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ и заключения эксперта.

Защите с помощью видеозаписи городских камер наблюдения удалось обратить внимание суда на нарушения, допущенные при производстве первоначального

⁸ Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе М., 1945. С. 3.

⁹ О выполнении Государственной программы города Москвы «Безопасный город» в 2019 году и задачах на 2020 год // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/drbez/documents/programma-bezopasnyi-gorod/view/237781220/> (дата обращения: 15.05.2020).

чальных следственных действий, на несоответствие действительности сведений, изложенных в протоколе осмотра места происшествия¹⁰. В результате традиционные методы получения сведений в данном случае оказались неэффективными в сравнении с их цифровыми альтернативами.

Подобные случаи встречаются пока еще редко и, безусловно, демонстрируют достоинства использования цифровых технологий, однако это не снимает ряд вполне очевидных вопросов, накопившихся в процессуальной теории по отношению не только к аудио- и видеозаписям, но и к электронной информации в целом.

На протяжении долгого времени персональные компьютеры, средства аудио- и видеофиксации воспринимались в качестве инструмента, упрощающего поиск, получение и систематизацию сведений, но не оказывающего существенного влияния на структуру познавательных процессов в целом. В результате технологический прогресс во всем его многообразии проявлений повлиял не только на возникновение новых способов преступной активности, но и на фактическое формирование нового виртуального (цифрового) пространства, обладающего уникальными возможностями, механизмами взаимодействия и отражения действительности.

Несмотря на то, что понятие «виртуальное пространство» не должно ограничиваться сетью Интернет, применительно к данному исследованию оценка его особенностей непосредственно связана с функционалом, предоставляемым глобальной сетью. Развитие виртуальной (цифровой) среды ставит перед процессуальной наукой прикладные задачи, требующие скорейшего разрешения. При этом способы выстраивания познавательной деятельности, оценка сведений и источников их получения не укладываются в разработанные ранее модели.

Во-первых, необходимо признать, что виртуальное пространство заведомо искусственно. Обязательным условием его функционирования является умение разработчиков цифровой среды адаптироваться под потребности ее участников. Как следствие, высокая степень мобильности и вариативности при решении задач, наличие возможности изменения, обработки информации, ограничения доступа для определенного круга лиц — создают закономерные трудности в случаях применения традиционных методов познания. Опыт, накопленный предыдущими поколениями, безусловно, ценен при решении задач поиска следов в реальном мире, однако вывод о возможности экстраполяции его на систему, обладающую иными способами отражения реальности, представляется преждевременным.

Подавляющее большинство участников цифровой среды являются ее пользователями, но не обладают специальными знаниями о принципах ее функционирования, что не только существенно сужает познавательный потенциал необходимой в рамках уголовного судопроизводства деятельности по отысканию, собиранию, проверке и оценке сведений, но и ставит под сомнение возможность использования сведений из виртуальной (цифровой) среды в качестве доказательств.

Во-вторых, с момента возникновения и по сей день виртуальное пространство находится в специфической зоне правового регулирования. Попытки введения

¹⁰ С помощью городских камер наблюдения адвокат добился признания ряда доказательств недопустимыми // Адвокатская газета. 12.10.2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/s-pomoshchyu-gorodskikh-kamer-nablyudeniya-advokat-dobilsya-priznaniya-ryada-dokazatelstv-nedopustimymi/> (дата обращения: 17.10.2020).

контроля за этим пространством осуществляют многие государства, однако унифицированного подхода на сегодняшний день не выработано. Методы легализации электронной информации варьируются в зависимости от отрасли права. Современный уголовный процесс вместо рассмотрения электронных сведений в качестве самостоятельного объекта познания концентрируется на физических хранилищах информации, придавая им форму вещественных доказательств либо иных документов. Такой подход представляется спорным в условиях наличия тенденции на отказ от персональных систем хранения данных в пользу дистанционных («облачных») сервисов.

В-третьих, особого внимания заслуживают объемы сведений, находящихся в виртуальной среде. По данным статистики, публикуемой в реальном времени, интернет-трафик в мире по состоянию на 19.10.2020 составил 102,714 гигабайт в секунду¹¹. Сам факт оперирования столь значительными массивами данных создает трудности для определения информации, имеющей потенциальное доказательственное значение, а в условиях необходимости ее интерпретации возникают вопросы о том, какое количество потенциальной доказательственной информации находится за пределами исследования в рамках уголовного судопроизводства.

В-четвертых, виртуальное пространство трансгранично, что неизбежно создает препятствия для полноценной познавательной деятельности. Различия юрисдикций, отсутствие международных соглашений о сотрудничестве, сложная политическая, социальная, экономическая обстановка в отношениях между государствами — все эти факторы влияют на возможности использования электронной информации в качестве эффективного механизма познавательной деятельности не только на территории государства, но и за его пределами.

Особенности виртуального (цифрового) пространства, описанные выше, оказывают непосредственное влияние на применение электронной информации в процессе доказывания по уголовным делам, определение способов и критериев ее верификации, защиты от фальсификации и должны учитываться при разработке теоретических концепций, описывающих возможности использования информации из цифровой среды. Именно поэтому весьма своевременными являются предложения ученых, высказывающихся о необходимости анализа опыта зарубежных стран и наращивания темпов по формированию собственной этики поведения в цифровом пространстве¹².

Впечатляет также и то, насколько цикличной оказалась научная мысль в части необходимости активного внедрения технологий для решения прикладных задач познавательной деятельности в уголовном процессе. Еще в монографии 1973 г. представители советской научной школы обращали внимание на перспективность изучения теории доказательств в контексте кибернетики, а также изучения вопроса о возможности формализации некоторых операций по доказыванию и

¹¹ Статистика Интернета в реальном времени // URL: <https://www.internetlivestats.com/one-second/#traffic-band> (дата обращения: 19.10.2020).

¹² *Воскобитова Л. А.* На первых подступах к цифровизации : выступление на круглом столе «Практические аспекты цифровизации деятельности адвоката и уголовного судопроизводства» // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/na-pervykh-podstupakh-k-tsifrovizatsii/>.

применению ЭВМ для систематизации доказательств, построения версий и подсчета их вероятности.

В результате исследований был сделан вывод о том, что оценка достоверности и достаточности доказательств остается прерогативой человека и должна основываться на внутреннем убеждении¹³. Спустя столетия этот вывод остается актуальным, а потребность в разработке критериев оценки электронной информации стоит остро, как никогда ранее.

С. И. Викторский в своих рассуждениях обращал внимание на то, что человеку не всегда удастся действовать, будучи убежденным в безусловной достоверности своих поступков. В таких случаях, говорил он, человек руководствуется нравственной очевидностью: «Чем важнее предпринимаемое действие, тем, разумеется, надо иметь пред собой больше нравственной очевидности: нам нужно гораздо меньше уверенности, убеждения, что не пойдет дождь, чтобы отправиться в недолгую прогулку, и несравненно больше убеждения в непорядочности человека, дабы отвернуться от него».

Хочется верить, что в эпоху цифровых технологий электронная информация не будет использоваться в качестве «универсальной панацеи», а критерии ее оценки будут развиваться, позволяя действовать согласно максиме, высказанной выдающимся дореволюционным ученым¹⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. — М. : Изд. А. А. Карцева, 1912. — 442 с.
2. *Воронин М. И.* Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // *Lex russica*. — 2019. — № 7. — С. 74—84.
3. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. — 2019. — № 5 (150). — С. 91—104.
4. *Головкин Л. В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // *Вестник экономической безопасности*. — 2019. — № 1. — С. 15—25.
5. *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. — М., 1945. — 123 с.
6. *Кипнис Н. М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. — М., 1995. — 128 с.
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1973. — 736 с.
8. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2018. — 1008 с.

¹³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973. С. 432—433.

¹⁴ *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М. : Изд. А. А. Карцева, 1912. С. 53—54.

НЕПРИНЯТИЕ СУДОМ МЕР ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ДЕЛА В ПОРЯДКЕ СТ. 237 УПК РФ КАК БЕЗУСЛОВНОЕ ОСНОВАНИЕ К ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА

Аннотация. Часть 2 ст. 389.17 УПК РФ закрепляет перечень безусловно существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона, выявление которых в деле влечет отмену или изменение приговора в каждом без исключения случае. Круг данных нарушений был определен законодателем при разработке УПК РФ в 2001 г. и с тех пор не изменялся. Однако нормы, нарушение которых способно повлиять на качество приговора и привести к его отмене, в каждом случае изменялись не раз. Это касается и норм, регулирующих институт возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и определяющих значение данного института для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. В этой связи в данной статье рассматривается вопрос целесообразности расширения перечня безусловных оснований отмены приговора посредством включения в него нарушения, связанного с непринятием судом мер по возвращению уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ при наличии к тому оснований.

Ключевые слова: безусловно существенное нарушение, возвращение уголовного дела прокурору, классификация нарушений, отмена приговора, основание отмены приговора.

**Елена Александровна
ПЕРОВА,**

аспирант кафедры
уголовно-процессуального
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
(научный руководитель —
доктор юридических наук,
профессор

Л. А. Воскобитова)

lena.rorova@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.237-244

E. A. PEROVA,

graduate student of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
(scientific adviser — Dr. Sci. (Law), Professor L. A. Voskobitova)

lena.rorova@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovay-Kudrinskaya, 9

THE FAILURE BY THE COURT TO TAKE MEASURES TO RETURN THE CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR IN ACCORDANCE WITH ART. 237 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN UNCONDITIONAL BASIS FOR CANCELING THE SENTENCE

Abstract. Part 2 of Article 389.17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes a list of unconditionally significant violations of the norms of the criminal procedure law, the identification of which in a case

© Е. А. Перова, 2020

entails the cancellation or change of the sentence in every case without exception. The range of these violations was determined by the legislator during the development of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in 2001, and has not changed since then. However, the rules, violation of which can affect the quality of the sentence and lead to its cancellation in each case, have changed more than once. Including the norms governing the institution of returning the case to the prosecutor in accordance with Art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and determining the significance of this institution for the issuance of a legal, reasonable and fair sentence. In this regard, this article discusses the feasibility of expanding the list of unconditional grounds for canceling a sentence by including a violation associated with the failure of the court to take measures to return the criminal case to the prosecutor in accordance with Art. 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, if there are grounds for that.

Keywords: *unconditionally essential violation; return of the criminal case to the prosecutor; classification of violations; cancellation of the sentence; the basis for canceling the sentence.*

Перечень безусловно существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона, выявление которых влечет отмену или изменение приговора в любом случае, всегда был четко регламентирован в законе. Круг данных нарушений на протяжении последнего столетия постепенно расширялся. УПК РСФСР 1922 г. в ст. 361 наиболее часто повторяющимися, типичными нарушениями, которые всегда приводят к отмене приговора, признавал постановление приговора незаконным составом суда; прекращение уголовного дела при наличии к тому оснований; рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого или защитника, если их участие в деле является обязательным.

В УПК РСФСР 1960 г. перечень безусловно существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона был дополнен нарушениями, которые проявлялись в неподписании приговора одним из судей, отсутствии протокола судебного заседания и несоблюдении тайны совещательной комнаты (ст. 345). Названные виды безусловно существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона были в полном объеме восприняты УПК РФ. Кроме того, в круг безусловно существенных нарушений были включены: обоснование приговора недопустимыми доказательствами; нарушение тайны совещания при постановлении вердикта судом присяжных заседателей; были конкретизированы виды нарушений права обвиняемого на защиту, которые являются основанием к отмене приговора в любом случае.

Нарушение, связанное с неприятием судом первой инстанции мер по возвращению уголовного дела прокурору, не получило должного внимания законодателя и не приобрело статус одного из безусловных оснований отмены приговора.

После введения в действие УПК РФ в 2001 г. прошло практически два десятилетия. За это время ст. 389.17 УПК РФ (ранее — ст. 381 УПК РФ) не изменялась и не дополнялась, несмотря на то что нормы уголовно-процессуального права, нарушение которых признается основанием к отмене приговора вне зависимости от обстоятельств дела, находились в постоянном развитии.

В научной литературе не раз высказывалось мнение о необходимости пересмотра перечня безусловно существенных нарушений¹, который закреплен в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ. С. Н. Бурцев² предлагал включить в данный перечень нарушения, которые допущены участниками уголовного процесса на досудебном производстве; С. И. Беззубов³ — нарушения, которые выразились в отказе признания лица потерпевшим по делу при наличии к тому законных оснований и в непредоставлении либо отказе в предоставлении гражданскому ответчику, гражданскому истцу или потерпевшему права выступить в прениях, Л. А. Воскобитова⁴ — исключить из ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ виды нарушений норм уголовно-процессуального права, которые проявляются в непрекращении уголовного дела при наличии к тому оснований и обосновании приговора недопустимыми доказательствами, а формулировки иных видов безусловно существенных нарушений привести в соответствие с требованиями норм международного права.

Несмотря на разносторонний анализ перечня безусловно существенных нарушений норм уголовно-процессуального права на предмет его полноты и соответствия современным тенденциям развития права, дальнейшее исследование данной проблемы не теряет актуальности. В связи с этим в данной статье будет рассмотрен вопрос о целесообразности включения в перечень безусловно существенных нарушений норм уголовно-процессуального права нарушения, связанного с непринятием судом мер по возвращению уголовного дела прокурору при наличии к тому законных оснований.

Институт возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом впервые получил законодательное закрепление в ст. 237 УПК РФ. Разграничение процессуальных функций участников уголовного судопроизводства и осознание роли суда в принятии по делу законного, обоснованного и справедливого приговора придало данному институту особое значение⁵.

Суд при поступлении в его производство уголовного дела более не может вынести решение, предусмотренное ст. 237 УПК РФ, для того чтобы органы предварительного расследования получили возможность устранить неполноту произведенного дознания или предварительного следствия и проводить новые следственные действия. Такое решение суда не соответствует функции разрешения уголовного дела и принципу состязательности и равноправия сторон⁶.

¹ Ширванов А. А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 31.

² Бурцев С. Н. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 66.

³ Беззубов С. И. Производство по уголовному делу в апелляционном суде: проблемы теории, нормативного регулирования и правоприменительной практики : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 196.

⁴ Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex russica. 2012. № 5. С. 976—991.

⁵ Баяева Т. Н. Возвращение уголовного дела прокурору в механизме обеспечения справедливого судебного разбирательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 46.

⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой

В настоящее время цель исследуемого института заключается в устранении существенных нарушений норм уголовно-процессуального права, которые были допущены на досудебных стадиях производства по делу и устранение которых выходит за рамки компетенции суда. Данные нарушения вызывают такое ограничение прав участников уголовного судопроизводства, которое лишает суд реальной возможности постановить по делу приговор, отвечающий требованиям ст. 297 УПК РФ, и возможности реализовать возложенную на него функцию осуществления правосудия⁷.

В этой связи можно сделать вывод, что сущность⁸ исследуемого института заключается в выявлении судом при подготовке дела к судебному заседанию или в ходе судебного разбирательства существенных нарушений прав участников уголовного судопроизводства, которые затрудняют разрешение по существу уголовного дела, и в возвращении уголовного дела прокурору для принятия уполномоченным должностным лицом мер по восстановлению нарушенных прав участников процесса и созданию необходимых условий для постановления по делу справедливого, обоснованного и законного решения по существу⁹.

Содержание оснований возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом является еще одним отражением назначения данного института. В узком смысле под такими основаниями следует понимать перечисленные в ст. 237 УПК РФ виды нарушений прав участников уголовного процесса, выявление которых в деле обязывает суд принять предусмотренное указанной нормой УПК РФ решение.

Расширенное толкование оснований возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК позволяет определить их как существенные нарушения норм уголовно-процессуального права, которые были допущены на стадиях возбуждения уголовного дела или предварительного расследования и выявление которых исключает возможность принятия судом итогового решения по существу

статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» ; определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 9-О «По жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л. И. Батищева, Ю. А. Евграфова, О. В. Фролова и А. В. Шмелева» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ В литературе также высказываются позиции, согласно которым сущность института возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ состоит в осуществлении судом контроля за стадией предварительного расследования (см.: *Ежова Е. В.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. С. 45); а также в исправлении формальных нарушений, допущенных органами предварительного следствия или дознания, которые стали препятствием для рассмотрения дела по существу (см.: *Волколуп О. В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 234).

⁹ *Дяденькин С. В.* Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 32.

уголовного дела, а их устранение в ходе судебного производства по делу не представляется возможным¹⁰.

Широкий подход к определению оснований возвращения уголовного дела прокурору позволяет раскрыть признаки нарушений, выявление которых препятствует постановлению по делу итогового судебного акта. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ влечет такое допущенное в ходе досудебного производства существенное нарушение прав участников процесса, которое в любом случае препятствует вынесению по делу приговора, отвечающего трем традиционным требованиям, установленным УПК РФ, которое восполнить и устранить на судебных стадиях невозможно.

Уяснение смысла и содержания оснований возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ позволяет сделать вывод о сходной правовой природе содержания оснований возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом с одним из видов оснований отмены или изменения приговора — существенным нарушением норм УПК РФ (ст. 389.17 УПК РФ).

Внешнее выражение существенных нарушений как основания к отмене или изменению приговора разнообразно. Законодательная классификация существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона представлена тремя группами нарушений, которые способны повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного акта при рассмотрении уголовного дела по существу (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ).

Наиболее распространенная группа таких нарушений представлена в виде нарушений прав участников уголовного судопроизводства. При этом проявления данной группы существенных нарушений различны. Несоблюдение прав участников уголовного процесса, влияющее на качество приговора и способное привести к его отмене или изменению, может быть вызвано незаконным действием, бездействием или решением любого участника уголовного судопроизводства на любой из стадий уголовного процесса.

Нарушения, которые образуют основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, способны также оказать влияние на качество приговора. Выявление судом первой инстанции нарушения, которое является основанием для возвращения уголовного дела прокурору, обязывает суд принять решение в порядке ст. 237 УПК РФ. При выявлении судом оснований для возвращения уголовного дела прокурору постановление приговора, отвечающего требованиям ст. 297 УПК РФ, не представляется возможным.

В равной степени не представляется возможным принятие судом обоснованного и законного решения по существу дела в случае наличия в деле оснований для возвращения дела прокурору, которые судом первой инстанции не были выявлены вовсе. Постановление судом первой инстанции приговора при наличии в деле нарушений, являющихся основанием для принятия решения в порядке

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 237 УПК РФ, трансформирует основание для возвращения уголовного дела прокурору в основание отмены приговора — в связи с непринятием судом мер по возвращению уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ¹¹.

Судебная практика, которую мы изучили, показывает, что непринятие судом первой инстанции мер по возвращению дела прокурору при наличии к тому оснований влечет отмену постановленного приговора судом проверяющей инстанции. При этом мы полагаем необходимым отметить, что в рамках данной статьи предметом анализа судебной практики являлись судебные акты, в которых выявлено нарушение по непринятию судом решения о возвращении уголовного дела прокурору при наличии к тому законных оснований, т.е. таких оснований, которые соответствуют сущности и назначению института возвращения уголовного дела прокурору.

К сожалению, судебной практике до сих пор известны случаи принятия судом решения в порядке ст. 237 УПК РФ при наличии оснований для признания лица невиновным в совершении преступления¹². Так, в 27 случаях из 30 (90 %) суд проверяющей инстанции отменял решение нижестоящего суда о возвращении уголовного дела прокурору в связи с тем, что «основания для принятия решения в порядке ст. 237 УПК РФ отсутствовали, и суд имел возможность вынесения законного и обоснованного приговора, который может быть как обвинительным, так и оправдательным»¹³. Принятие судами при описанных обстоятельствах решения о возвращении уголовного дела прокурору вместо постановления оправдательного приговора, как отмечал И. Л. Петрухин¹⁴, вступает в явное противоречие со смыслом и целями данного института.

При этом исследованная нами в целях обоснования рассматриваемого в статье вопроса судебная практика позволяет прийти к следующему выводу. Непринятие судом мер по возвращению уголовного дела прокурору при наличии к тому законных, соответствующих назначению данного института оснований является нарушением, которое влечет отмену приговора вне зависимости от обстоятельств конкретного дела. Из 70 изученных судебных актов в 100 % случаях суд проверяющей инстанции принимал решение об отмене постановленного по делу приго-

¹¹ Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Обстоятельства, влекущие возвращение уголовного дела прокурору, в системе оснований отмены судебных решений в кассационном и надзорном производствах // Уголовное право. 2016. № 3. С. 110—115.

¹² См.: Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации (доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации) // Адвокатская практика. 2009. № 3 ; Рябинина Т. К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Российский следователь. 2013. № 24. С. 6—10.

¹³ См., например: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2020 по делу № 77-772/2020 ; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 № 77-878/2020 ; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2020 № 77-822/2020 ; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 08.09.2020 № 55-614/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Петрухин И. Л. Доследование: расхождение закона и практики // Уголовный процесс. 2007. № 8. С. 27.

вора и возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, если на стадиях досудебного производства по делу было допущено существенное нарушение прав участников процесса, препятствующее вынесению законного и обоснованного приговора, но суд первой инстанции данное нарушение не выявил и рассмотрел уголовное дело по существу.

Наиболее типичным видом нарушения, которое ошибочно не признается судом основанием для возвращения уголовного дела прокурору, является нарушение права обвиняемого на защиту на стадиях возбуждения уголовного дела или предварительного расследования (42 %). Данное нарушение проявляется в том, что обвиняемому не были предоставлены для ознакомления все материалы уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ и (или) ограничено право на заявление ходатайств¹⁵, в нарушении процедуры предъявления обвинения, предусмотренной ст. 171—175 УПК РФ¹⁶, и др.

В 26 % случаев суд первой инстанции не принимал решение в порядке ст. 237 УПК РФ, несмотря на составление следователем обвинительного заключения с нарушениями требований закона, которые исключают возможность вынесения судом приговора на основе данного заключения. Такое нарушение может выражаться, например, в том, что изложенная в обвинительном заключении фабула обвинения сформулирована настолько некорректно, неясно и непонятно, что затрудняет вынесение обоснованного и законного приговора¹⁷. Или, например, в несоответствии текста постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого фабуле обвинения, зафиксированной в обвинительном заключении¹⁸.

В 12 % случаев уголовное дело подлежало возвращению прокурору в связи с тем, что следователь, осуществляющий предварительное расследование по делу, подлежал отводу, но суд не принял решение в порядке ст. 237 УПК РФ¹⁹.

Часть 2 ст. 389.17 УПК РФ закрепляет перечень безусловно существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона, выявление которых в деле является основанием для отмены или изменения приговора во всяком случае.

¹⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 09.10.2018 № 204-АПУ18-2 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 01.10.2019 по делу № 10-18906/19 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2019 по делу № 10-15145/2019 ; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2019 № 77-33/2019 ; Результат обобщения практики рассмотрения уголовных, гражданских и административных дел апелляционной и кассационной инстанциями Верховного суда Республики Татарстан во 2 квартале 2018 года (утв. протоколом Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 11.07.2018 № 12) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., например: апелляционное постановление Московского городского суда от 25.06.2019 по делу № 10-11709/2019 ; апелляционное определение Московского городского суда от 23.08.2017 по делу № 10-12535/2017 ; апелляционное постановление Московского городского суда от 01.11.2019 по делу № 10-20470/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9 ; постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 05.07.2018 № 44у-88/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Постоянное развитие отдельных норм и институтов уголовного процесса свидетельствует о том, что закрепленный законодателем круг безусловных оснований к отмене и изменению приговоров может быть расширен посредством включения в него нарушения, связанного с неприятием судом первой инстанции мер по возвращению уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ при наличии к тому законных (соответствующих сущности и назначению данного института) оснований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баева Т. Н.* Возвращение уголовного дела прокурору в механизме обеспечения справедливого судебного разбирательства : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 244 с.
2. *Беззубов С. И.* Производство по уголовному делу в апелляционном суде: проблемы теории, нормативного регулирования и правоприменительной практики : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2007. — 247 с.
3. *Бурцев С. Н.* Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 244 с.
4. *Волколуп О. В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2006. — 267 с.
5. *Воскобитова Л. А.* Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // *Lex russica*. — 2012. — № 5. — С. 976—991.
6. *Дяденькин С. В.* Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — 221 с.
7. *Ежова Е. В.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2006. — 250 с.
8. *Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.* Обстоятельства, влекущие возвращение уголовного дела прокурору, в системе оснований отмены судебных решений в кассационном и надзорном производствах // *Уголовное право*. — 2016. — № 3. — С. 110—115.
9. Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации (доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации) // *Адвокатская практика*. — 2009. — № 3.
10. *Петрухин И. Л.* Доследование: расхождения закона и практики // *Уголовный процесс*. — 2007. — № 8. — С. 27—30.
11. *Рябинина Т. К.* Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // *Российский следователь*. — 2013. — № 24. — С. 6—10.
12. *Тришева А. А.* Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе : монография. — М. : Проспект, 2017. — 320 с.
13. *Ширванов А. А.* Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 60 с.

КНИЖНАЯ ПОЛКА КАФЕДРЫ

С момента выхода в 2018 г. аналогичного профильного номера «Вестника Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» увидело свет 15 учебных и научных изданий. В них кафедра уголовно-процессуального права продолжает исследовать наиболее значимые проблемы уголовного судопроизводства, а также развивать идеи научной школы, заложенной профессором Полиной Абрамовной Лупинской.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.] ; под общ. ред. Г. М. Резника : в 2 ч. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2019. — Ч. 1. — 457 с. ; ч. 2. — 519 с. — (Высшее образование).

URL: <https://urait.ru/book/ugolovno-processualnoe-pravo-rossiyskoy-federacii-v-2-ch-chast-1-449440> ; URL: <https://urait.ru/book/ugolovno-processualnoe-pravo-rossiyskoy-federacii-v-2-ch-chast-2-449441>.

Издание состоит из двух частей. В первой части рассматриваются общие положения уголовно-процессуального права, доказательства и доказывание, процессуальные сроки, издержки и реабилитация, во второй — досудебное и судебное производства, а также особый порядок уголовного судопроизводства.

Учебник подготовлен преподавателями Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), большинство из которых являются практикующими адвокатами, что обусловило практическую направленность издания. В учебнике учтены все изменения в уголовно-процессуальном законодательстве по состоянию на 1 августа 2019 г. Нормы и институты действующего процессуального законодательства проанализированы в соответствии с концептуальными общепризнанными принципами и нормами данной области права. Использована практика Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции. После каждой главы есть контрольные вопросы, которые помогут закрепить теоретический материал.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» (уровень — бакалавриат).

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для судей, адвокатов, сотрудников правоохранительных органов.

Судоустройство и правоохранительные органы : учебник и практикум для вузов / Т. Ю. Вилкова, С. А. Насонов, М. А. Хохряков. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2019. — 351 с. — (Высшее образование).

URL: <https://urait.ru/book/sudoustroystvo-i-pravoohranitelnye-organy-450777>.

Учебник и практикум подготовлен на основе многолетней практики преподавания авторами курсов «Правоохранительные органы», «Судоустройство и правоохранительные органы» и «Судебные системы Российской Федерации и зарубежных стран» в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Теоретическая часть (учебник) дает представление обо всех государственных и иных органах (организациях), осуществляющих правосудие, правоохранительную или иную юридическую деятельность: судах, прокуратуре, органах предварительного расследования, адвокатуре, нотариате и т.д., о выполняемых ими функциях и их организации (устройстве), а также знакомит читателя с общими, базовыми понятиями — судебная власть, правосудие и др.

В практикуме представлены задачи, открытые вопросы, ситуационные задания, задания, направленные на анализ различных документов, сценарии деловых игр, тесты для самоконтроля.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для судей, адвокатов, нотариусов, сотрудников правоохранительных органов.

Судоустройство и правоохранительные органы : практикум / под ред. Л. А. Воскобитовой. — М. : Норма ; Инфра-М, 2019. — 80 с.

URL: <https://znanium.com/catalog/product/1058053>.

Практикум подготовлен на кафедре уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в соответствии с требованиями ФГОС по учебным дисциплинам «Судоустройство и правоохранительные органы» по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень — бакалавриат) и 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (уровень — специалитет). Также практикум может быть успешно использован при освоении учебной дисциплины «Правоохранительные органы» по направлению подготовки 40.05.03 «Судебная экспертиза» (уровень — специалитет).

Для студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей юридических вузов, а также практикующих юристов, в том числе в рамках программ повышения квалификации.

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Вилкова Т. Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы : монография. — М. : Юрайт, 2019. — 286 с. — (Актуальные монографии).

URL:<https://urait.ru/book/princliP-glasnosti-ugolovnogo-sudoproizvodstva-istoriya-sovremennost-perspektivy-456377>

В монографии проведен анализ правовых основ, содержания и гарантий гласности в российском уголовном процессе с 1864 г. по настоящее время. Рассмотрено развитие научных представлений о гласности как о принципе уголовного судопроизводства. Предложены пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленные на его реализацию.

Уникальный характер данной работе придает проведенное автором масштабное сравнительно-правовое исследование: по вопросам гласности уголовного судопроизводства проанализировано законодательство всех 193 государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, приведены малоизвестные примеры из отечественной судебной практики различных исторических периодов. Предложен новый подход к понятию принципа уголовного судопроизводства, на основе которого сделан вывод о том, что гласность является не общим условием судебного разбирательства, а принципом.

Работа выполнена в рамках реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий», получившего поддержку РФФИ в качестве победителя конкурса «МК» (Конкурс на лучшие научные проекты междисциплинарных фундаментальных исследований по теме «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий»).

Рекомендуется студентам, бакалаврам, магистрантам, аспирантам, преподавателям юридических факультетов и вузов, практическим работникам правоохранительной и судебной систем, а также всем интересующимся проблемами уголовного судопроизводства.

Вилкова Т. Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы : монография. — М. : Юрайт, 2018. — 173 с. — (Актуальные монографии).

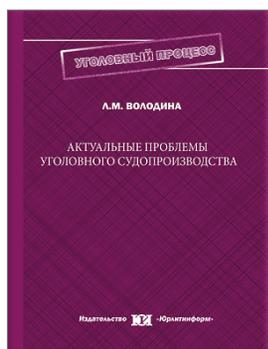
URL:<https://urait.ru/book/princliP-prezumpcii-nevinovnosti-istoriya-sovremennost-perspektivy-455028>

В монографии проведен анализ правовых основ, содержания и гарантий презумпции невиновности в российском уголовном процессе с 1864 г. по настоящее время. Рассмотрено развитие научных представлений о презумпции невиновности как об уголовно-процессуальном принципе. Предложены пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленные на обеспечение балан-

са публично-правовых и частноправовых интересов при реализации данного принципа.

Рекомендуется студентам, бакалаврам, магистрантам, аспирантам, преподавателям юридических факультетов и вузов, практическим работникам правоохранительной и судебной систем, а также всем интересующимся проблемами уголовного судопроизводства.

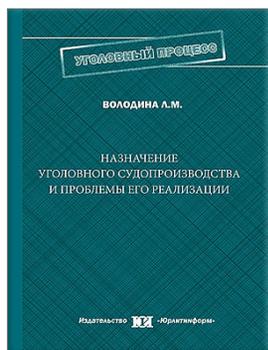

Володина Л. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : научно-практическое пособие. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 328 с.

URL:<http://www.urlit.ru/Katalog/2568-Aktualnie-problemi-ugolovnogogo-sudoproizvodstva.html>.

Содержание научно-практического пособия включает анализ актуальных проблем уголовно-процессуального права, теории и практики уголовного судопроизводства, связанных с реализацией назначения уголовного судопроизводства, с обеспечением защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства.

Для студентов юридических вузов, обучающихся по программе магистратуры, аспирантов, преподавателей.

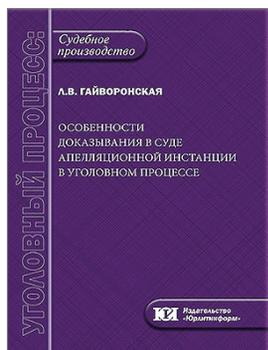
Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации : монография. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 296 с.

URL:<http://www.urlit.ru/Katalog/2188-.html>

В монографии излагаются результаты длительной работы автора по вопросам, касающимся назначения уголовного судопроизводства как целеполагающего направления уголовно-процессуальной деятельности, его функций и задач, направленных на реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Центральная мысль исследования заключается в глубокой уверенности автора в том, что самобытность российской правовой культуры во многом определяется исторически сложившимися правовыми взглядами и традициями, представлениями о справедливости (правде), отражающимися и на осуществлении правосудия.

В монографии рассматриваются проблемы реализации назначения уголовного судопроизводства сквозь призму правоприменительной деятельности властных субъектов уголовного процесса в рамках его отдельных стадий и институтов.

Гайворонская Л. В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 192 с.

URL:<http://www.urlit.ru/Katalog/2720-Gajvoronskaja-LV-Osobennosti-dokazivaniya-v-sude-apelljacionnoj-instancii-v-ugolovnom-processe-978-5-4396-2105-7.html>.

В монографии освещаются характерные особенности предмета и пределов доказывания в суде апелляционной инстанции. Раскрыты возможные модификации предмета апелляционного доказывания в зави-

симости от указываемого заявителем основания отмены или изменения судебного решения в апелляционной жалобе и (или) представлении. Определен ряд понятий, связанных с доказыванием, его предметом и пределами, но не получивших до настоящего времени единообразного понимания и толкования. Проанализированы особенности собирания, проверки и оценки доказательств судом апелляционной инстанции. Изложены рекомендации по совершенствованию процессуальной деятельности в апелляционном производстве, а также разработан формуляр апелляционной жалобы.

Адресована практическим и научным работникам, интересующимся проблемами апелляционного производства по уголовным делам и доказывания в нем.

Малышева О. А., Лятифов Р. Г. Применение мер пресечения в отношении иностранных граждан в целях их выдачи (экстрадиции) : монография — М. : Проспект, 2021. — 168 с.

URL: <http://prospekt.org/index.php?page=book&id=43891>.

Монография посвящена одной из форм международного сотрудничества в сфере противодействия преступности — выдаче лица (экстрадиции). В научном исследовании с учетом международного опыта, правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ под сомнение ставится обоснованность российской практики избрания мер пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче лица, доказывается допустимость и целесообразность более широкого применения в указанных целях альтернативных заключению под стражу мер пресечения. Авторами на основе российской судебной, прокурорской, пенитенциарной практики, обширной прецедентной практики ЕСПЧ уточнены пределы гуманизации сферы уголовно-процессуального принуждения, применяемого в целях выдачи лица, обоснованы предложения по ограждению конвенциональных прав и свобод запрашиваемого к выдаче лица от незаконного и необоснованного ущемления.

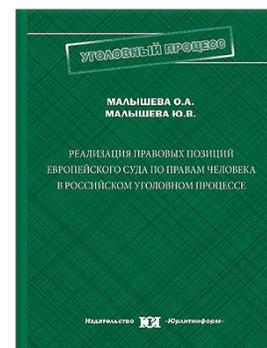
Законодательство приведено по состоянию на 10 июня 2020 г.

Монография представляет интерес для ученых, практиков: судей, прокурорских работников, сотрудников иных органов уголовной юстиции, а также для профессорско-преподавательского состава и обучающихся по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Юриспруденция».

Малышева О. А., Малышева Ю. В. Реализация правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российском уголовном процессе : монография / под ред. Б. Я. Гаврилова. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 176 с.

URL: <http://www.urlit.ru/Katalog/2347-.html>.

Монографическое исследование представляет собой анализ теоретических, законодательных и правоприменительных проблем, возникающих при реализации правовых позиций Европейского суда по правам человека в российском уголовном процессе.

Авторами обоснованы предложения и уточнены пределы учета российскими правоприменителями решений ЕСПЧ на различных этапах уголовного судопроизводства с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ по данному вопросу.

Представляет интерес для ученых и практических работников органов уголовной юстиции, а также обучающихся по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Юриспруденция».

Соловьев С. А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / под ред. Л. Н. Масленниковой. — М. : Норма, 2021. — 296 с.

URL: https://infra-m.ru/catalog/pravo_yuridicheskie_nauki/blagopriyatstvovanie_zashchite_favor_defensionis/?sphrase_id=546651.

В работе исследуются актуальные вопросы правовой природы, истории становления и целеполагания феномена благоприятствования защите как процессуального механизма, обеспечивающего максимальное сокращение дефицита равенства сторон в уголовном судопроизводстве. В результате исследования уголовно-процессуального законодательства, как отечественного, так и зарубежных стран, во взаимосвязи с прецедентной практикой ЕСПЧ и практикой Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, с учетом ретроспективного взгляда на отечественный уголовный процесс сформулировано и обосновано понятие «благоприятствование защите» как процессуальный механизм обеспечения равенства сторон в уголовном судопроизводстве России, представлены мотивированные выводы о значении состязательности и понятия «стороны» для роли феномена favor defensionis в уголовном процессе, определен перечень нормативных элементов, в которых в действующем УПК РФ закреплены положения этого феномена, составлена их подробная классификация, сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства РФ через призму благоприятствования защите.

Для судей, прокуроров, следователей, адвокатов, иных практикующих юристов, научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов (курсантов) юридических учебных заведений, а также всех лиц, интересующихся проблемами уголовного процесса.

Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : монография / под ред. Л. Н. Масленниковой. — М. : Норма, 2020. — 320 с.

URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=348442>.

В работе исследуются правовая природа надзора прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел, ретроспектива его развития, особенности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве в зарубежных странах, актуальные проблемы осуществления прокурором надзора за возбуждением и расследованием уголовных дел и предлагаются пути его совершенствования. Методологическую основу работы составили теоретические представления

о надзоре прокурора в досудебном производстве уголовного процесса, а также исходные положения теории публичного и диспозитивного начал в уголовном судопроизводстве России, разработанные доктором юридических наук, профессором Л. Н. Масленниковой.

Для практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и магистрантов юридических вузов.

Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 3. — 448 с.

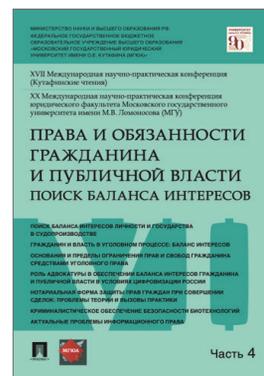
URL: <http://prospekt.org/index.php?page=book&id=42798>.

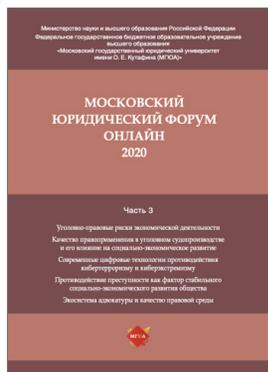
4—6 апреля 2019 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась VI Московский юридический форум «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции». В сборник включены тезисы докладов, подготовленные для заседаний конференций, круглых столов и дискуссионных площадок, проводившихся в рамках форума. Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов. Представляет интерес для руководителей и работников органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов : XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ) : сборник тезисов докладов : в 5 ч. — М. : РГ-Пресс, 2020. — Ч. 4.

26—29 ноября 2019 г. в рамках IX Московской юридической недели состоялись совместная XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на тему «Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов». В сборник включены тезисы докладов, подготовленные для заседаний конференций, круглых столов и дискуссионных площадок, проводившихся в рамках конференций.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов. Представляет интерес для руководителей и работников органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

Московский юридический форум онлайн — 2020 : сборник тезисов докладов : в 4 ч. — М. : РГ-Пресс, 2020. — Ч. 3. — 286 с.

В апреле — мае 2020 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась серия научных мероприятий в онлайн-формате. В сборник включены материалы онлайн- и заочных конференций, круглых столов, дискуссионных площадок, в том числе с международным участием. Доклады представлены учеными, преподавателями и практиками из разных городов России, а также из других стран.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов. Представляет интерес для руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

*Материал подготовила:
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
Л. А. Воскобитова*

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ ОБЪЕДИНЕННОГО ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ЦЕНТРА

Зимой 1935 г. органы НКВД арестовали в Москве большую группу сотрудников кремлевских учреждений, в том числе Григория Евсеевича Радомысльского (Зиновьева) и Льва Борисовича Розенфельда (Каменева).

Это были политические близнецы не только по возрасту (оба родились в 1883 г. и погибли в 1936 г.), но и по политическим взглядам. Оба были сподвижниками В. И. Ленина и «прославились» тем, что в 1917 г., накануне Октябрьского восстания, оба выступали категорически против захвата власти большевиками, о чем и заявили в прессе. За это Ленин назвал их «предателями». Это, впрочем, не помешало «близнецам» занимать видные посты в партийных и советских органах. Так, Зиновьев с декабря 1917 г. был председателем Петроградского совета, именно на нем лежит ответственность за организацию массовых расстрелов невинных людей в годы «красного террора».

Каменев с ноября 1917 г. был председателем ВЦИК, а с 1917 по 1926 г. — председателем Моссовета. Примечательно, что после потери дееспособности В. И. Лениным именно он предложил назначить

Г. Е. Зиновьев (Радомысльский)
(1883-1936)

Л. Б. Каменев (Розенфельд)
(1883-1936)

И. В. Сталина на пост генерального секретаря партии — пост тогда незначительный и связанный с рутинной бумажной работой, пост, которому только Сталин сумел придать истинный блеск. Позже Каменев на XIV съезде партии в 1925 г. осмелился открыто заявить: «Я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба... Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!». После этого заявления Каменев был обречен.

В 1960 г. в сталинском личном архиве были обнаружены списки «Московского и Ленинградского центров», которые Сталин лично составлял для «доказательства» связи между этими вымышленными центрами. При этом он сначала включал одних бывших оппозиционеров в «Московский центр», а затем «переводил» их в «Ленинградский», и наоборот.

Им предъявили тяжчайшее по тем временам обвинение — в подготовке покушения на жизнь вождя. Организатором заговора назвали Л. Б. Каменева. Следствие по этому делу возглавлялось Ежовым, Вышинским и Аграновым. Сталин систематически заслушивал их доклады, знакомился с протоколами допросов арестованных и участвовал в составлении наиболее важных документов будущего процесса.

На протяжении нескольких недель после ареста Каменев и Зиновьев отрицали свое участие в какой-либо подпольной организации. Иной характер носило поведение Зиновьева, который в условиях тюрьмы и следствия пережил новый этап деморализованности. В написанном за два дня до суда пространном «Заявлении следствию» он выражал «самое горячее раскаяние» по поводу того, что после возвращения из ссылки «с преступным легкомыслием не раскрыл партии всех лиц и всех по-

пытках антипартийных сговоров... со всеми конкретными именами и деталями». Уверая, что теперь «готов сделать все, все, все, чтобы помочь следствию раскрыть все, что было в антипартийной борьбе моей и моих единомышленников», Зиновьев заявлял, что теперь назвал «всех лиц, о которых помню и вспоминаю как о бывших участниках антипартийной борьбы».

Во время процесса публиковались сообщения о массовых митингах, на которых выносились резолюции с требованием расстрела обвиняемых. Тем самым осуществлялась подготовка общественного мнения к самому жестокому приговору.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е.,
Смирнова И. Н., Бакаева И. П., Тер-Ваганяна В. А., Мрачковского
С. В., Дрейцера Е. А., Гольцмана Э. С., Рейнгольда И. И.,
Пикеля Р. В., Ольберга В. П., Бермана-Юрина К. Б., Фрица
Давида (Круглянского И. И.), М. Лурье и Н. Лурье, обвиняемых
в преступлениях, предусмотренных ст. 58-8, 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР
(и з в л е ч е н и е)

15-16 января 1935 года выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР в гор. Ленинграде было рассмотрено дело о подпольной контрреволюционной группе зиновьевцев, именовавшей себя «Московским центром», главными руководителями которой, наряду с другими, осужденными по этому делу, были Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е. и Бакаев И. П. Предварительным и судебным следствием по этому делу было установлено, что так называемый «Московский центр» в течение ряда лет руководил контрреволюционной деятельностью различных подпольных групп зиновьевцев, и в том числе контрреволюционной деятельностью ленинградской группы Николаева – Котолынова, злодейски убившей 1 декабря 1934 года тов. С. М. Кирова.

Судом установлено, что так называемый «Московский центр», являясь идейным и политическим руководителем ленинградской группы зиновьевцев, знал о террористических настроениях этой группы и всемерно эти настроения разжигал.

Это должны были признать и отрицавшие какое бы то ни было свое участие в убийстве тов. С. М. Кирова обвиняемые Зиновьев и Каменев, лицемерно заявившие на суде, что за убийство тов. Кирова они несут лишь моральную и политическую ответственность.

Как теперь выяснилось, полтора года тому назад при расследовании дела об убийстве тов. С. М. Кирова в руках следственных и судебных органов не было всех данных, вскрывающих действительную роль в белогвардейской террористической подпольной деятельности зиновьевцев руководителей так называемого «Московского центра», с одной стороны, и руководителей троцкистского подполья – с другой.

На основании вновь открывшихся обстоятельств, выясненных следственными органами в 1936 году в связи с раскрытием ряда террористических групп троцкистов и зиновьевцев, следствием установлено, что осужденные по делу «Московского центра» Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев в действительности не только знали о террористических настроениях своих приверженцев в Ленинграде, но и были прямыми организаторами убийства тов. С. М. Кирова.

Следствием также установлено, что Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и ряд других обвиняемых по настоящему делу, о которых будет сказано ниже, были инициаторами и организаторами готовившихся покушений на жизнь и других руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Следствием равным образом установлено, что свою преступную террористическую практику зиновьевцы проводили в прямом блоке с троцкистами и находящимся за границей Л. Троцким.

Эти вновь открывшиеся обстоятельства с несомненностью устанавливают:

1) что в конце 1932 года произошло объединение троцкистской и зиновьевской групп, организовавших объединенный центр в составе привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова И. Н., Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов);

2) что основным условием объединения этих контрреволюционных групп явилось взаимное признание индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства;

3) что именно с этого времени (конец 1932 года) троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Л. Троцкого, полученным объединенным центром через специальных агентов, сосредоточили всю свою враждебную деятельность против ВКП(б) и советского правительства главным образом на организации террора в отношении их виднейших руководителей;

4) что в этих целях объединенным центром были организованы специальные террористические группы, подготовившие ряд практических мероприятий по убийству гг. Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева и др.;

5) что одной из этих террористических групп, в составе Николаева, Румянцева, Мандельштама, Левина, Котолынова и других, осужденных Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 28–29 декабря 1934 года, было осуществлено 1 декабря 1934 года по прямому указанию Зиновьева и Л. Троцкого и под непосредственным руководством объединенного центра злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

I. Троцкистско-зиновьевский объединенный террористический центр

Показаниями Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Мрачковского, Бакаева и ряда других обвиняемых по настоящему делу с несомненностью установлено, что единственным мотивом организации троцкистско-зиновьевского блока явилось стремление во что бы то ни стало захватить власть и что единственным и решающим средством для этого была избрана организация террористических актов против виднейших руководителей партии и правительства.

Лишенные всякой опоры в рабочей массе и трудящихся народных массах СССР, растерявшие весь свой идейный багаж, не имея в руках никакой политической программы, проникнутые злобной ненавистью к социалистическим победам нашей Родины, вожди троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока – Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, сомкнулись и слились с самыми отвязанными врагами советской власти, превратились в организующую силу последней разгромленных в СССР эксплуататорских классов. В отчаянии и ненависти они прибегли к подлейшему средству борьбы с советским правительством и руководителями ВКП(б) – политическим убийствам.

Сначала перед лицом первых успехов социализма в СССР они не теряли надежды на возникновение трудностей, с которыми, по их расчетам, советская власть не сможет справиться. Но, видя затем, что эти трудности с успехом преодолеваются и наша страна выходит из трудностей победительницей, они откровенно поставили ставку на осложнение международных отношений, на войну и поражение советской власти.

Не видя для себя благоприятных перспектив, они берутся за оружие, организуют подпольные террористические группы и пускают в ход наиболее гнусное средство борьбы – террор.

Сейчас троцкистско-зиновьевские заговорщики свою борьбу против ВКП(б) и советской власти мотивируют уже не якобы неправильной политикой партии и советского правительства, не тем, что якобы ВКП(б) и советская власть ведут страну к гибели, как лживо и клеветнически они утверждали раньше. Главным мотивом применения террора теперь они считают успехи строительства социализма в СССР, успехи в деле культурного и экономического подъема страны, каковые успехи, демонстрируя идейное и политическое банкротство троцкистов-зиновьевцев, еще более озлобляют их против советской власти и усиливают у них стремление отомстить советской власти за свой политический провал путем применения террора.

Несмотря на упорное заpiresательство, обвиняемый Зиновьев должен был под тяжестью предъявленных ему следственными органами улик признать, что:

«...троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова» (т. XII, л. д. 16).

II. Объединенный троцкистско-зиновьевский центр и убийство тов. С. М. Кирова

Уже по делу Николаева, Румянцева, Котолынова и других, расстрелянных по приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по обвинению в убийстве 1 декабря 1934 года тов. С. М. Кирова, была установлена непосредственная связь совершившей это убийство ленинградской

группы зиновьевцев с обвиняемыми Зиновьевым, Каменевым и Бакаевым, осужденными ранее по делу так называемого «Московского центра».

В настоящее время следствие располагает данными, с несомненностью установившими, что убийство тов. С. М. Кирова было совершено по решению объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Это обстоятельство на предварительном следствии признали большинство активных участников различных террористических троцкистско-зиновьевских групп, и в том числе обвиняемые Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский и другие.

III. Организация объединенным троцкистско-зиновьевским центром террористических актов против товарищей Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева

Материалами следствия установлено, что объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр, после того как убил тов. Кирова, не ограничивался организацией убийства одного лишь тов. Сталина. Террористический троцкистско-зиновьевский центр одновременно вел работы по организации убийства и других руководителей партии, а именно: тт. Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева.

Обвиняемый Рейнгольд показал, что Зиновьев, говоря о необходимости убийства тов. Кирова, как ближайшего помощника тов. Сталина, добавил: «Мало срубить дуб, надо срубить все молодые поддубки, которые около дуба растут» (т. XXVII, л. д. 70).

По показаниям Рейнгольда:

«Основное указание Зиновьева сводилось к следующему: необходимо направить удар против Сталина, Кагановича и Кирова» (т. XXVII, л. д. 63).

Обвиняемый Рейнгольд подтвердил, что:

«Расчет объединенного центра был построен на том, чтобы оглушительным одновременным ударом в Москве и Ленинграде вызвать полную растерянность в партии и стране» (т. XXVII, л. д. 163).

Убийство тов. Ворошилова, Кагановича, Жданова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева пытались осуществить различные террористические группы, действовавшие под общим руководством объединенного центра.

Так, по организации террористического акта над тов. Ворошиловым работала группа Дрейцера, получившая задание об убийстве Ворошилова непосредственно от Троцкого, и группа, переброшенная из Германии для этих же целей, троцкиста М. Лурье.

По поводу подготовки убийства тов. Ворошилова один из членов объединенного центра, обвиняемый Мрачковский, показал:

«В середине 1934 года Дрейцер Е. мне докладывал, что им готовилось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен был быть

подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии. Предполагалось, что он убьет Ворошилова либо во время личного доклада Ворошилову по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать Ворошилов» (т. XVIII, л. д. 49).

Обвиняемый Дрейцер на допросе в Прокуратуре Союза ЗI июля по этому поводу показал:

«Для совершения теракта я привлек Эстермана и Гаевского, а в 1935 году Шмидта и Кузьмичева. Последние взялись убить Ворошилова» (т. X, л. д. 195).

Показания Мрачковского и Дрейцера также подтвердил и обвиняемый Рейнгольд, показавший следующее:

«Мне известно от Мрачковского и от Дрейцера, что летом 1933 года была организована под руководством Дрейцера троцкистская группа из военных, куда вошли: Шмидт и командир одной из бригад Красной армии, Кузьмичев – начальник штаба одного из воинских соединений и ряд других лиц, фамилии которых я не знаю. От Дрейцера мне известно, что непосредственными исполнителями террористического акта против Ворошилова были намечены Шмидт и Кузьмичев, которые дали согласие на выполнение этого акта. Предполагалось, что они для этого либо воспользуются одним из приемов у Ворошилова, либо используют посещение Ворошиловым их войсковых частей» (т. XXVII, л. д. 165, 166).

Следствием также установлено, что ряд террористических групп (Дрейцера, М. Лурье и др.) готовил в тот же период времени покушения на тт. Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Формула обвинения

Анализируя вышеизложенное, следствие считает установленным:

1) что в период 1932–1936 годов организовался в гор. Москве объединенный троцкистско-зиновьевский центр, поставивший своей задачей в целях захвата власти совершение ряда террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства;

2) что в состав этого объединенного троцкистско-зиновьевского центра из числа привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу вошли от зиновьевцев: Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е., Бакаев И. П. и от троцкистов: Смирнов И. Я., Тер-Ваганян В. А. и Мрачковский С. В.;

3) что в этот период времени объединенным троцкистско-зиновьевским центром был организован ряд террористических групп и был подготовлен ряд практических мероприятий по убийству тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Кирова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева;

4) что одной из этих террористических групп, действовавших по прямым указаниям Зиновьева и Л.Троцкого и объединенного троцкистско-зи-

новьевского центра и под непосредственным руководством обвиняемого Бакаева, было осуществлено 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

Привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е., Бакаев И. П., Тер-Ваганян В. А., Мрачковский С. В., Дрейцер Е. А., Ольберг В. П., Фриц Давид (Круглянский И. И.), Гольцман Э. С., Пикель Р. В., Рейнгольд И. И., Берман-Дрин К. Б., М. Лурье и Н. Лурье – полностью признали себя виновными в предъявленном им обвинении.

Обвиняемый И. Н. Смирнов, признавая свое участие в объединенном центре троцкистско-зиновьевского блока, личную связь с Л. Троцким и встречи его с Л. Седовым во время своего пребывания в 1931 году за границей, а также и то обстоятельство, что связь с Троцким он поддерживал вплоть до своего ареста в 1933 году, признал, что ему была передана в 1931 году Седовым и подтверждена в 1932 году директива Л. Троцкого об организации террора против руководителей ВКП(б) и советского государства и что эта директива была положена в основу организации троцкистско-зиновьевского блока.

В то же время обвиняемый И. Н. Смирнов категорически отрицает свое участие в террористической деятельности объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Однако обвиняемый И. Н. Смирнов изобличается в качестве участника террористической деятельности объединенного центра показаниями обвиняемых: С. В. Мрачковского (т. XXIX, л. д. 76–84), Дрейцера (т. XXXI, л. д. 63), Сафоновой А. Н. (т. XXXI, л. д. 295), Рейнгольда И. И. (т. XXXI, л. д. 138, 284), Зиновьева Г. Е. (т. XII, л. д. 35), Каменева Л. Б. (т. XV, л. д. 28), Евдокимова Г. Е. (т. 36, л. д. 9, 10) и Пикеля Р. В. (т. XXXI, л. д. 78).

На основании изложенного, обвиняются:

1. Зиновьев Григорий Евсеевич, 1883 г. р., служащий, осужденный в 1935 году по делу «Московского центра» зиновьевцев;

2. Каменев Лев Борисович, 1883 г. р., служащий, осужденный в 1935 году по делу того же «Московского центра»;

3. Евдокимов Григорий Еремеевич, 1884 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;

4. Бакаев Иван Петрович, 1887 г. р., служащий, осужденный в 1935 г. по делу того же «Московского центра»;

5. Мрачковский Сергей Витальевич, 1888 г. р., служащий;

6. Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович, 1893 г. р., служащий;

7. Смирнов Иван Никитич, 1880 г. р., служащий

– в том, что первые шестеро обвиняемых в период времени с 1932 по 1936 год, а обвиняемый Смирнов И. Н. с 1931 года:

а) организовали ряд террористических групп, подготовлявших убийство гг. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Кирова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева;

б) организовали и осуществили через ленинградскую подпольную террористическую группу Николаева – Котолынова и других 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. С. М. Кирова,

– т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58–8 и 58–11 УК РСФСР.

8. Дрейцер Ефим Александрович, 1894 г. р., служащий;

9. Рейнгольд Исаак Исаевич, 1897 г. р., служащий;

10. Пикель Ричард Витольдович, 1896 г. р., служащий;

11. Гольцман Эдуард Соломонович, 1882 г. р., служащий;

12. Фриц Давид, он же Круглянский Илья – Давид Израилевич, 1897 г. р., служащий;

13. Ольберг Валентин Павлович, 1907 г. р., служащий;

14. Берман–Юрин Конон Борисович (он же Александр Фомич), 1901 г. р., служащий;

15. Лурье Моисей Ильич (он же Эмель Александр), 1897 г. р., служащий;

16. Лурье Натан Лазаревич, 1901 г. р., служащий

– в том, что, будучи членами подпольной террористической троцкистско–зиновьевской организации, приняли участие в подготовке убийства тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева; т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 19–58–8 и 58–11 УК РСФСР.

Изобличенные материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, находящиеся за границей Л. Троцкий и его сын Седов Л. Л., в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Дела в отношении Гертик, Гринберга, Гавена Ю., Карева, Кузьмичева, Константа, Маторина, Ольберга Пауля, Радина, Сафоновой, Файвиловича, Шмидта Д. и Эстермана ввиду продолжающегося следствия выделены в особое производство.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 11 августа с. г. все указанные выше лица подлежат суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР в открытом судебном заседании.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 14 августа 1936 года.

Прокурор Союза ССР А. **ВЫЛИНСКИЙ**

П. И. Люблинский

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННОГО И СРЕДСТВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИХ¹

Современный уголовный процесс, основанный на разделении обвинения и защиты, как на лучшем средстве достижения истины, по необходимости должен признать за деятельностью обвиняемого большое уголовно-процессуальное значение. Общественный интерес защиты лучше всего может быть достигнут расширением границ этой деятельности, поставленной в пределы законности. Защита как деятельность, представляющая, кроме ограждения невинности, государственный интерес индивидуализации наказания и его наибольшей экономии, наряду с обвинением, олицетворяющим требования правопорядка и вытекающую из них силу репрессии, содействует выработке справедливой меры наказания. И если считают необходимым поручить обвинение блюстительнице правопорядка — прокуратуре, то представителем защиты целесообразнее всего сделать самого обвиняемого или его защитника, стоящего вместе с тем близко к указанным общественным интересам.

Деятельность каждого лица в процессе определяется совокупностью присвоенных ему процессуальных прав. Последние, закрепляя за ним возможность совершения действий, обладающих определенным юридическим значением, характеризуют его как участника процесса. Современное уголовное законодательство еще не достигло той высоты развития, при которой оно может поставить сразу, с самого начала производства дела, обвиняемого наряду с обвинителем, вооружив их обоих одинаково. Нет, только на судебном следствии обвиняемый является равноправной стороной, на предварительном же, сохранившем еще инквизиционный характер, деятельность его сильно стеснена, объем предоставленных ему прав крайне невелик; обвинитель же, наоборот, является полноправным. Там, где необходимо было бы участие обвиняемого или его защитника, вместо него выступает quasi-попечительная власть судебного следователя, который по теории закона должен быть также защитником обвиняемого. Обвиняемый является не стороной, а «участвующим в деле лицом», и права его ненамного отличаются от прав гражданского истца (отличие явствует из одной только ст. 476 Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства]).

Права, могущие принадлежать обвиняемому в процессе (в частности, в предварительной стадии), могут быть разделены на три группы:

- 1) права по обеспечению правильности собираемых или представляемых доказательств;
- 2) права по отношению к обжалованию налагаемых ограничений его прав и
- 3) права активного расследования и освещения обстоятельств дела.

Павел Исаакович Люблинский (1882–1932) — российский и советский ученый-юрист, криминолог

¹ Люблинский П. И. Процессуальные права заключенного и средства осуществления их // П. И. Люблинский. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб. : Сенатская типография, 1906. С. 510—540.

Первые две группы прав принадлежат почти всем участвующим в деле лицам (свидетелям, экспертам и проч.), и только третья является характерной для положения обвиняемого, как стороны.

В русском действующем законодательстве объем прав обвиняемого *на предварительном следствии* по отношению к каждой из указанных групп выражается следующим образом:

1. Обвиняемый имеет право присутствовать при выемках, обысках, осмотрах и освидетельствованиях (ст. 316, 358), при дознании через окольных людей (ст. 456) и, наконец, при допросах свидетелей, но лишь в том случае, если следователь не счел нужным его удалить (446 ст.). Для обеспечения беспристрастного ведения дела ему принадлежит также право отвода следователя по законным причинам (273 ст.).

2. Обвиняемый имеет право приносить жалобу на всякое действие, стесняющее его права (ст. 491).

3. Обвиняемый имеет право замечаний и возражений при протоколах о следственных действиях и допросе (468, 469 ст.) и право приводить в опровержение прочитанного ему показания свидетеля обстоятельства, расследовать которые следователь обязан (449 ст.); имеет право бесплатного получения копий с протоколов и постановлений судебного следователя (475 ст.), право просить, при заключении следствия, о предъявлении следственного производства и право указывать на какие-либо новые обстоятельства, проверить которые следователь обязан, впрочем, лишь тогда, когда они могут иметь влияние на решение дела (476 и 477 ст.).

Общими характерными чертами всех указанных прав являются: 1) зависимость их от желания и домогательства обвиняемого и 2) возможность исключительно личного их осуществления (а не чрез представителя или защитника).

Что касается прав первой группы, то право обвиняемого присутствовать при различных действиях следователя по собиранию доказательств проведено довольно последовательно, но на практике в большинстве случаев остается мертвою буквою отчасти потому, что обвиняемый никаких сведений о производстве их не получает (кроме исключительно редкого дознания чрез окольных людей по 455 ст.), отчасти вследствие господства полного усмотрения следователя (как, например, при допросе свидетелей). В последнем случае для большого ограждения предоставленных обвиняемому прав полезно было бы потребовать от следователя мотивированного постановления об отказе, причем достаточным основанием для такого отказа могло бы быть признано, между прочим, желание самого свидетеля.

По отношению ко второй категории прав закон выражается достаточно обще и точно, и желательна только бóльшая действительность обжалований, т.е. вполне беспристрастное и вдумчивое их рассмотрение.

Наибольшее значение имеют постановления, касающиеся третьей группы прав обвиняемого. Характерным ее признаком является то, что все права обвиняемого здесь поставлены в зависимость от усмотрения следователя. Право замечаний и возражений при допросе свидетелей может быть парализовано удалением обвиняемого из камеры или признанием замечаний несущественными. Право получения копий с протоколов и постановлений может стать мертвою буквою, ибо не

указан срок их выдачи, которая обыкновенно задерживается до конца следствия, когда и без того обвиняемый получает право обозрения дела. Наконец, право дополнения следствия требованием рассмотрения новых обстоятельств также находится в зависимости от решения следователя. Следователь, таким образом, может во всякий момент парализовать всякую активную деятельность обвиняемого. С другой стороны, если обвиняемый пассивно относится к привлечению его к ответственности, то все дело может пройти спокойно, без того, чтобы кто-либо пригласил его принять участие в каких-нибудь следственных действиях. Участие его не нужно, оно является только терпимым, но не поощряемым.

Мы не имеем в виду в настоящей главе заняться решением сложного вопроса об объеме прав обвиняемого на предварительном следствии и о желательном их расширении, — вопроса, который составляет в настоящее время центр внимания процессуалистов. Наша задача гораздо скромнее: мы лишь выясним, в какой степени действующее право предоставляет обвиняемому, заключенному под стражу, пользоваться принадлежащими ему, хотя бы и скудными, процессуальными правами.

Вопрос этот не останавливал на себе внимания наших процессуалистов, а между тем он имеет существенную важность. Заключение под стражу происходит очень часто, и притом по важнейшим делам, когда обвиняемому грозит весьма серьезное наказание (не ниже тюрьмы с лишением прав, ст. 419) и, следовательно, когда всякая возможность защиты имеет для него особенный интерес.

Пользование правами, как мы уже говорили, зависит от активности самого обвиняемого, лишение же свободы поневоле преграждает ему возможность всякой деятельности. Могут указать, что, заключая под стражу, следователь имеет целью, между прочим, установление полного контроля над обвиняемым, пресечение всякой его деятельности, могущей быть направленной на уничтожение следов и на затемнение правильного хода следствия, ввиду важности дела и потребности правосудия в собрании веских улик. Отсюда, могут заключить, подавление всякой деятельности заключенного является вполне законным. Однако ни в коем случае нельзя признать, что пользование теми правами, которые присвоены законом обвиняемому, может помешать следствию. Следователь по-прежнему остается господином следствия и может преграждать пользование правами в отдельных случаях, когда будет в том необходимость, а не по общему правилу. Притом всякая деятельность обвиняемого проходит чрез самого следователя, не иначе, и часто может оказывать ему помощь в собрании обстоятельств, оправдывающих обвиняемого. Допрос не всегда является удобным для того средством, отчасти потому, что следователь прибегает в нему лишь по собственной инициативе и нужде, отчасти же потому, что обвиняемый тогда еще не знает характера собранных против него улик, ибо сообщать их на допросе следователь не обязан и в действительности не сообщает.

С другой стороны, государство должно не только не допускать ограничений обвиняемого в пользовании общими процессуальными правами, вследствие лишения свободы, но и предоставить такому обвиняемому особые права. Заключая обвиняемого под стражу, оно вместе с тем без особой для себя необходимости лишает его возможности пользоваться такими *личными* правами, которые облегчили бы ему активное участие в процессе и которые вполне доступны обвиня-

емым, находящимся на свободе. Таково, например, право совещания с юридически опытным лицом, право получения при известных условиях свидетельства о бедности для освобождения от представления кассационного залога и пр. Не установив, соответственно, возмещающих прав, государство совершало бы ничем не оправдываемую несправедливость.

Затем, на государстве по отношению к заключенным под стражу лежит также особая обязанность — *ознакомления* их с принадлежащими им процессуальными правами. Осуществление этих прав в настоящее время поставлено в зависимость от домогательства самого обвиняемого, которое, конечно, не может иметь места при незнании им своих прав. Неправильно было бы приводить против этого то возражение, что каждый гражданин должен знать свои права и государство не обязано обучать его им: ведь при вручении копии обвинительного акта (557 ст.) на судебном следствии и при объявлении приговоров (832 ст.) обвиняемый предупреждается о каждом имеющемся у него праве. Между тем эта обязанность по отношению к обвиняемым, заключенным под стражу, игнорируется государством, и они оказываются в полном незнании своих прав².

По действующему законодательству постановления, преследующие цель предоставления заключенному под стражу возможности знать его процессуальные права и пользоваться ими, резко распадаются на две группы в зависимости от стадии производства дела: постановления до предания суду и после предания суду. Такое деление обуславливается различием организации этих двух стадий процесса.

До предания суду эти права очень немногочисленны. По отношению к первой группе прав, т.е. по отношению к обеспечению правильности доказательств, заключенному не предоставлено никаких средств. Устав уголовного судопроизводства молчит об этом. Статьи же 255 и 256 Устава о содержании под стражей категорически запрещают отпускать подсудимого из-под стражи во время производства о нем дела «никуда и ни по какому случаю», кроме как по ст. 476, 570 и 571 Уст[ава] угол[онового] суд[опроизводства] (на них мы еще остановимся). Ни одна из статей, относящихся к первой группе прав, здесь не упомянута.

Что касается, далее, права обжалования (вообще, а не только обжалования заключения под стражу), то, чтобы предоставить обвиняемому возможность прибегать к нему, заключенному под стражу до истечения суток со времени заключения предъявляется особое постановление (431 ст.) для того, чтобы он мог знать причины принятия против него такой меры. В случае заявления им желания подать жалобу, ему предоставляются все необходимые к тому способы (ст. 496).

И, наконец, из прав активного участия заключенному обеспечена лишь возможность просить о рассмотрении дела для дополнения при заключении следствия (476 ст.), причем он может быть отпускаем из тюремного замка для рассмотрения подлинного производства (ст. 256 Устава о содержании под стражей). Пожалуй, также можно видеть некоторое облегчение сношений с судом в ст. 480, которая

² Для избежания этого возможно составление особой книжки, вручаемой каждому заключенному. Характерно, что, например, в С.-Петербургском доме предварительного заключения в библиотеке, которой только и могут пользоваться заключенные, не имеется в числе книг даже экземпляра Устава уголовного судопроизводства.

предписывает по заключении следствия переводить обвиняемых, находящихся в подследственном заключении, в уездный город для содержания в тюрьме, если они содержались в уезде.

После предания суду права заключенного значительно шире, что обусловливается усилением значения его как стороны в деле и важностью для правильной постановки судебного следствия полной подготовленности защиты. Здесь уже первые две группы прав теряют свое значение, отчасти потому, что доказательства все собраны, отчасти потому, что нет никаких поводов для принятия против обвиняемого на этой стадии новых стеснительных мер. Вся тяжесть сосредотачивается на третьей группе, обеспечивающей возможность активного участия обвиняемого.

Прежде всего, для приготовления защиты и ознакомления с делом «подсудимые, взятые под стражу при предварительном следствии, доставляются в тюрьму того города, где судебные заседания по делам о них должны происходить, по крайней мере, *за неделю до открытия сих заседаний*» (584 ст.). Здесь им предоставляется копия с обвинительного акта или жалобы частного лица и список лиц, которых предполагается вызвать к суду наравне с остальными подсудимыми (556 ст.). Им предоставляется особое право давать объяснения председателю или члену суда относительно избрания защитника и дополнения списка свидетелей, причем при таких объяснениях может присутствовать и защитник, если он явится в суд к назначенному сроку. В случае, если в месте содержания обвиняемого нет постоянных заседаний суда, объяснения принимаются мировым судьей (ст. 561, 562, 564). Обвиняемому предоставляется возможность сноситься с защитником, и от председателя зависит дать разрешение защитнику объясняться наедине с подсудимым (569 ст.); защитник может, таким образом, исполнять различные поручения заключенного, имеющие законный характер, и представлять за него. Наконец, подсудимый должен во всякое время быть отпускаем из места заключения в канцелярию суда, если он пожелает рассматривать подлинное дело и выписывать из него нужные ему сведения, что производится под наблюдением секретаря и его помощника (ст. 256 Уст[ава о] сод[ержании под страж[ей] 9], и ст. 570 и 571 Уст[ава] угол[оловного] суд[опроизводства]). Впрочем, особенного интереса в пользовании этим правом у заключенного нет, так как оно принадлежит также защитнику подсудимого, который с большим успехом может им пользоваться.

Во время судебного заседания подсудимый, содержащийся под стражей, хотя и оставляется под ее охраной, но вполне пользуется всеми правами свободных обвиняемых (ст. 637, 612). Для выслушания приговора он доставляется в суд (828 ст.), чем сохраняется общее право гласности приговора. Наконец, закон предусматривает случай, когда заключенный под стражу судится еще по другому делу, по которому явка его необязательна. Здесь закон обязывает тюремное начальство доставить его к назначенному сроку в судебное заседание, однако в том лишь случае, если он содержится в пределах того округа, где разбирается о нем дело, *и если* он при вручении ему повестки о вызове (почему не позже?) заявил о том желание (ст. 592). Предоставляя ему это право, закон избавляет его от невыгодных последствий заочного разбирательства.

В апелляционной и кассационной стадиях заключенный под стражу сохраняет полноту своих прав и получает еще особые права, обусловленные невозможно-

стью свободного пользования своими личными правами. Так, подсудимому, содержащемуся под стражей, объявляется о всяком поданном по его делу протесте и отзыве (870 ст.), копия которых ему дается бесплатно и на которые он может доставлять свои объяснения в палату (871, 872 ст.). Эти статьи гарантируют возможность защиты при апелляции, но, к сожалению, не распространяют своего действия на стадию кассационную. В случае же желания подать кассационную жалобу, подсудимые, содержащиеся под стражей, освобождаются от представления залога, необходимого при ее подаче (910 ст., п. 2). Лишенные возможности доставить деньги или представить свидетельство о бедности, они, естественно, ради этого не должны быть лишены пользования своим правом протеста против несправильностей и нарушений закона, допущенных на суде. Наконец, заключенные под стражу не лишены общего права подавших кассационную жалобу присутствовать при кассационном разбирательстве (917 ст.). Как видно, специальные постановления закона о средствах, предоставленных лишенному свободы подсудимому пользоваться его процессуальными правами, значительно многочисленнее на судебном следствии и в дальнейших инстанциях и, если требуют, то, главным образом технических поправок³. Возможность пользоваться содействием защитника и его представительством имеет целью восполнить те прорехи, которые могут оказаться в постановлениях закона. Значительно более недостатков представляет первая часть постановления до предания суду, на которых мы теперь и остановимся.

Нечего доказывать, что при том объеме средств, который предоставлен заключенному под стражу, для него невозможно пользование большинством прав. Но посмотрим, может ли государство предоставить ему самому эти средства в полной мере, может ли оно почти совершенно игнорировать факт заключения под стражу? Ответ на это должен быть отрицательный и главным образом по двум следующим основаниям. 1. Тюремный персонал не в состоянии непрерывно отпускать заключенных из-под стражи, для чего требуется весьма сложный и внимательный надзор. Обвиняемый, имеющий возможность освободиться на несколько часов из тюрьмы, всегда воспользуется этой возможностью (иногда удобною и для побега). Затем, право присутствия обвиняемого при некоторых следственных действиях в случае их отдаленности от тюрьмы и продолжительности возлагало бы на тюремную администрацию почти непосильные обязанности. Таким образом, крайняя затруднительность для тюремного персонала, что государство, конечно, игнорировать не может, оказывается первой причиной затруднительности расширения прав заключенного, относящихся, главным образом, к первой группе. 2. Другой причиной является возможность злоупотребления предоставленными правами с целью мешать правосудию. Значительное большинство заключенных (а при правильной постановке подследственного заключения — почти все) являются действительно виновными в приписываемых

³ Так, ст. 255 и 253 Уст[ава о] сод[ержании под страж[ей] совершенно искусственно находятся там и не имеют исчерпывающего значения. Отдельные разбросанные в законе постановления можно было бы объединить в 2—8 статьях, где общим образом признавалась бы за заключенными возможность пользования процессуальными правами и устанавливались бы для них некоторые льготы.

им деяниях (тяжесть улик — основное условие заключения), и всегда можно рассчитывать на злоупотребления некоторой их части. Расширение прав их самостоятельного участия в деле могло бы породить затруднения или, по крайней мере, медленность производства.

Такое положение, т.е. сознание необходимости расширения прав заключенного, с одной стороны, и опасение предоставить их самому заключенному — с другой, выдвигает вопрос о защите на предварительном следствии, как единственно целесообразном выходе из такой двойственности. Мы говорим «единственно целесообразном», судя не только с точки зрения общих соображений, но и с точки зрения опыта западноевропейских государств.

Жизнь давно вызвала вопрос о необходимости защиты на предварительном следствии. Введение защитника в область, отмежеванную полному усмотрению следователя, может служить предметом опасения лишь для того, кто в старых инквизиционных принципах видит спасительное средство.

Но жизнь и наука говорят обратное: прогресс заключается в разложении розыска и замене его состязательностью, более согласующуюся как с положением личности в обществе, так и с основным требованием правосудия — быстрым выяснением истины. Излишняя опасливость не оправдывается обстоятельствами. Нигде введение защитника не ввела ненормальностей в правосудие, и только в России, единственной из больших европейских государств, институт этот не нашел осуществления в законодательстве.

Следует оговориться, что в дальнейшем мы рассматриваем вопрос о защите на предварительном следствии не всесторонне, а лишь с точки зрения нашей отмежеванной темы.

I. Обеспечение правильности собираемых доказательств в большой степени достигается введением защитника. Лицо, юридически опытное, имеет больше данных к проверке, наконец, своим присутствием оно сильнее может побуждать следователя к тщательному рассмотрению улик. Притом деятельность защитника менее стеснительна для следователя, ибо, как доказывает опыт, своим правом присутствия защитник пользуется лишь в случае действительной в том необходимости, а не из-за простого любопытства или безделья. Действующие законодательства, допуская право присутствия защитника на предварительном следствии в различном объеме, вводят, однако, некоторые ограничения.

В Англии защита, допущенная в начале прошлого столетия на предварительном следствии (нужно помнить, что в Англии оно состязательно), получила право присутствовать при всех следственных действиях. Из европейских стран раньше других, после тяжелой поры инквизиционного гнета, провозгласила право присутствия защитника при всех следственных действиях (однако без активного участия) Франция (Закон 8 октября 1789 г.). Но время реакции отменило его, и оно сохранилось лишь в мелких германских государствах, реципировавших его из Франции. Австрийский устав допускает присутствие защитника при тех следственных действиях, которые имеют целью установление состава преступления и не могут быть возобновлены впоследствии. Обвинительная камера или следственный судья могут разрешить ему обзирать все или некоторые акты производства.

Однако чисто следственная сторона предварительного следствия — допрос обвиняемого и свидетелей и все дознание, безусловно, закрыты для защитни-

ка. Германский устав 1877 г. допускает участие защитника в большем размере. Защитник может присутствовать при допросе свидетелей (но не обвиняемого) и при всех остальных следственных действиях; затем рассмотрение судебносудственных актов предоставлено ему как право при всяком положении дела (137 ст.), насколько, впрочем, это может произойти без вреда для расследования (ст. 147, п. 2). Более новые уставы, венгерский и норвежский, идут еще дальше. Первый допускает присутствие защитника и при дознании, запрещая ему, однако, присутствовать при допросе обвиняемого и свидетелей (ст. 62, 125), второй предоставляет защитнику и это право присутствия, допуская лишь возможность ограничения его судом.

В Швейцарских кантонах постановления о допущении присутствия защитника при следственных действиях довольно пестры. Объем его прав разнообразится по кантонам, начиная с полного недопущения (например, Базельштадт, Тургау и др.) и до возложения на защитника *обязанности* присутствовать при всех следственных действиях (Цюрих, Женева, Ааргау). Из отдельных постановлений по этому предмету интересны постановления в Во, где защитник допускается при допросе свидетелей тогда, когда там присутствует прокурор. Любопытно также, что ни один кантон не допускает присутствия защитника при первом допросе обвиняемого. Обозрение актов предварительного следствия защитником вполне допускается большинством кантонов.

Во Франции по новому Закону 8 декабря 1897 г. защитнику предоставлено право присутствовать при допросе обвиняемого (также и первоначальном) и при очных ставках его со свидетелями. Наконец, итальянский проект 1901 г., вводя защиту на предварительном следствии, принимает постановления австрийского устава. Защитник назначается после первого допроса; он может присутствовать при всех следственных действиях, направленных к установлению объекта преступного деяния, но не при допросе свидетелей.

Таковы постановления современных европейских уставов относительно права защитника присутствовать при следственных действиях, замещая обвиняемого. Желательность предоставления этого права признана почти всеми, и разногласие замечается лишь относительно права присутствия при допросе обвиняемого и свидетелей.

Наше законодательство допускает вполне присутствие обвиняемого при следственных действиях, ограничивая его лишь разрешением следователя при допросах свидетелей. Если признать защитника представителем обвиняемого, то вполне возможно предоставить ему те же права. Правосудие от этого только выиграет, а обвинение несколько не ослабит, так как защитник, действуя в пределах тех же прав, как обвиняемый, представит только больше гарантий законности своих действий. Введение представительства в области этих прав имеет особенно важное значение для заключенных под стражу, о которых государство должно больше всего заботиться, так как всякое излишнее их ограничение по сравнению с обвиняемыми, находящимися на свободе, является тяжелою несправедливостью.

II. Посмотрим теперь, какое значение может иметь защитник для другой группы прав заключенного под стражу обвиняемого — для прав обжалования. Наше законодательство наравне с западноевропейскими, предоставляет обвиняемому

это право в полном объеме. Однако вряд ли обвиняемый сам, по общему правилу, с умением может воспользоваться им. Незнание юридических оснований обжалования, затруднительность связного и убедительного изложения обстоятельств, а в значительном большинстве случаев даже безграмотность, сводят обжалование к простому изъяснению неудовольствия, служащему, конечно, недостаточным аргументом в глазах суда для отмены постановления следователя. Помощь защитника, как советчика и помощника, здесь особенно необходима для обвиняемого и желательна для правосудия, так как обеспечивает в большей мере справедливость и сдерживает произвол следователя. Допущение защитника для содействия в пользовании правом обжалования выражается, с одной стороны, в праве свободных совещаний с заключенным, с другой стороны — в праве представительства при подаче прошений, заявлений и пр.

По австрийскому законодательству 1873 г. защитник имеет право приносить жалобы от имени своего клиента и переговариваться с ним в присутствии лица судебного ведомства (45 ст.). Германский устав идет много дальше. Защитник может сноситься с обвиняемым как устно, так и письменно, причем наибольшее ограничение этих сношений может состоять в просмотре писем судьей до открытия главного производства; если заключение под стражу последовало не единственно по подозрению побега, то ограничение устных сношений заключается в присутствии лица судебного ведомства при переговорах с защитником (148 ст.). Это ограничение, однако, теперь почти всеми процессуалистами рассматривается как ненужное и вредное, и новые законодательства норвежское и венгерское, принимая почти целиком постановления германского устава, разрешают, однако, свободное сношение с защитой. Новый французский закон, следуя английскому праву, постановляет, что сношения защитника с заключенным совершенно свободны и не могут подлежать ограничениям. В швейцарских кантонах сношения с защитником по общему правилу совершенно свободны (и только в Солотурне ограничиваются присутствием должностного лица судебного ведомства).

Важность помощи юридически сведущего лица при обжаловании настолько велика, что даже законодательства, не допускающие защиты на предварительном следствии, признают здесь помощь защитника полезной. Так, в Испании заключенному разрешается совещаться с защитником; последний может представлять ходатайства от имени заключенного. В Италии защитник при заключении следствия может ходатайствовать об освобождении из-под стражи.

Наше законодательство по этому вопросу молчит, но судебная практика порою, пользуясь широким выражением ст. 496 о предоставлении всех необходимых способов обжалования, допускает приглашение защитника для помощи при обжаловании мер обеспечения в случае изъясления желания со стороны обвиняемого и допускает его даже поддерживать жалобу перед судом. Но это, конечно, редкое исключение, зависящее от усмотрения председателя суда, а не право обвиняемого.

Наиболее важной частью прав защиты является представительство в правах на активное расследование дела. От объема предоставленных здесь защите прав зависит степень состязательности на предварительном следствии. До сих пор, собственно говоря, могла идти речь только о представительстве, но не защите. Представитель уполномочивается на совершение отдельных действий в

интересах представляемого, под условием соблюдения законности. Он не имеет своей задачей непосредственно воздействовать на решение судьи, но только указывает, контролирует, присутствует при различных действиях, заменяя личность обвиняемого. Защита же является активным проведением определенного воззрения, основанного на стремлении повлиять на убеждение судьи, постановляющего решение. Два субъективных взгляда, защиты и обвинения, основанных на близости различных социальных интересов к каждому, на различии точек зрения и оценки фактов, скрещиваются друг с другом перед лицом третьего — беспристрастного судьи, в суждении которого отражается более яркий луч истины, как в фокусе, собирающем разнообразные лучи. Поэтому вне состязательности, вне активных прав защита невозможна⁴.

В отличие от представителя, защитник вовсе не ограничен объемом прав, имеющих у обвиняемого. Он имеет свои собственные, предоставленные ему государством, права, часто более обширные, чем права обвиняемого. Исполняя заявления и ходатайства защитника о расследовании различных обстоятельств, судья вовсе не спрашивается о том, согласен ли на то обвиняемый. Защитник в сфере предоставленных ему прав действует самостоятельно, в интересах общественных и обвиняемого. Такое положение его станет вполне понятно, если мы согласимся, что защитник — слуга правосудия, но не слуга обвиняемого. Обвиняемый может иметь самые разнообразные интересы. Их можно разделить на две группы: интересы, заслуживающие государственной поддержки, и интересы, ее не заслуживающие, и даже наоборот, вредные (например, интересы избежать наказания при действительной виновности, обмануть правосудие, скрыть доказательства и пр.).

Если государство предоставляет обвиняемому помощь защитника, то, естественно, лишь для поддержки первой группы интересов, надлежащая охрана которых важна для правосудия. Таким образом, защитник назначается преимущественно в интересах публичных, а деятельность его в этом направлении обеспечивается в большинстве случаев самим его положением. Если же смотреть на защитника как исключительного представителя обвиняемого, то мы не найдем порою оснований отличия его от соучастника, помогающего скрыть следы преступления.

Понятно, что, допуская защитника, правосудие обеспечивает себе большую законность действий стороны и большую добросовестность ее приемов, а это позволяет расширить степень состязательности. Судебное следствие никогда не дошло бы до той степени состязательности, какую оно обладает теперь, если бы не было формальной защиты. Отсюда можно заключить, что допущение защитника на предварительное следствие есть необходимая стадия в преобразовании инквизиционного следствия в состязательное и что от такого допущения правосудие только выигрывает, если обеспечен надлежащий состав защиты. Несколько далее мы займемся рассмотрением возможности обеспечения такого состава в применении к России, теперь же посмотрим, что говорит нам опыт западных государств.

⁴ См. по этому поводу доклад Г. Слиозберга. О защите на предварительном следствии, 1902. К сожалению, автор, не различая категорий прав обвиняемого, неправильно отрицает вообще возможность защиты при современном строе предварительного следствия.

По новому английскому закону Poor Prisoners 1903 г. назначение заключенному под стражу обвиняемому защитника с самого начала такого заключения возведено в публичную обязанность. Если судья по обстоятельствам дела признает, что в интересах справедливости обвиняемому необходима при подготовке и ведении дела помощь адвоката, он приглашает барристера или солиситора, который получает вознаграждение из казны в размере 20—50 руб.

Защитник пользуется правом полного представительства как на судебной, так и на предварительной стадии.

Австрийский устав предоставляет защитнику, с разрешения следственного судьи или обвинительной камеры, обзирать все или некоторые акты производства, получать копии с постановлений следователя. Защитник может требовать производства отдельных следственных действий, которые могут послужить к оправданию обвиняемого. Германский, норвежский, венгерский уставы предоставляют эти права в том же объеме (венгерский устав, впрочем, допускает защиту еще при дознании). Этот так называемый германский тип организации защиты завоевывает себе все больше и больше сторонников (Италия, Голландия). За последнее время раздаются голоса за расширение прав защиты и за предоставление ей права самостоятельного расследования при помощи полиции, как то имеется в Англии.

Иной тип представляет французская система, введенная Законом Констанана 8 декабря 1897 г. Общественное возбуждение, сопутствовавшее изданию этого закона, было громадное. Сущность его в той части, которая касается защиты на предварительном следствии, состоит в следующем (ст. 3, 7, 9, 10). После первого допроса обвиняемого, носящего характер объяснения пред судьей, во время которого обвиняемый предупреждается о своем праве не отвечать на вопросы, судья, если решит начать следствие, предлагает ему избрать себе защитника из адвокатов. По просьбе обвиняемого ему дается старшиной сословия защитник по назначению. Обвиняемый, как находящийся на свободе, так и заключенный под стражу, может быть допрошен только в присутствии или после приглашения его защитника. Защитник должен быть извещен о допросе по крайней мере за 24 часа. От этого права обвиняемый может отказаться. Интересно, что при допросе не может присутствовать прокурор. Защитник, присутствуя при допросе, не имеет права говорить, не будучи уполномочен следственным судьей. Но об отказе в предоставлении слова он может заносить в протокол. Накануне каждого из допросов обвиняемому защитнику дозволяется обзирать акты производства. Ему сообщается о каждом постановлении следственного судьи. Сношения его с заключенным совершенно свободны. Эти права защитника могут быть нарушены лишь в крайних случаях, проистекающих от опасности быстрой смерти свидетеля, возможности быстрого исчезновения улики или если расследование происходит на месте совершившегося преступления, где был пойман преступник. При таких обстоятельствах судья может немедленно приступать к допросу и очным ставкам.

Такова сущность нового закона. При ближайшем рассмотрении, однако, можно заметить крайнюю его отрывочность. Вводя защитника на предварительное следствие, он почти не вводит защиты, а лишь: 1) предоставляет обвиняемому возможность пользоваться юридическим советом защитника, чего лишен был только заключенный под стражу; шагом вперед здесь является также введение

защиты по назначению; и 2) устанавливает контроль юридически сведущего и отстаивающего интересы обвиняемого лица над отношениями следственного судьи к обвиняемому во время допроса. Но защитник не получил ни прав присутствия при допросе свидетелей и экспертов и при других следственных действиях, он лишь получает копии протоколов. Закон далее не говорит о праве представлять ходатайства от имени обвиняемого, просить о дополнении следствия.

Правда, существенно право присутствия при допросе обвиняемого, но это право вовсе не относится к защите; все комментаторы нового закона отрицают всякую тень состязательности в этом присутствии: защитник просто следит за правильностью допроса, подобно тому как полицейский следит за порядком. Инквизиционная система следствия остается во всей своей силе, и только предотвращена возможность нежелательного психического воздействия судьи на обвиняемого. Закон представляет из себя полумеру: оказав доверие защитнику в сношениях с обвиняемым, в обзоре следственных актов, он лишил его, однако, возможности активного участия в деле. Поэтому часто все участие защитника является бесплодным, и в большинстве случаев обвиняемые или отказываются от своих прав, или адвокат, в роли молчаливого свидетеля, заменяет себя письмоводителем.

Закон 1897 г. технически нецелесообразен, ибо допускает затрату значительной работы адвокатуры без всякого реального результата. Если проявляется довольство новым законом, то потому, что старые формы и привычки прекрасно устроились в новом одеянии, и потому, что закон на деле почти ничем не ограничил всемогущего усмотрения следственного судьи. Но велико число недовольных законом, вследствие его половинчатости: на конгрессах в Будапеште и Петербурге ни один представитель французской юстиции не выступил полным его защитником. И за последнее время во Франции создаются новые проекты для большого ограждения прав обвиняемого. Следует заметить, что хотя Закон 1897 г. и вызвал во всем Западе пересмотр основ предварительного следствия, но ни одна страна не оказалась подражательницей Франции в подобной постановке защиты на предварительном следствии.

Мы остановились более подробно на новом французском законодательстве ввиду преувеличенной оценки, которую придавали ему за последнее время. Вместе с тем мы желали показать преимущества системы германской. Истинная гарантия правильности должна быть признана не в попечительной деятельности следователя, хотя и поставленного под безмолвный надзор защитника, а в активном охранении собственных, общественно важных прав самим обвиняемым и его защитником. И такая активность явится первым шагом в установлении состязательной системы.

Таково положение защиты на Западе. Считаем нелишним перед тем, как перейти к рассмотрению специальных возражений против введения защиты у нас, сделать небольшой очерк попыток такого введения, поучительный по мотивам, останавливавшим законодателя.

Как известно, в нашем законодательстве, несмотря на многочисленность сторонников допущения защитника на предварительном следствии, не имеется еще такой защиты. Впервые при составлении Устава уголовного судопроизводства в комиссии 1863 г. многие члены указывали на необходимость введения защиты

на предварительном следствии. Комиссия 1862 г. вводила защиту на следующих основаниях. Обвиняемому в начале следствия объявлялось о его праве иметь защитника (ст. 255 проекта 1863 г.). Совещаться с защитником обвиняемому предоставлялось лишь после первого допроса, и то не наедине; защитнику предоставлялось присутствовать при всех следственных действиях, не исключая и допросов, причем он мог обращать внимание следователя на все обстоятельства, могущие служить к оправданию обвиняемого, и просить его о предложении вопросов свидетелям. Однако неприбытие защитника не останавливало хода следствия. Защитниками могли быть все лица, которым не воспрещено ходатайство по чужим делам. Но Государственный совет, основываясь на том, что при предварительном следствии трудно поставить защитника в надлежащие границы и нельзя не опасаться, что он сочтет своей *обязанностью* (?) противодействовать собранию обличительных доказательств и способствовать обвиняемому в сокрытии следов преступления, признал целесообразным устранить защиту.

Единственным мотивом недопущения, таким образом, послужило недоверие к защитникам, которыми могли быть всякие лица. При отсутствии в то время организованной адвокатуры такое опасение еще могло иметь основание, теперь же оно потеряло почти всякое значение. С появления судебных уставов не прекращались голоса, указывающие на необходимость допущения защиты на предварительном следствии. Хрулев, утверждавший, что следователь — «в духе русского народа», и считавший невозможным наличие защитника при розыском характере следствия, и Топачевский, не различавший задач розыска и следствия, — единственные, насколько нам известно, противники допущения защиты, выступавшие в литературе. Вопрос этот подвергся подробному обсуждению и комиссии 1894—1899 г.

Восемь членов (главным образом представители уголовной науки) предлагали допустить защиту на предварительном следствии, подвергнув только ее некоторым ограничениям ввиду неблагоприятных условий, которыми обставлено производство наших следствий, главным образом, вследствие неудовлетворительности розыска. При этом трое членов предполагали предоставить обвиняемому право пригласить защитника для обозрения дела только при предъявлении ему следствия, когда не может возникнуть серьезных опасений относительно неблагоприятного влияния защиты на обнаружение истины, пять же членов признавали необходимым относить защиту не к самому концу предварительного следствия, а к моменту привлечения в качестве обвиняемого. Вместе с тем эти пять членов признали, что практическое значение защита имеет в таких случаях лишь для лиц, подвергшихся заключению под стражу, когда обвиняемый не может сноситься с защитником. Правовое участие защитника предполагалось в самом скромном размере. Арестованный может сообщаться с защитником под строгим контролем следователя, переписка их будет просматриваться, свидания будут происходить в присутствии лица судебного ведомства, следователь будет иметь дискреционную власть допускать обвиняемого и его защитника к обозрению следственного производства в целом или в частях в такое время, когда уже не существует опасения, что их действия могут помешать открытию истины. Всякое участие защитника в допросах и очных ставках обвиняемого и свидетелей, хотя бы и без предоставления ему права голоса, признано совсем нецелесо-

образным. Участие его допускается лишь при выемках, осмотрах, экспертизах и отдельных следственных действиях, относящихся к установлению объективного состава преступления. Защитник может давать юридические советы обвиняемому и представлять его перед судом за него.

Предложения эти являются настолько скромными и здесь до такой степени приняты всевозможные ограничения деятельности защитника, поставленного в зависимость от полного усмотрения следователя, что представляется сомнительным, будет ли в состоянии защитник выполнять свою задачу (которая состоит, между прочим, в ограждении обвиняемого от возможности следователю произвола), если над ним постоянно будет висеть возможность властного запрещения следователем свиданий, переписки, обзора актов, дачи юридических советов и пр., словом, возможность полного изгнания его из предварительного следствия. В тех случаях, где защитник будет наиболее необходимым, он легко может быть устранен следователем, если последний пожелает иметь дело с беспомощным обвиняемым, а не с юридически опытным лицом. Притом всемогущее усмотрение единоличного следователя может совершенно разрушать всякий целесообразный план ведения защиты на предварительном следствии.

При такой узкой постановке едва ли представляется целесообразной и сама защита на предварительном следствии. Однако несмотря даже на такие скромные предложения, большинство комиссии не признало целесообразным допустить защиту, основываясь на слабости у нас розыска, возможности неблагоприятных влияний защитника на ход его и увеличения медленности производства и, наконец, на неудобствах для самой защиты в виде присяжной адвокатуры пользоваться своими правами присутствия при следственных действиях. Таким образом, в первоначальный проект не были внесены постановления о допустимости защиты на предварительном следствии.

Критика, которой был встречен проект в обществе, особенно сильно указывала на этот недостаток. Акты следственные в более значительной степени, чем в настоящее время, по проекту будут основываться на данных полицейского дознания, и недопущение защитника к указанию их недостатков тогда, когда эти недостатки еще исправимы, представляется несправедливым и не обеспечивающим торжества истины на судебном заседании, где заявления защитника о неправильности известных актов по необходимости принимаются на веру. Поэтому, под влиянием этой критики министром юстиции в окончательной редакции проекта было помещено правило о том, что защитнику предоставляется право обозрения дела при предъявлении следствия обвиняемому и право ходатайствовать о дополнении следствия. Неявка защитника не останавливает заключения следствия. При этом указано, что к предъявлению следствия допускаются все те лица, которые могут выступить в качестве защитников на суде. Перед допросом обвиняемого судьей, производящий следствие, разъясняет ему права и порядок обжалования следственных действий, с занесением в особый протокол исполнения этого предписания.

Таковы судьбы этого вопроса в России. Все многочисленные начинания разбиваются об утверждения о вредности такого института для силы репрессии и успешности розысков. Слепая боязнь, предшествующая всякому нововведению, здесь явилась особенно сильной.

О жизнеспособности этого института говорить не приходится. Тридцатилетний практический опыт Австрии, Германии и других стран Европы ясно показывает, что защита прекрасно уживается в рамках предварительного следствия и вовсе не создает тех последствий, которых боятся практики. Не приходится говорить и о важности введения такой защиты — многочисленная русская литература вполне осветила этот вопрос. Мы остановимся поэтому только на рассмотрении особых условий русского процесса, которые могли бы служить (и служат в глазах противников) причиной недопущения защиты на этой стадии.

Главным возражением является указание на слабость у нас розыска. Парализование активности обвиняемого имеет поэтому весьма существенное значение. Допрос, как хорошее средство доказательства, возможен, если обвиняемый находится в неведении об истинном положении дела, — так учит практика. Вмешательство защитника помешает такому характеру допроса и, следовательно, дурно отразится на успешности следствия. Когда имеется еще слабый луч света, указывающий дорогу, вмешательство защитника может уничтожить и его.

Это основное возражение, однако, не имеет той силы, которую ему хотят придать. Оно применимо только в современной системе Устава уголовного судопроизводства, покоящейся на смешении границ дознания и предварительного следствия. Современный следователь является, скорее, органом дознания вследствие почти полного отсутствия розыскной, правильно поставленной деятельности полиции. Полиция, получив донесение, немедленно направляет его следователю, и последний производит, собственно говоря, дознание, собирая улики. Понятно поэтому, что так называемому предварительному следствию приходится оперировать с сырым материалом, следователю самому приходится собирать, а не констатировать и оценивать улики, постоянно разъезжать и садиться на свое судейское кресло только в промежутках между двумя дознаниями, так сказать, мимоходом.

При дознании участие защитника значительно слабее. Он выступает только тогда, когда затронуты интересы обвиняемого, когда обвиняемый привлечен к суду, заключен под стражу, когда против него выставляются такие улики, которые не сумеют быть проверенными на судебном заседании или когда оценивается сила обвинения. Эти акты и составляют сущность предварительного следствия. Оно ведает не розыскание улик, а их оценку, а также ограждает обвиняемого от несправедливого применения к нему стесняющих его права мер. При таком характере предварительного следствия опасения за успешность *розысков* совершенно неосновательны, потому что розыск уже закончился и результатом его явилось привлечение обвиняемого к следствию. Оно, таким образом, будет происходить в конце всей работы по обнаружению следов преступного деяния. К такой постановке приблизился и проект, предложивший организовать судебную полицию и расширить область дознания, выделив его из следствия. Если эта мера будет принята, то нет никакого основания опасаться, что допущение защитника к предварительному следствию вызовет неудобства при розысках. Боязнь остается за допрос, этот почитаемый еще до сих пор могущественным способ добытия улик, но первый допрос будет происходить при отсутствии защитника, и, таким образом, боязнь эта исчезает.

Опасаются противозаконной деятельности защитника по уничтожению следов. И против этого следует возразить, что на стадии предварительного след-

ствия возможность такого опасения преувеличена; затем доверие к адвокатуре не позволяет предполагать, что она пойдет на явно преступные по нашему закону действия, за которые положены значительные наказания. И, наконец, вполне возможно предоставить суду право выбора защитника, если существует опасность сокрытия следов.

Другим возражением является указание на малочисленность защитников и затруднительность для них добросовестного исполнения своих обязанностей на предварительном следствии. Против этого можно возразить следующее. Проект расширяет число дел, по которым не требуется производство предварительного следствия. Следствия будут производиться в более редких случаях, так что труд защитников не будет столь великим (подобная система в Германии приносит прекрасные результаты: в 1899 г. на 674 856 окончанных дознаний было произведено 21 462 предварительного следствия (3,7 %), в Австрии на 149 662 жалобы следствий произведено в 1896 г. 21 146). Затем защиту по назначению можно ввести только в случаях заключения обвиняемого под стражу, что потребует еще меньшего труда. Что же касается затруднительности исполнения обязанностей защитника на предварительном следствии, изображаемых в виде погони за следователем, несения лишений в пище, отдыхе и здоровье и пр., то они в значительной степени преувеличены, да и действительно были бы возможны лишь тогда, если бы следователь был органом розыска и присутствие защитника при всех следственных действиях было бы обязательно. Но главная задача защитника не в том, чтобы непременно присутствовать при каком-нибудь осмотре, а в том, чтобы иметь возможность давать обвиняемому юридические советы, представлять в тех случаях, когда какой-либо следственный акт имеет особенно важное значение, как оправдательное доказательство, для указания именно оправдательной стороны его и, наконец, для противодействия обвинительной тенденции следователя.

Участие защиты вызовет медленность производства. Следственной власти придется немало времени посвящать объяснениям с защитником, ответам по представленным жалобам, производить по предъявлению обвиняемому следствия больше отдельных дополнительных действий. Так говорят противники; однако эти указания несущественны. Объяснение — дело настолько простое, не требующее особых сроков, что оно нисколько не отнимет у следователя нужного времени; что же касается дополнения следствия защитником, то в происшедшей медленности виноватым явится сам следователь, и, кроме того, нельзя отнимать могущественного средства защиты ради нескольких дней производства. Юстиция должна идти быстро, но не торопиться. Если составители судебных уставов нашли необходимым предоставить право дополнения следствия обвиняемому, то они хотели сделать из этого не замысловатую игрушку, которою он не сумеет пользоваться, а действительное средство оправдания, и сетовать на то, что с помощью защитника обвиняемый получит возможность пользоваться этим правом, совершенно неуместно.

Наконец, в качестве возражения указывают, что защитой будут пользоваться только богатые, бедные же останутся совершенно беспомощными или попадут в руки подпольной адвокатуры. Возражение это также несправедливо. Обвиняемый, заключенный под стражу, будет пользоваться защитой независимо от

своего имущественного положения, так как при его несостоятельности защитник будет ему назначен. Обвиняемый, оставленный на свободе, сумеет бесплатно получить защиту в тех учреждениях, которые поставят себе подобную цель. И теперь уже многочисленны консультации молодых юристов для оказания помощи неимущим; не откажет в юридическом совете и каждый адвокат, к которому обратится бедный.

Вообще наиболее серьезным возражением против введения защиты следует признать указание на малочисленность надежных защитников. Надежность — главное условие, требуемое от защитника на предварительном следствии. От допущения надежного защитника правосудие, как бы ни был слаб розыск, пострадать не может. А чтобы обеспечить хороший состав защиты, необходимо установить особый подбор защитников. Обыкновенно государство допускает в защите на предварительном следствии всех лиц, имеющих право защиты на суде. Для предварительного следствия, где требуется больше доверия к защите, возможно ограничение круга лиц, из которых обвиняемый может выбирать себе защитника. Защитник может быть вредным для правосудия не упорным домогательством осуществления прав, а возможностью противозаконного препятствования правосудию, сокрытием следов и т.д. Но дела, по которым существует такая опасность, сравнительно редки; затем такая опасность преимущественно существует на стадии дознания и розыска, а не на предварительном следствии, когда доказательства более или менее закреплены. При этом защитник имеет не больше средств тормозить ход дела, чем обвиняемый, находящийся на свободе и имеющий право самостоятельно пользоваться правами защиты. Единственный случай — это заключение под стражу обвиняемого из-за опасности сокрытия следов. Здесь защитник действительно мог бы злоупотреблять своими правами. Но кто мешает законодателю, как то сделано во Франции, допускать к защите лиц, заключенных под стражу, только присяжную адвокатуру, которая, занимая публичное положение, не может внушать таких подозрений? При недостаточности же таковой (хотя это трудно предположить: в 1899 г. у нас по делам общих судебных установлений заключенных под стражу было 23 726 обвиняемых, а присяжных поверенных и их помощников в 1901 г. — 3 631 чел.) можно было бы предоставить председателю суда поручать защиту особо надежным лицам или же предоставить бесконтрольное право неутверждения защитника. По делам же обвиняемых, находящихся на свободе, круг защитников можно сохранить тот же самый, как и для судебного следствия, но с большим подчинением их суду на этой стадии.

По обеспечении надлежащих качеств защиты (трудность чего нам кажется сильно преувеличенной) возможно и необходимо допустить ее в той постановке, в какой она принята в Германском уставе, заимствовав из французского закона защиту по назначению для лиц, находящихся под стражей.

При этом следует отбросить те многочисленные ограничения, которые предложены 5 членами комиссии 1894—1899 г. Введя их, мы рискуем лишить защиту всякого значения. Защита должна сдерживать произвол следователя, а это возможно лишь тогда, когда она обладает правами, независимыми от его усмотрения. Органом ограничения прав защиты может быть лишь судебная коллегия, а не заинтересованный следователь. Выгоды установления формального пред-

ставительства выразятся в большем доверии к следователям и к суду, в большей законности и в большем ограждении свободы и невинности. Вместе с тем падет та несправедливость, по которой заключенные под стражу лишаются почти всяких средств оправдания и участия в деле.

Защитник является органом, облеченным высоким общественным доверием, государство поручает ему на суде защиту невинности. И, признавая защитника на суде борцом за истину, нельзя видеть в том же защитнике, действующем на предварительном следствии, человека, из корыстных видов готового на противодействие истине и нарушение закона. Робкая опасливость не создает прогресса: всякая реформа непременно основана на доверии. Судебные уставы велики тем доверием, которое они оказали обществу, суду и защите. И, проявляя большее доверие, мы тем самым создаем почву для его оправдания. Нет сомнения, с проведением реформы в среде защитников заявит себя энергичная преобразовательная работа по установлению надежных средств оправдания такого доверия. А следует помнить, что каждый такой шаг ослабляет тягостное принудительное начало в процессе и приближает к тому времени, когда уголовный процесс, подобно гражданскому, будет покоиться на правовых нормах, лишенных принуждения.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
цифровой академической библиотекой «Автограф»*

URL: <http://avtograf-library.ru>

А. В. Романович-Славатинский

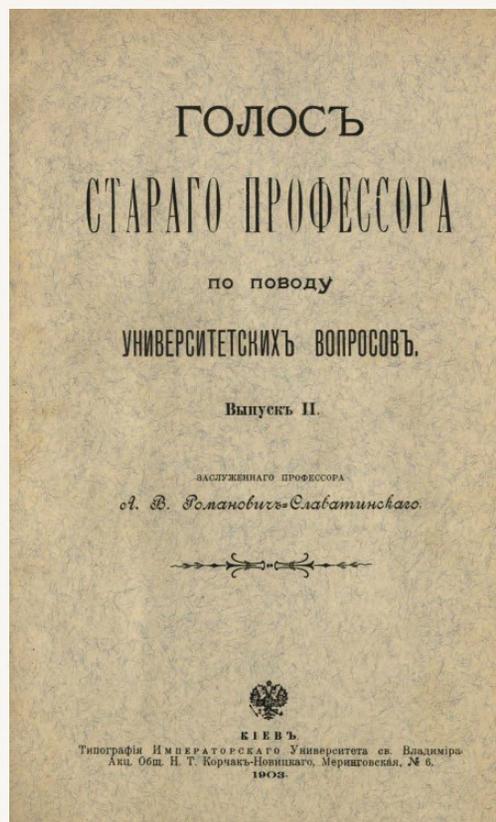
ГОЛОС СТАРОГО ПРОФЕССОРА ПО ПОВОДУ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВОПРОСОВ¹

Университет или политехникум

Об университетском вопросе было много говорено и писано в прошлом году, но покуда вопрос этот не только не разрешен, но, можно сказать, еще более осложнен и запутан. Нарисована только яркими красками картина недостатков существующего режима. Какое впечатление эта картина может произвести на умы студентов? Необходимо найти выход из такого запутанного положения вещей, — выход, который мог бы спасти русские университеты, переживающие теперь такую тяжкую годину. А было время, когда этими университетами могла гордиться Россия: университеты создали русскую науку, дали России сотни просвещенных граждан, проникнутых горячим патриотизмом. Эта золотая пора для русских университетов миновала, и теперь раздаются голоса, что нам нужны не университеты, а прикладные школы — политехникумы. Действительно ли просветительная и культурная роль этих последних может заменить собой прежнюю миссию университета? Позволим себе усомниться. Думающие так, забывают основную природу университетов, великая культурная миссия которых не может быть заменена никаким политехникумом. Так, по крайней мере, смотрят на это дело правительства Западной Европы, которые, конечно, не менее нас заботятся о развитии технического образования.

Кто бывал в последнее время в Западной Европе, тот не мог не заметить, с какой заботливостью и вниманием правительства относятся к своим университетам. Они как будто соревнуются друг перед другом в наиболее роскошной и широкой постановке их. Они затрачивают громадные суммы для возведения дворцов, достойных помешать в себе храм науки, они не останавливаются перед затратами на библиотеки, лаборатории, коллекции, кабинеты, соответствующие требованиям современной науки.

Я помню убогий Пьемонтский университет в Турине, который я обозревал в 1861 г. и который заменен теперь роскошными зданиями университетских учреждений, занимающих громадную площадь и стоивших скудной финансами Италии

¹ Романович-Славатинский А. В. Голос старого профессора по поводу университетских вопросов. К. : Тип. Императорского университета св. Владимира, 1903. С. 20—42.

Продолжение. Начало см.: Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10.

огромных затрат. Сравните старинное здание прежнего Венского университета с блестящим дворцом теперешнего... А что сделала Германия для Страсбургского университета, который в настоящее время может соперничать с университетом Берлинским! Для маленькой Швейцарии университетский вопрос — один из важнейших государственных вопросов, и на сооружение университетов затрачиваются громадные суммы: припомните университет в Цюрихе; сравните постройки теперешнего Женевского университета, доминирующего над Plain-palais, со старой Женевской академией, в которой и мне в молодые годы приходилось слушать лекции Амиеля и Карла Фохта. А Лозанна? Она, по-видимому, желает затмить своим университетом Цюрих и Женеву. С таким вниманием к университетам мирится и заботливость о политехникумах, на учреждения и развитие которых затрачиваются также громадные суммы.

Но правительства Западной Европы не думают, что современные общества более нуждаются в прикладной школе, чем в университете. Они далеки от мысли, что в настоящее время должен преобладать политехникум, затмевающий собой просветительскую роль университета. Они понимают, что в наш век наплыва утилитарных и материалистических идей университет является еще более нужным, чем в прежнее время: в нем — протест против господства этих идей. Университет — это синтез современной науки, это — убежище вековечных мировых идей, это — крепость, под защитой которой укрываются уцелевшие обломки прежних идеалистических воззрений. Политехникум, это — ремесло, это — насущный хлеб текущего дня. Правда, хлеб этот необходим, но и о едином ли хлебе жив будет человек.

У нас, к сожалению, это дело поставлено иначе. Наше время — время увлечения прикладными науками и политехникумами. Это можно объяснить отчасти новостью дела: на эту важную часть прежде обращали мало внимания, и техническое образование у нас было весьма скудно; во-вторых, это можно объяснить тем, что дело это попало в руки широкого и даровитого государственного человека, нынешнего министра финансов, не останавливающегося ни перед какими средствами для осуществления идеи, которую он считает полезной для русского государства. Имя С. Ю. Витте займет почетную страницу в истории русской прикладной науки. Заведываемые им политехникумы так роскошно обставлены, на сооружение их посыпалось столько золота, что убогие русские университеты не могут не завидовать счастливой доле своих меньших братьев. Университетские бюджеты так тощи, что их едва хватает на удовлетворение самых насущных потребностей. Сердце заболит у русского человека, помнящего заслуги родного университета, когда он сравнит блестящие роскошью дворцы политехникумов с убогими приютами современного русского университета.

Университетские здания сооружались давно, приспособляясь к прежним требованиям науки, к прежнему ограниченному числу студентов. Но условия науки изменились, прежние сотни слушателей превратились в тысячи, а здания какого-нибудь Казанского или Харьковского университета сохраняют свой давний вид, какой они имели и в начале прошлого века. В Московском университете трудно найти аудиторию, в которой могло бы поместиться теперешнее число слушателей. Созданное строительным гением императора Николая I помещение университета св. Владимира в Киеве — одно из лучших. Но и оно не удовлетво-

ряет потребностям времени: число аудиторий не соответствует числу студентов, а главное — в нем нет помещения для библиотеки, одной из лучших университетских библиотек, в которой хранятся такие драгоценности, как автограф Борка, преподнесшего польскому королю Станиславу-Августу свои размышления о французской революции. За недостатком места книги пылятся в университетских коридорах: пожертвованную вдовой генерал-губернатора Бибикова богатую коллекцию книг и журналов, относящихся к первой четверти прошлого века, негде поместить. Нельзя не бояться за сохранность драгоценной библиотеки университета св. Владимира, для которой необходимо отдельное огнеупорное здание. Правление не раз ходатайствовало об этом, но ходатайства эти за недостатком средств оставались безуспешными, а между тем, уменьшив расходы на лепные работы и паркетные работы политехникумов, можно было бы сэкономить сумму, достаточную для сооружения здания библиотеки университета св. Владимира, в котором могли бы лучше сохраниться ее книжные драгоценности. Не блестяще положение и других университетских учреждений. В майском заседании Совета университета св. Владимира мы слышали от одного из директоров химической лаборатории, что в ее стенах образовались трещины, в которые врывается сквозняк, а полы не лучше киевских тротуаров, по которым трудно ходить, не спотыкаясь.

Таков внешний вид русского университета в сравнении с роскошью и блеском политехникума. Этому внешнему виду соответствует и внутреннее состояние: падение уровня профессорского сословия. Падение это особенно заметно в факультетах юридическом и филологическом, но сказывается оно, как говорят, и в медицинском: где теперь наши Неволины и Мейеры, наши Грановские и Соловьевы, наши Захарыны и Караваевы? Ослабела и забота о подготовке к профессорским кафедрам: где теперь школа Сперанского и Дерптского профессорского института, основанного по мысли академика Паррота и давшего России Пирогова и Иноземцева? Где теперь та систематическая забота о посылке талантливой молодежи за границу для подготовки к профессуре, которой так отличались министры Уваров и Головнин.

В настоящее время факультетам нередко приходится вести продолжительную переписку, настойчиво ходатайствуя о посылке за границу одного или двух талантливых кандидатов для подготовки к замещению кафедр. Обвинять министерство в небрежном отношении к такому важному делу нельзя: в его тощем бюджете на это полагаются весьма ограниченные средства. Предварительный стипендиатский стаж не может служить коррективом: число стипендий не соответствует числу заслуживающих их вследствие того же недостатка средств. Между тем кафедры пустеют: старые профессора уходят, а молодых нет. Преподавание переходит в руки молодых неопытных приват-доцентов, которым едва ли впору читать общий систематический курс. Упадку уровня профессорского персонала соответствует понижение умственного и нравственного уровня студентов. В этом виноваты отчасти общие причины и тенденции века, отчасти и средняя школа, созданная по рецепту «Московских ведомостей» и умерщвляющая любознательность и жажду знания.

В университет стали поступать диплома ради, и сообразно тому установились печальные отношения студента к университетской науке. Беспорядочный и нерациональный способ производства университетских экзаменов, а особенно

испытательных комиссий, еще более понизил научную подготовку русских студентов. Но хуже всего то, что русское студенчество представляет собой нестройную толпу разъединенных единиц небольших кружков и партий, не связанных в единое гармоническое тело единой солидарной идеей любви к науке и уважения к университету. Объединить и организовать эту толпу — важнейший вопрос для правильного устройства университета. Мы хорошо знаем, что успешное разрешение этого вопроса — одна из самых трудных задач, мы знаем, что весьма трудно создать регламентацией то, что вырабатывается самой жизнью, что взмахом пера невозможно восстановить то, что разрушалось долгое время.

Припомним страницу из мемуаров Пирогова, в которой он рисует привольное житье московских студентов 1824 г., обитавших в десятом номере университетского интерната. Какие оригинальные типы! Какое самоотверженное отношение к науке! А между тем тогда не было ни студенческой формы, ни педелей, ни субинспекторов. Должность инспектора студентов поочередно исполняли сами профессора, а попечителя кн. Оболенского видели только раз в год на университетском акте. С 1825 г., — утверждает Пирогов, — началась регламентация университета и студенческой жизни: появляются малиновые студенческие воротники, появляются педеля, субинспектор, инспектор, а попечителя кн. Оболенского заменяет генерал Писарев, позволяющий себе говорить дерзости такому ученому, как знаменитый Лодер, защитником которого является прусский король, написавший о нем письмо императору Николаю.

Повторяем, организация расшатанной университетской толпы — дело нелегкое, но едва ли можно обойти его, создавая правильную и целесообразную организацию университета. Припомним мудрые слова нашего Пирогова, с которым не мешает считаться при обсуждении университетских вопросов. На странице 360-й I тома своих сочинений он говорит: «Да, корпоративное устройство студенчества — важное дело в отношении порядка и благочиния. В этом я достаточно убедился в бытность мою в Дерпте учащимся и профессором. С неорганизованной, беспорядочной и разношерстной толпой молодых людей ничего не поделаешь. По-моему, просто безумие со стороны начальников разглагольствовать с собравшейся толпой студентов. Это значит вести и себя, и молодежь в беду без всякой пользы для общего дела. Учреждение корпораций в наших русских университетах по образцу Дерптского, конечно, невысказано. В Дерпте, как и в германских университетах, корпоративное дело есть дело традиционное. А у нас нет для него почвы. Но тем не менее, пока в наших университетах не придумают учредить тем или другим способом студенческое представительство, правильно организованное, пусть университетское начальство не рассчитывает на свое влияние и воздействие на учащуюся молодежь. Тогда ничего не остается иного, как начальство университета, профессора, ректоры — сами по себе, а студенты — сами по себе, а для порядка и благочиния — городская полиция. Это неминуемо. Но нравственно-научное значение университета многое утратит».

Мы хорошо понимаем необходимость для России технического образования и радуемся, что это важное дело находится в руках такого предприимчивого и талантливого государственного человека, как нынешний министр финансов, но, радуясь этому от всей души, мы не можем не скорбеть, что забываются интересы наших университетов, низводимых на второй план. Блестящее прошлое этих

университетов, заслуги их пред русскою землей дают им право на уважение и внимание. Этого требует достоинство нашего могучего государства, это соответствует истинным интересам великого русского народа. Правда, университеты переживают теперь смутное время, но правительство должно помочь поскорее выйти из этой смуты. Этому, конечно, в значительной степени может содействовать более правильное устройство русского университета. Университет должен быть освобожден от зависимости, излишне стесняющей его развитие и самостоятельность мелочною регламентацией: университет должен превратиться в свободную академическую общину, члены которой — профессора и студенты — сольются в единое гармоническое целое, одухотворенное великой идеей служения русской земле и ее Государю.

Почему неудовлетворительна подготовка юристов?

Недостаточная научная подготовка студентов юридического факультета сделалась предметом обсуждения наших газет. Поводом к этому послужила статья В. Ф. Дерюжинского в сентябрьской книжке «Журнала Министерства юстиции». В этой статье сведены мнения судебных сановников о причинах крайней неподготовленности питомцев юридических факультетов и в общих чертах указаны способы для ее устройства. В большинстве случаев указания эти весьма правильны и делают честь нашей высшей магистратуре. К ее голосу я позволю себе присоединить и свой — голос профессора, около полувека занимающего кафедру в юридическом факультете и долгое время бывшего его деканом. Пред моими глазами прошло немало университетских поколений, сменилось немало университетских порядков, и я, таким образом, мог иметь достаточно времени и поводов собрать массу наблюдений, имеющих отношение к поставленному вопросу. Вопрос этот поистине заслуживает внимания общественного мнения и властей, в руках которых постановка нашего учебного дела.

Считаю нужным оговориться: речь моя будет касаться массы, большинства студентов-юристов, среди которых найдется немало отрядных исключений по своему высокому развитию и строгой научной подготовке. Они, конечно, не заслуживают того укора, которого, к крайнему сожалению, вполне заслужило большинство их товарищей. Несомненно, научная подготовка этих последних с каждым годом более и более понижалась под влиянием двух главных факторов: гимназического устава 1872 г., так умалившего преподавание гуманитарных наук в средней школе, и университетского устава 1884 г., так старавшегося привить к юридическому факультету узкое профессионально-утилитарное направление. По крайнему моему разумению, оба фактора имели роковое влияние на дух и направление питомцев юридического факультета. Из гимназии 1872 г. не выносилось почти никаких сведений ни по истории, ни по литературе — двум основным наукам, составляющим главный фонд образованного человека. Отсутствие сведений, например, в отечественной истории было поразительно. Экзаменуя по истории русского права студентов, переходящих со 2-го на 3-й курс, мне приходилось иногда замечать, что некоторые из них не могут в последовательном порядке назвать русских государей XVIII века. Еще скуднее были сведения

по истории общей и по литературе: окончивший с дипломом первой степени не всегда мог объяснить значение, например, крестовых походов, а по части литературы не только не мог отличить Расина от Мольера, но и Державина от Ломоносова. Факты маловероятные, но к сожалению, несомненные. Я даже однажды предложил факультету довести до сведения попечителя округа о таких скудных познаниях учеников гимназий в важнейших образовательных предметах.

Эта скудность сведений, вынесенная из средней школы, не могла быть пополнена университетскими курсами по программам 1884 г.: такие образовательные предметы, как государственное право, как история философии права, были едва терпимы: такой назидательный для ума предмет, как история иностранных законодательств, был вовсе упразднен. Неудивительно, что диплом первой степени нередко доставался человеку малообразованному. Между прочим, значение гуманитарных наук, как справедливо указал министр юстиции, весьма велико, и едва ли без знакомства с ними можно быть образованным юристом.

До Устава 1812 г. юристы в университете св. Владимира слушали полные курсы по истории литературы и философии, несмотря на то, что уваровская гимназия была богаче гуманитарной наукой. Припоминаю многих питомцев этого отдаленного времени — этих Поярковых, Ильяшенко, Коломийцевых, Боделевских и т.д. Какие развитые, высокопросвещенные, и сколько света и правды вносили они в темное царство дореформенного суда! Своим широким развитием, своим просвещенным умом они, смею думать, были обязаны не одному изучению чисто юридических дисциплин, но и лекциям таких профессоров, как Максимович или Новицкий.

Устав 1842 г., упразднив некоторые неюридические курсы, оставил все-таки обязательным для юристов слушание русской истории и истории русской литературы. Я сам слушал эти предметы и могу удостоверить, что лекции таких профессоров, как Павлов или Селин, имели несомненно сильное образовательное влияние на аудиторию. Устав 1863 г. упразднил обязательность этих предметов для юристов, но зато в состав юридических предметов он выдвинул некоторые кафедры, несомненно, имевшие образовательное значение: он расширил преподавание государственного права, придал истории философии права подбающее ей значение: он образовал новые кафедры: истории русского права, законодательств славянских и иностранных и права церковного. Эти новые кафедры в достаточной степени вознаграждали за отмену курсов русской истории и истории русской литературы и были значительным коррективом недостатков гимназического курса.

Юридическая школа по Уставу 1863 г. была полна и содержательна: из нее вышли деятели судебной реформы, благородные имена которых не будут забыты Россией. Не слышалось тогда укоров в недостаточной научной подготовке юристов. А теперь эти укоры не прекращаются, и как ни больно нам, наставникам, слышать укоры эти, — даже в грамматических ошибках, — мы не можем не сказать, что они заслуженны. Да и какую научную подготовку могли выносить юристы из школы, установленной Уставом 1884 г., при той нерациональной системе экзаменов, которая практикуется в факультете? Устав 1884 г. из всех предметов, преподаваемых в юридическом факультете, выделил несколько предметов, сделав их главными. Это именно догматические предметы: римское право, гражданское

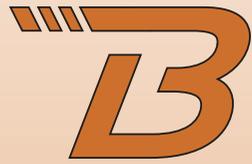
и уголовное. Эти предметы составляют главное содержание экзаменов испытательных комиссий. От успеха в них зависят первая или вторая степени. Знание других юридических предметов не принимается вовсе во внимание: это предметы домашние, факультетские, нужные только для перевода с курса на курс. Все внимание студентов, естественно, обращено на изучение главных предметов, за которые им даются степени; все же другие ими игнорируются; лекций по этим предметам они почти что не слушают, довольствуясь поверхностным ознакомлением с ними ради переводных экзаменов. Эти же переводные экзамены массами и оптом не дают никакой возможности экзаменаторам проверить сведения экзаменуемых: отметки ставятся случайно, второпях, и переход с одного курса на другой нередко совершается вследствие усиленных просьб.

Эта массовая система факультетских экзаменов оптом — одна из главных причин низкого уровня научной подготовки юристов. В газете «Россия» я более подробно говорил об этой курсовой системе экзаменов, предлагая заменить ее системой экзамена предметного, заменив экзамен оптом экзаменом в розницу. Продолжаю думать, что при предстоящем пересмотре университетских порядков на этот пункт следует обратить серьезное внимание, установив систему экзаменов более правильную и целесообразную. Что же касается испытательных комиссий, то можно только удивляться, что такое учреждение, всеми порицаемое, все-таки держится. Будем надеяться, что эта попытка контроля над университетскою наукой при новом порядке вещей будет отменена вместе со многими другими красотами Устава 1884 г.

Таким образом, подъем научной подготовки юристов может быть достигнут радикальным преобразованием гимназической системы 1872 г. и Университетского устава 1881 г. Относительно гимназии следовало бы возвратиться к уваровской гуманитарной гимназии, а относительно факультета следует возвратиться к Уставу 1863 г. Отмененные кафедры должны быть восстановлены, объем преподавания таких общеобразовательных предметов, как государственное право и история философии права, должен быть также расширен, и все факультетские предметы должны считаться одинаково важными и обязательными, приниматься в расчет при назначении степеней. Экзамены по всем факультетским наукам должны всецело принадлежать факультету и производиться по системе предметной, а не курсовой. Ни к чему не ведущие испытательные комиссии должны быть упразднены. Обязательные письменные работы должны быть также восстановлены, а вместе с ними и диссертации на степень кандидата с прежним коллоквиумом. Знакомство с одним из новых языков должно быть не номинальное, а действительное.

Полагаю, что все эти условия возвращения к порядку 1863 г., отмененного в 1881 г., поднимут уровень научной подготовки юристов, и мы более не будем слышать тех укоров, которые так часто и так справедливо раздаются теперь.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
цифровой академической библиотекой «Автограф»
URL: <http://avtograf-library.ru>*

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >